

АННА ЗОЛТАЯ

Соединим
неба

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЗОВЫЙ РОМАН

18+

Его жизнь прекратилась в одно мгновение. Он увидел ее.

Все, что было до этого, перестало иметь значение. Прежнего не существовало. Он, прошлый, остался в другом измерении, в котором все помнилось так, будто отголоски звуков сквозь толщу воды. Все, что случилось после, было связано с ней. Самого себя он связал с ней. Туго, так, что путы впивались в тело, оставляя кровавые следы. Скинуть их было нельзя. Он не хотел их скидывать. Даже если это вело к гибели их обоих.

Последний поцелуй неба

Его жизнь прекратилась в одно мгновение. Он увидел ее.

Все, что было до этого, перестало иметь значение. Прежнего не существовало. Он, прошлый, остался в другом измерении, в котором все помнилось так, будто отголоски звуков сквозь толщу воды. Все, что случилось после, было связано с ней. Самого себя он связал с ней. Туго, так, что путы впивались в тело, оставляя кровавые следы. Скинуть их было нельзя. Он не хотел их скидывать. Даже если это вело к гибели их обоих.

Но в ту минуту он не мог знать будущего. В ту минуту он ничего не мог знать, кроме единственного — он умер, и он родился заново. Видя ее глаза.

Ее глаза. Затаить дыхание и глядеть в них. В мире нет ничего важнее именно этого времени, когда они не скрыты опущенными ресницами, не играют, не кокетничают, не блестят предательскими слезами. Они не затуманены. Она ясны и ярки. Их синева затапливает все вокруг, затмевая небо. Эти глаза пьянят сильнее поцелуев и запретных мучительных ласк, от которых горит душа и стораает тело.

Ее глаза, умеющие лгать так сладко, что любая правда померкнет возле этой лжи. Пусть так. Он готов был и к этому. Он сам себя вогнал в это. И не жалел ни минуты.

Всего лишь секунда. Быть может, меньше. Он, пресыщенный и изможденный. Она — порочная и ненасытная. Они стояли друг друга.

Она пролила на него вино — едва ли нечаянно. Он сделал вид, что поверил в ее неосторожность. Она подняла на него взгляд. И все было кончено, когда красное пятно продолжало расползаться по его груди.

Его жизнь прекратилась в одно мгновение. Он увидел ее. И родился заново.

Глава 1. Носорог

200_ год

В закрытый элитный клуб для истинных ценителей как изящного, так и альтернативного под названием «Носорог», расположенный в загородном особняке, попасть можно было только по надежной рекомендации. Общий зал, где клиенты под видом непринужденной беседы выбирали тех, с кем после проводили время в отдельных комнатах, был декорирован по проекту именитого дизайнера в стиле арт-деко. Стены с черно-белым графическим рисунком, на которых в ассиметричном порядке висели оформленные в стальные рамы работы в жанре ню самых известных фотографов. Облицованные мрамором камин и кожаные широкие удобные диваны. Напыщенная роскошь гостиной отражалась в зеркальном потолке, в самом центре которого сверкала в своей величии хрустальная люстра.

В черном кожаном корсете, скрывающем грудь, но открывающем упругие ягодицы, и высоких ботфортах Северина вышла в зал и окинула сегодняшних гостей томным взглядом. Отметила про себя постоянных посетителей и цепко оглядывала новеньких. На одном из них взгляд ее задержался, и ресницы чуть дрогнули. Она взмахнула длинным «конским» хвостом светлых блестящих волос, взяла с подноса бокал вина и, поигрывая в руке коротким хлыстом, двинулась среди гостей в сторону заинтересовавшего ее мужчины.

Не дойдя до него полшага, она сделала вид, что споткнулась, и на его несомненно недешевой рубашке бледно-розового цвета расплылось ярко-красное пятно.

— Я такая неловкая, — забормотала Северина, подняла на него глаза и проговорила с придыханием: — Простите...

Мужчина вздрогнул. Уголок его губ шевельнулся. Руки скользнули по испачканной ткани, будто ее можно было оттереть ладонью. И, наконец, он легко выдохнул и перевел взгляд на ее лицо. Серый взгляд оценивающе касался ее черт, изучая каждую, скользил по гладкой коже. И то и дело возвращался к глазам.

— Ничего страшного, это бывает, — проронил он, а потом улыбнулся.

Северина вслед за ним скользнула ладонью по испорченной рубашке.

— Вы можете меня наказать, — шепнула она, приблизив губы к его уху и протягивая ему хлыст.

Черная бровь дернулась, а улыбка сделалась почти хищной. Он оценивающе посмотрел на хлыст, потом на девушку перед собой — невысокую, тоненькую, но вполне себе соблазнительную.

— Я не бью женщин, это не в моих правилах, — негромко сказал он, едва ли перекрывая музыку и голоса людей вокруг них. Следующий вопрос звучал громче: — Зовут тебя как?

Он не видел, как глаза ее сощурились, и в них промелькнула дикая злость, но уже в следующее мгновение губы ее расплывались в завлекающей улыбке.

— Северина, — проворковала она, — и я могу... я должна загладить свою вину. Любым способом.

Ее голос казался почти кошачьим. Ее взгляд околдовывал. Ее томные движения заставляли забыть весь мир. Мужчина снова, почти осязаемо, коснулся взглядом белой кожи

ее рук и груди, выступающей из корсета. А потом усмехнулся:

— В другой раз... Северина. Имя-то что такое дурацкое?

— Мне нравится, — пожалала она плечом.

Он следил за этим кратким жестом, как замороженный. Как-то пофигу стало, что только-только вышел от Катиш. И если пофигу это, то почему должно быть не пофигу, что дома ждет жена? Движения этой женщины манили его, она сама с этой минуты врезалась в его существо, не оставив места покою и благоразумию.

— Тебе не идет, — негромко ответил мужчина. А потом чуть склонился, чтобы что-то добавить. Не успел. Секунды не хватило.

— Закс, мать твою! Хрен тебя найдешь! — из соседнего зала к нему пробирался Ольховский. — Ты трезвый или на такси?

Закс обернулся, окинул взглядом Алекса, выглядевшего немного более взъерошенным, чем обычно, и ответил:

— Трезвый, трезвый.

— Тогда к черту все, погнали. Ты все? Дел не осталось?

— Остались, — он усмехнулся, обернулся к той, что назвалась дурацким именем Северина, вынул из кармана визитку и сунул ей в руку. — Звони, или я сам тебя найду.

Звучало как обещание.

Она взяла визитку, посмотрела на имя, которое и без того прекрасно знала, и убрала карточку за корсет.

— Вы знаете, где меня найти, — ее улыбка и ему обещала многое.

Потом они ушли. Она осталась одна. В этом месте для избранных. Северина ходила среди клиентов, призывно улыбалась, составляла компанию и поддерживала ничего не значащие разговоры. И никто бы не догадался, что все ее мысли лишь об одном. О том, что ее чертова жизнь впервые дает ей чертов шанс, о котором она просила долгие десять лет.

Теперь Анна Протасова сможет, наконец, отомстить Виктору Заксу.

Глава 2. Настя

Десятью годами ранее

— Мам, ну маааам, — канючила Настя, бродя за матерью по дому. — Ну можно я поеду? Каникулы же. Через пару дней вернусь.

— И что тебе там сейчас делать? — с улыбкой спросила Марго. — К кому намылилась уже?

— Чего сразу «намылилась»? — надулась дочка. — Ну, допустим, с Машкой погуляем. Она же тебе нравится, — Настя показала матери язык. — Всегда говоришь, какая она умница-разумница.

— Ревнуешь?

— Больно надо!

— Лучше бы список литературы на лето открыла хоть, — отмахнулась Марго и направилась из кухни в гостиную.

На даче в это время было хорошо — тишина, хлопот никаких, ужин готов. Погода располагала к философствованию. Марго легко выдохнула и устроилась на диване, вытянув ноги.

— Десятый класс, Насть, определяться пора, — безапелляционно проговорила она.

— Ага, как раз дома и возьму Тургенева, — воодушевилась в ответ Настя. — А Шишкин меня с собой зовет поступать. Он в театральную академию собирается.

— Папа будет против. И против театра, и против твоего Шишкина, и против поездки. Хочешь нарваться — сама у него спрашивай. Я участвовать не буду, — улыбнулась Марго, потом взяла с тумбочки у дивана книгу и, раскрыв ее, не глядя на дочь, добавила: — Но концептуально — право имеешь.

Это означало только то, что по приезду Петра Михайловича, Марго обязательно вставит свое веское слово в дискуссию. И Настя это прекрасно понимала.

— Сама уеду, — проворчала она. — Утренней электричкой.

И выскочила из комнаты.

— Настя! — позвала мать. Но девочка не отозвалась. Что взять с пятнадцатилетнего подростка? Когда самой Марго едва исполнилось восемнадцать лет, она влюбилась без памяти в Петра Горина — в мужчину, старше ее почти на двадцать лет. Человека с прошлым, настоящим и будущим. Не самым простым. Только ее не удержали ни отец с матерью, ни собственные принципы. Ничего. Ушла с одним чемоданом из дома в квартиру, которую снял для нее женатый на тот момент любовник, ничего при этом не обещавший ей. Это потом уже был долгий изнурительный развод, скандалы и истерики Марии Алексеевны, раздел имущества и отъезд последней за границу с весомой частью состояния, заработанного Петром Михайловичем. А еще была свадьба, рождение Насти и их тихая жизнь, в которой Марго была вполне себе счастлива, не задумываясь над чем-то отвлеченным. Она была женой и матерью. Большого и не хотела никогда.

У дочери характер отца. Но бросить все и уехать — вполне в репертуаре Марго. В неизвестность, обрубая все концы. Потому она нуждалась в некоторой свободе выбора и действий. Главное — не навредить. Покладистость — это не про Гориных.

От тревожных мыслей ее отвлек шум за окном. Марго медленно встала и подошла к

подоконнику. Одернула занавеску. К дому подъехали две машины. Мягко прошуршали резиной и остановились у самого крыльца. Из второго черного монстра суетливо выскочил Петр Михайлович и взбежал по ступенькам.

— Марго! Анастасия! Живо собирайтесь, — раздался его голос в доме. Сам он направился в свой кабинет. Снял семейный портрет, открыл сейф, принялся сваливать без разбора его содержимое в кейс и снова крикнул: — Берите только самое необходимое. Одну сумку на двоих!

Марго бросилась за мужем и в полной растерянности замерла на пороге.

— Петруша, что? — только и смогла произнести она.

— Не задавай глупых вопросов, — закричал Горин. — Ты что, телевизор не смотришь? Не понимаешь, какие времена? Будете жить в городе, среди людей. Охрану вам найму. Собирайся иди!

— Петь, но ведь тут хорошо, тихо... — испуганно ответила она, осеклась и медленно, как сонная, направилась к лестнице. Потом обернулась и снова спросила: — Это надолго?

— На столько, на сколько надо! — Петр Михайлович кинулся к ящикам стола. — И, пожалуйста, сделай так, чтобы Настя не начала упрямиться. Не до этого сейчас.

— Да, я постараюсь...

Она вышла из кабинета. Позвала Настю. Как-то глупо подумала, что желание дочери приехать в Питер сбудется раньше, чем она ожидала. Чем они ожидали.

Достала сумку из каморки в прихожей. Поднялась с ней в комнату. Стала скидывать вещи. Снова позвала Настю. А потом села на постели. Если бы только она знала, что именно так застанет ее последняя минута в жизни.

Настя зашла в комнату к матери, увлеченно жуя жвачку.

— Чего мам?

Марго не успела ответить. Визг колес у дома заставил ее вздрогнуть. К окну подходить не стала. Только прижала к груди обе руки.

— Кто там, Насть?

Девчонка выглянула в окно и с округлившимися глазами наблюдала, как кавалькада черных джипов рассекает по материнским клумбам, как из них выскакивают коротко стриженные спортивного вида парни. У некоторых в руках были биты.

— Горина позовите! — раздался звучный голос, донесшийся из-за стекла, но отчетливо услышанный Настей.

— На хрена он тебе сдался? — отозвался один из мужиков от отцовской машины.

— Позови, говорю, — сдержанно повторил голос, а она никак не могла понять, кому он, этот голос, принадлежит. Потом поняла — этот впереди, отличающийся от всех, с волосами по плечи, худой, совсем непохожий на мордоворота.

— Петр Михайлович занят, просил не беспокоить, — оскалился Гориновский охранник.

— А ты скажи, что Виктор Закс заехал. Отца помянуть. Выйдет обязательно.

— Хрен тебе!

— По-хорошему не хотим?

Кто выстрелил первым, Настя заметить не успела.

— Мам, — вскрикнула она и отскочила от окна.

Только потом увидела, как Марго грузно повалилась на пол, а из-под ее головы растекается лужица красного цвета. Закусив кулак, Настя выбежала из комнаты, но в холле уже были слышны тяжелые быстрые шаги. Она спряталась в стенном шкафу, оставив узкую

цель, в которую было видно вбегающих в дом убийц. Один, второй, третий, тот, который назвался Заксом, еще один, и еще, и еще...

— Живо мне его найти! — заорал Закс. — И чтоб пальцем никто эту тварь не тронул — мой!

На его крик никто не отозвался, только разбежались по комнатам. Насте оставалось лишь сильнее вжаться в шкаф, но оторвать взгляда от красивого лица человека, который пришел, чтобы убить ее, она не могла.

— Ах ты щенок! — вылетел из кабинета Горин, направляя на Закса револьвер. — Весь в своего папашу-мудака.

Оружие из его рук выбили. Секунда, и пистолет грохнулся на пол с оглушительным стуком. Кто-то из Заксовских ребят живо его подхватил. Закс шагнул вперед. Теперь никаких эмоций в нем не было. Он казался непроницаемым и холодным.

— Здравствуйте, Петр Михайлович, — зловеще спокойно произнес он.

— Зачем приперся? — прохрипел Горин, отплевываясь.

— Сами знаете. Вопрос есть. Вы или не вы, Петр Михайлович?

— Не тебе, сопляк, допросы мне устраивать!

— Неправильный ответ. Еще раз спрашиваю, вы или не вы?

— Надо было и тебя, гаденыша, порешить, — Горин выровнялся во весь свой немаленький рост и грязно выругался.

— Спасибо за честность, — криво усмехнулся Закс. — Передавайте папе привет.

Вытянул руку, сжимавшую пистолет. На мгновение замер. Сжал зубы и выстрелил.

Настя зажмурилась и слышала грохот, отдающийся в ее ушах многократным эхом.

Горин повалился на пол. Несколько секунд Закс молча смотрел на него. Теперь лицо его казалось растерянным. Но растерянность постепенно сменялась чем-то новым, чего раньше не было. Он продолжал сжимать зубы так, что ходили желваки. Но при этом черты его были искажены выражением боли и одновременно отрешенности. Потом все стало на место. Будто захлопнули форточку. Он медленно опустил руку. Посмотрел на одного из парней и коротко сказал:

— Облить все бензином и сжечь. Я Цунами к доку повезу, пусть зашивает.

А потом развернулся и вышел, больше уже не глядя на труп.

Настя пыталась вжаться в деревянную стенку шкафа, прикрываясь одеждой, болтающейся на вешалках. Она закрывала руками уши, но все равно слышала топот ног по лестницам, перекрикивания чужих голосов и чувствовала запах табака, исходящий от отцовского пиджака, в котором он всегда ездил на охоту. Был еще запах бензина. Открытая дверь шкафа. И хриплый окрик:

— Эээ! Глянь, какая сучка!

Затем последовали грязные лапы мужчин, их хохот, крики, которые, как она поняла только после, принадлежали ей. Кляп во рту. И холодная столешница журнального столика, где только в это утро мама раскладывала пасьянс. Она чувствовала голой спиной и ягодицами лакированное покрытие. И еще чувствовала, как запястья ее придерживают чужие крепкие руки.

Пульсирующая боль разрывала изнутри и отдавалась в голове. Настя дергалась, стараясь вытолкнуть из себя то мерзкое и скользкое, что врвалось в нее сильно и безжалостно, не понимая, что этим лишь усиливает пытку. Расправа становилась жестокой, а мучители изощреннее. На третьем человеке девочка сбилась со счета и потеряла сознание. Когда

пришла в себя, поняла, что лежит на полу, лицом вниз. Было тихо, только где-то наверху что-то потрескивало. Тянуло гарью. Она, почти совсем лишенная сил, тяжело поднялась, обтерла юбкой ноги.

И оглянулась вокруг себя, замерев в этом мгновении.

Это после завернутая в покрывало фигурка брела среди деревьев в сторону трассы. Это после она оглянулась на полпути, чтобы увидеть, как полыхает ее дом, в котором сгорают ее папа, мама и вся ее жизнь. Это после она поклялась себе, что однажды отомстит тому, кто сотворил это с ними. Но в ту минуту она стояла среди дыма и огня и видела только труп отца, и знала, что наверху тело матери ждет, когда его сожрет пламя.

Потом она тоже почти ничего не помнила.

Помнила только хриплый вопль тормозов на асфальте. Молодого мужчину, выбежавшего из автомобиля, едва не сбившего ее. Его перепуганный карий взгляд, когда он понял, что девочка, сидевшая на голой земле, едва ли слышит, что он кричит ей. И помнила его имя — Алексей Власов.

В следующий раз сознание вернулось к ней уже в ожоговом центре. И именно тогда на свет появилась Анна Протасова, а Анастасия Петровна Горина была объявлена погибшей вместе со своими родителями.

Глава 3. Танец маленьких лебедей

200_ год

Осень грязными клочьями раздирала воздух серой листвой. Виктор Иванович Закс, генеральный директор и один из основных держателей акций корпорации «ZG Capital Group» устало смотрел в окно своего кабинета, откуда открывался шикарный вид на город — один из лучших в Питере. Он мог позволить себе этот вид. Он мог позволить себе все на свете. И мог позволить себе не становиться от этого ни минуты счастливее.

Октябрь полыхал закатом. Закаты он любил. Когда стекла домов окрашивались огненным цветом, и он знал, что стекла здания «ZG Capital Group» тоже полыхают, то чувствовал странное умиротворение и сопричастность к этому октябрю. Еще он любил эти минуты в конце рабочего дня, когда шум стихал, и он оставался один.

Коньяк в бокале красовался на столе, отражая золотистые солнечные лучи. И Закс не спешил подносить его к губам. Четко очерченный рот его улыбался мимолетной улыбкой, какую человек замечает за собой редко. Может быть, потому что? улыбаясь вот так, не замечая, человек перестает быть кем-то другим. И выглядит таким, каков он есть внутри себя.

Тишину разорвал телефонный звонок. Закс нехотя потянулся к мобильному. Лиза. Жена.

— Привет, — голос в мобильном был спокойным. При желании в нем можно было расслышать нотки радости. Но этого желания не испытывала ни Лиза, ни ее муж. — Ты еще на работе?

— Да куда ж мне деться? — мягко ответил Виктор, но эта мягкость была ему присуща тогда, когда он не желал, чтобы разговор затянулся. — Привет. Что у тебя?

— Мама в клинике. Врачи не говорят ничего определенного, — она помолчала. — Вить, я не знаю, когда вернусь.

— Ну хочешь, прилечу к тебе в выходные? — оба знали, что никто никуда не полетит. Но он всегда спрашивал. Она всегда говорила, что не нужно.

— Нет, пока не надо. Но спасибо.

— Лиз, ты как вообще? — еще один дежурный очень правильный вопрос.

— Нормально.

— Соня рядом? Андрей сказал, пока без него обойдетесь.

— Понятно. Андрею виднее. А мама его спрашивает каждый день... Ладно, Вить. Я пойду. Не работай много.

— Не буду. Я сворачиваюсь и домой. Устал, как собака. Держись там. Люблю тебя, — еще одна обязательная фраза в программе минимум. Финальный аккорд.

— И я. До завтра, — ответила Лиза.

— До завтра.

Он отключился первым. Нажатие кнопки, и свободен.

Их отношения давно устоялись, и обоим не были в тягость. Жили параллельно друг другу. Нет, не вместе, но рядом. Сосуществовали. Она не лезла в его жизнь. Он не лез в ее. Регулярно трахались. Закса устраивало. Надеялся, что устраивало и Лизу. Впрочем, обычных для женщин страданий, истерик и рассудифилиса она не устраивала, за что он был ей весьма

благодарен. Он не особенно гулял. Если случалось, она делала вид, что не знает. Нормальные отношения, выдержанные годами. Знакомы они были всю жизнь. Встречались пять лет. Расписались два года назад. Как положено. Платье, торт, ресторан, венчание в церкви. Андрей был доволен, Мария Алексеевна растроганно держала платочек у глаз, бухая Соня была застукана целующейся с шофером. Еле отвадили.

Но, по сути, этот брак ничего не изменил. Их отношения давно перестали быть чем-то, в чем оба нуждались.

Еще некоторое время после этого звонка Закс гипнотизировал бокал. Потом отставил его в сторону и посмотрел на часы. Можно ехать домой. И провести вечер перед экраном ноутбука, завалившись спать пораньше. Можно затащить Алекса в какой-нибудь бар и забухать на пару. И в этом случае раньше полуночи дома они не будут. А можно поехать в «Носорог». И тогда сон раньше утра ему не грозит. С его кошмарами — самое то.

Закс не любил спать. Во сне он уставал и выматывался сильнее, чем за день. Сон медленно разрушал его психику. Во сне ему являлись мертвые. Неизбежно, год за годом. Каждую ночь.

Значит, «Носорог». Ок. Если быть честным с собой, то можно чем угодно отмазывать желание снова увидеть вчерашнюю «Северину»... но главного это не изменит. Вот уже почти сутки, как он думает о ней. Ей-богу, Виктор Закс никогда не был завсегдатаем подобных заведений. Снимать проститутку, пусть и элитную, для избранных, ему казалось сродни признанию себя неполноценным. Но, в сущности, в чем его полноценность? В том, что он не спит ночами, лишь перед утром забываясь тревожным сном? И так уже больше десяти лет? Похрен. Святым он никогда не был.

Часом позднее Виктор Закс вошел в мужской клуб «Носорог», куда накануне его привел Ольховский. Рекомендации банкира Александра Ольховского стоили немало. Будь ты хоть десять раз князем Монако — в «Носорог» без рекомендаций постоянных членов клуба не пропустят.

Девочек в гостинной, как и посетителей, было еще немного. Северина стояла в самом центре, низко облокотившись на дубовый стол с проигрывателем. В пачке бледно-бирюзового цвета, с отрезанным короче, чем принято, фатином, и атласных стрингах, она подтанцовывала в такт «Танцу маленьких лебедей» в современной обработке, громко льющемуся из колонок. Идеально гладкие волосы рассыпались блестящими струями по плечам и тонким белым рукам. На ногах сверкали стразами стрип-босоножки с лентами, несколько раз обмотанными вокруг щиколоток, как на пуантах.

Закс усмехнулся, наблюдая за ней, пока она не видит его. И подумал совершенно нелепо и неожиданно: элитная или с улицы — шлюха есть шлюха. Каким бы красивым ни было лицо, на нем лежит отпечаток бл*дства, не стираемый за давностью лет. Прошел вглубь зала — чтобы она заметила его. И направился к барной стойке. Себе виски. Ей — дайкири. Чтс она любила, ему, в сущности, было плевать.

Подняв голову, чтобы посмотреть на нового клиента, Северина присвистнула и призывно улыбнулась Заксу. Он подмигнул в ответ и кивнул головой, указывая ей на стул рядом. От понимания намеков напрямую зависел ее заработок. Она оттолкнулась от стола и, легко ступая на пятнадцатисантиметровых шпильках, приблизилась к бару.

— Тебе идет. Балетом никогда не занималась? — бросил Закс, делая жест бармену, кому придвинуть бокал с коктейлем.

— Нет, не занималась. Гимнастикой занималась, — отпила коктейль. — Вы быстро

вернулись. Я раньше не встречала вас здесь. Вам у нас понравилось?

— Мне ты понравилась, — звучало более чем прямо. Он покрутил в руке стакан с виски, но взгляда от девушки не отрывал. — Не позвонила почему?

Северина облизнула губы и приблизила их к лицу Закса. Долго разглядывала черные расширенные зрачки его глаз.

— Я собиралась, — сказала хриплым шепотом. — Вы пришли раньше.

— Я решил, что все же хочу получить некую компенсацию за испорченную рубашку, — коротко хохотнул Закс.

Довольная улыбка заиграла на губах Северины. Она томно моргнула и, взяв его за руку холодными пальцами, повела за собой на второй этаж. Провела по мягкому ковру коридора, заглушающему шаги, и толкнула тяжелую дверь.

Ее комната представляла собой декорацию утопического фильма. Все в ней было огромным. Окно во всю стену, кровать в половину комнаты, стол, заставленный профессиональными игрушками и соответствующими атрибутами, кожаное кресло с фигурной спинкой, прозрачная дверь в ванную и зеркальный потолок, такой же, как и в гостиной особняка.

Войдя в комнату, девушка щелкнула выключателем. Зажегся торшер с приглушенным светом.

— Еще есть дневной. Тебе как больше нравится? — спросила она.

Взяла со стола лохматое перо и прижалась спиной к стеклу окна. Медленно провела пером по лицу, шее, вдоль линии корсета и начала медленно расстегивать крючки другой рукой, продолжая ласкать себя пушистыми ворсинками.

— Оставь так, — произнес он, имея в виду то ли освещение, то ли ее одежду. И некоторое время еще следил за движением пера по ее коже. Потом шагнул ближе и заскользил над лифом кончиками пальцев, впервые ощущая, какая она гладкая и одновременно теплая и прохладная. Так бывает. Сейчас его пальцы были теплее ее тела. Он хрипло выдохнул и склонился к ней, приникнув губами к тонкой шее, на которой тревожно билась голубоватая жилка. Своим ртом он чувствовал это биение, отдававшееся в нем самой сладкой мучительной истомой. А потом заскользил по ней языком, прокладывая влажную дорожку от ее ушка к ключице.

Она откинула голову, уперлась затылком в стекло. Медленно повела пальцами по его спине, плечам, груди. Развязала узел галстука, расстегнула рубашку и стала неторопливо царапать остро отточенными ноготками его кожу. Вверх — вниз, вверх — вниз, вверх — вниз. Сначала грудь, потом захватывая живот. Спускаясь ниже, к пряжке ремня. Теперь ее ногти двигались по его коже вдоль пояса брюк, неглубоко проникая за него.

Мужчина хрипло выдохнул и задышал сквозь зубы. Дернул края корсета вниз, отчего затрещали несчастные крючки. Корсет упал на пол, к ногам. И глядя на ее обнаженное по пояс тело, Закс сверкнул глазами. Оказывается, огонь может быть серым, как серебро или ртуть. И обжигает не меньше языков желтого пламени. Его руки снова заскользили по ее обнаженной спине. Склонился, касаясь ртом ее шеи, груди, спускаясь к соскам. Сжал один зубами чуть сильнее, чтобы это не было болезненным. И чуть втянул его в себя. А пальцы опустились ниже, лаская теперь уже кожу под стрингами. Она прикрыла глаза и тягуче, на выдохе легко постанывала, плавно извиваясь по скользкому стеклу.

— Сними это, — низким грудным голосом произнес он, шаря ладонями по линии ее пояса и дергая вниз пачку.

Она послушно завела руки назад, пояс ослаб. Толкнула юбку вниз и качнула бедрами. Ткань легко упала к ногам абсолютно обнаженной Северины. Несколько бесконечно длинных секунд он просто смотрел на нее, и, казалось, этот взгляд засасывает ее в страшный омут, из которого нет и не может быть никакого спасения. Потом он медленно двинул рукой по внутренней стороне мягких белых бедер и коснулся пальцами клитора, чуть вдавливая его и теребя, но взгляда при этом не отрывал, желая видеть выражение ее лица. Потом глубже, к влагалищу, где было тепло и влажно. А потом стал водить туда и обратно, подразнивая и лаская. Подался к ней, вжав в стекло еще больше и прижавшись пахом к ее телу, чтобы она чувствовала — он возбужден не меньше.

Но она не только чувствовала, она видела это в чертах его лица, в его стальном взгляде. Ее глаза становились ярче от каждого движения его пальца, безошибочно находящего потаенные точки, прикосновения к которым делали ее еще более влажной. Стоны Северины становились громче и протяжнее.

Она не отводила своего блестящего взгляда. Не торопясь, сняла с Закса брюки, закинула одну ногу ему на бедро, стала водить прохладными пальцами у него в паху. Склонив голову к плечу Виктора, она покусывала его кожу, одновременно сокращая мышцы влагалища, умело возбуждая себя.

Едва он почувствовал эти движения, мир вокруг закружился. Придерживая женщину под ягодицами, он отлепил ее от окна и развернулся к кровати, опрокинув на постель. Быстрыми рваными поцелуями спустился по ее телу от шеи к животу. И ниже, по лобку, бедру, влажно касаясь языком того теплого, что пульсировало в ней и сводило его с ума. Подался вперед и накрыл ее телом, впервые найдя ее губы своими. И с наслаждением впился в ее приоткрытый красный рот, жаждущий поцелуев так же, как жаждала она — его.

Северина прикрыла веками глаза. Целовала, будто хотела выпить из него жизнь, прикусывая его язык, удерживала у себя во рту. Присасывалась к его губам жадным поцелуем изголодавшейся по ласке сучки.

Она прогибалась под Виктором, совсем не замечая тяжести его тела. Прижималась к мужскому паху, обжигаящему ее лобок. Бедра ее соблазнительно двигались, тоже становясь горячими. Девушка шире расставила согнутые в коленях ноги, открываясь навстречу мужчине. И, наконец, он вошел в нее — заскользил, с облегчением ощущая, как она коротко вздрогнула под ним. Коротко, но крупно, всем телом, дернувшись так, что он заполнил ее всю, до самых краев. И одновременно узнал в себе нарастающий тугой ком возбуждения, соизмеримого лишь с тем, что он иногда испытывал, будучи подростком. Взял ее запястья, завел их вверх, прижал к постели и задвигал бедрами — ударяясь в нее так сильно, что, вероятно, мог причинять ей боль. Но об этом не думал. Думать не мог. Видел только ее лицо, в котором отразилось что-то звериное. И знал, что звериное сейчас и в нем.

Ее громкие стоны теперь напоминали патоку. Они были такие же сладкие, липкие, вязкие. Отдавались в ушах, дурманили, обволакивали их общее, одно на двоих извивающееся тело, которым они сейчас стали. Руки ее обмякли в его руках. Если он так желает, она и без них сможет довести его до исступления. Северина скользила языком по его лицу и шее, терлась затвердевшими сосками о его грудь. Стоны ее постепенно становились вскриками, отражающимися от его сильных уверенных толчков. Она отвечала на них, резко вскидывая бедра, ненасытно проталкивая его член глубже в себя.

Не выдержал. Склонился к ее груди, чувствуя невозможную, непреодолимую необходимость снова чувствовать вкус ее кожи — острых вишен сосков. Обхватил один

зубами. Отпустил ее ладони, запустил руку туда, где их тела соприкасались жарче всего. И снова стал теревить влажный клитор, дурея от осознания того, как его собственные пальцы становятся мокрыми и скользкими. Лица не видел теперь. Но ее наслаждения ждал, прислушиваясь к мягкому, обманчиво хрупкому и одновременно такому полному сил и жизни телу.

Дыхание девушки становилось сбивчивым, крики резкими. Северина крепко ухватила за запястье его руки, пальцы которой терзали болезненным удовольствием ее клитор. Его не хотелось прекращать, но тогда все закончилось бы в считанные секунды. Она притянула ладонь Виктора к своему лицу. Не отпуская его руку, облизывала ее языком, захватывала ртом пальцы, прикусывала в разных местах, оттягивая свой оргазм. Еще бесконечно долго она чувствовала его движения в себе. Пока не зашла в нескольких повторившихся подряд конвульсиях и громко бешено выкрикнула, запрокинув голову. Еще несколько толчков, и он присоединился к ней в своем мучительном наслаждении, шумно выдыхая сквозь сжатые зубы и лихорадочно вздрагивая. И все еще продолжал двигаться, крепче прижимая ее к себе. Только потом сообразил, что ей, должно быть, не хватает дыхания. И со странным, совсем не свойственным ему сожалением, скатился в сторону, откинувшись на спину. А после, чувствуя только бьющееся во всем теле сердце, смотрел в зеркальный потолок. На нее и на себя.

Она улыбнулась ему в зеркало. Легко спрыгнула с кровати, удовлетворенно, длинно потянулась, оглянулась на Закса, задержав плотоядный взгляд на его отдыхающей плоти. И с горловым смешком отправилась в ванную.

Когда она вышла, он застегивал запонки на манжетах рубашки. Запонки были дорогие, дизайнерские. Как и весь он — выглядел эксклюзивным, сошедшим с обложки журнала. Не говоря ни слова, он подошел к ней, влажной еще после душа, поцеловал обнаженное плечо. И только потом шепнул:

— Спать укладывать не буду. Лучше загляну на неделе.

Глава 4. Охотник

Когда телефон заиграл мелодию будильника в тридцать третий раз, Анна зло шарахнула его о спинку кресла.

Прошедшая ночь напоминала караван. Почему этот мудака, появившись снова, опять сделал ее жизнь невыносимой? Он ушел, когда мог остаться до утра, будто заговорив эту ночь. И ей пришлось каждый час возвращаться в гостиную за новым клиентом. К рассвету она почти не соображала, на каком свете.

Как добралась домой, Анна не помнила.

Она заставила себя подняться с кровати. После душа долго разглядывала в зеркале багровое пятно на левой груди. Там, где вчера больно укусил один из клиентов, перепутав ее со стейком. Кровоподтек болел, устрашая внешним видом. Анна вздохнула и не стала надевать лифчик. Любые прикосновения отдавались болью. Как работать вечером, собиралась подумать потом.

Сейчас надо было думать о другом. Уже сорок минут, как начался зачет по английскому. И она на него опаздывала. Если не сдаст — пересдача затянется до следующего семестра. Анна чертыхнулась. Преподаватель был форменный идиот в своей принципиальности. Об этом говорил весь университет.

— И вот представляешь, — рассказывала она Таньке, когда за окном спускались сумерки, сидя у нее на кухне и стряхивая пепел в блюдце, — захожу я к этому принципиальному самой последней. Полистал он мою зачетку, что-то пробормотал по поводу объективности. Я ему билет подсовываю. Начинаю отвечать. А эта сволочь рукой на меня махнула и говорит: «Не напрягайтесь. Вы последняя из всей группы. Последними так просто не бывают». Ну я ж не дура, спрашиваю: «Сколько?»

Анна замолчала и глубоко затянулась, уставившись в окно.

— А он? — устало потеряв виски, вежливо поинтересовалась Таня. Не потому что ей было интересно, а потому что положено было спрашивать. — Слушай, открой форточку, не хочу вставать...

— А как ты думаешь? Вперился в мою грудь и улыбается. Грязно так. Мерзко. Ведь профессор!

Снова в кухне зазвенела тишина, среди которой раздался деревянный треск старой оконной рамы. Таня вздрогнула и поежилась, натягивая на живот края спортивной мастерки, которая давно уже не сходилась.

— Конечно, вперился, — усмехнулась она. — Если бы ты нижнее белье носила, может, и бабки взял бы.

— Очень смешно, — обиделась Анна. — Знаешь, у меня какой синяк? Даже кружев жмет...

— Ладно, ладно, не плачься. Что такое реально «жмет», ты себе вряд ли представляешь. Так договорилась или дала?

— Дала, конечно. Кажется, он надоговаривался за целый день. И ладно бы еще извращенец! Я, когда поняла, что не откуплюсь, в голове варианты прикинула. Думаю, обопрись пока на парту, потом видно будет. Хорошо в юбке была. А он, представляешь, подошел, руками под трусами полапал, побряхтел и говорит: «Не привык я так». Ну легла на

спину. Елозился почти полчаса, будто щенок неопытный. Но зачет подписал, — Анна выпустила в потолок струйку дыма. — А скоро к мадам нашей.

— Тварь, — равнодушно сказала Таня, имея в виду то ли профессора, то ли мадам. — Дай затянуться... я все заначки повывбрасывала.

— Разбежалась, — зло выплюнула Анна и выбросила окурок в форточку. — Родишь — делай, что хочешь.

— Два месяца еще. Сдохну.

— Не сдохнешь, — уверенно сказала Анна.

— Когда я рожать решила, я не... — она запнулась и подняла на нее глаза, в неожиданно чистой голубизне которых были слезы. Но разве идет дождь, когда нет туч? Таня покачала головой и прошептала: — Ань, я дура. Ты отговаривала, мадам предупреждала. Ни работы, ни денег, ни хрена. Четыре стены. Когда нечего станет продавать, и того не останется.

— Идиотка! — Анна снова закурила и, опомнившись, выбросила сигарету все также в форточку. — Сколько тебе надо?

— На сигареты, — хмуро ответила Таня и отвернулась. — Не обращай внимания. Иногда просыпается жалость к себе, это нормально. У тебя же тоже приступы случаются.

— На сигареты не дам! А моя жалость — не твое дело, — Анна поднялась. — Пора мне еще ехать. Звони, если что. На следующей неделе заскочу.

— Ань, — позвала Таня, удерживая ее на мгновение. — А рожать со мной пойдешь? Подружку можно, я спрашивала... Не могу одна, боюсь.

— Пойду. Там такси приехало. Пока.

В машине Анна уставилась невидящим взглядом в окно. Зло думала о том, что жизнь — дерьмо. Хоть вдоль, хоть поперек. Даже по диагонали.

У Анны Протасовой была своя диагональ, жирной линией отделившая прошлое от настоящего и перечеркнувшая будущее.

Она хорошо помнила, как находилась в клинике и как оказалась в детдоме. Но старалась не вспоминать о том времени. Сначала врачи, потом учителя делали то, что требовала выбранная ими однажды профессия, без оглядки на результат.

Но если только вспомнить, если только заглянуть...

Анна училась в одиннадцатом классе, когда их всем скопом отвезли на городские соревнования по спортивной гимнастике. Черт его знает зачем — вроде как массовку для камер создать. Снимал местный телеканал — а ей только-то на телевидение с ее страхами и рисками. Напустив на себя равнодушный вид, Аня наблюдала за участницами — что еще ей тогда оставалось? Некоторых знала с тех пор, когда сама училась в лучшей школе города. Было и такое в ту пору, о которой упорно пыталась не думать. И тренера их знала, потому что сама у нее занималась. Она старалась не попасться ей на глаза, пряча лицо под длинными прядями светлых волос, ссутулившись и вжавшись в спинку кресла. И облегченно вздохнула, усаживаясь в автобус, который отвозил обратно в детдом.

Если бы только Анна знала, что спустя две недели Ольга Николаевна Калинина, любезничая с их директором, заявится на урок физкультуры. Посмотреть пластичных девочек из малышей. Василий Андреевич что-то объяснял про благотворительную программу от какого-то неведомого мецената, по которой в школу собирались взять детей из приюта. Если найдут в тех способности. Здесь, казалось бы, тоже можно было выдохнуть. Анна находилась в том возрасте, который меньше всего интересовал бы тренеров. Звездочек

ищут среди тех, кому и пяти нет. Потом поздновато для результативности. Но и тут ей не повезло. С везением у нее вообще было туго.

Ольга Николаевна нашла ее во дворе, на улице. Тогда был апрель, листва распускалась. Мир казался сотканным из чертовых лучей чертова солнца, ласкавшего кожу — впервые тепло и ласково в том году.

— Настя, — позвала ее Калинина.

Анна курила, сидя на спинке скамьи, и покачивала ногой. Ольга Николаевна подошла ближе и снова позвала ее по имени. Имени, которое Анна Протасова больше не носила.

— Настя! Это ты?

— Вы мне? — удивленно спросила Анна и отбросила в сторону окурок.

— Тебе! — обрадовалась тренерша, до которой снизошли. — Ты не узнаешь меня, Настён?

— Я — Аня, — объяснила прописную истину девочка.

— Аня... — повторила Ольга Николаевна и сомкнула красивые губы. Несколько мгновений она внимательно изучала собственную бывшую подопечную. Сомнений быть не могло. Горина. Талантливая была. И безумно красивая — подобные лица так просто не забываются. Ольга Николаевна слишком хорошо помнила, что творилось в школе, когда стало известно, что девочка погибла с родителями при пожаре.

Отгоняя от себя непрощенные воспоминания, Калинина еще раз внимательно ее осмотрела и спросила:

— Хорошо, пусть будет Аня. Гимнастику не забросила?

— Ну березку делаю, — буркнула Аня. — Пять ставят.

— Березка — это хорошо, — на лице тренерши промелькнула усмешка. — Давно ты тут торчишь?

— Всегда.

— А когда все это здесь закончится? Придется ведь уйти. Думала, что дальше?

— Вам-то что?

— Помочь хочу.

С этих простых слов, с этого самого «помочь хочу» и началась история Северины.

Юлиан Фишер, лет семь назад переехавший в Мюнхен, якобы на историческую родину, навещался в Питер довольно часто по двум причинам. Здесь осталась его давняя любовница, Ольга Николаевна. И по совместительству — пособница. Под видом благотворительной программы для детей-сирот, меценатом которой выступал господин Фишер, Калинина ездила по детдомам и отбирала перспективных девочек. И мало кто догадывался, что красивыми словами прикрывались обыкновенные эскорт-услуги. Это тоже не вполне выражало смысл означенной деятельности, но наиболее подходило. От тех, кто все же догадывался, откупались.

Анна провела в компании Ольги Николаевны и Юлиана пять лет. Зерна обучения профессии были брошены на благодатную почву. Анна была не простой сиротой. Настя Горина училась в престижном лицее Питера. Всегда была любознательной девочкой, говорила на двух языках. И потому ей оставалось постигать тонкости науки любви, что оказалось несложным, когда она поняла, какие возможности дают знакомства и деньги. А знакомства и деньги — теперь были единственным, что она считала важным в жизни. Потому что только так однажды она смогла бы подобраться к убийце своих родителей. Оставалось только набраться терпения и веры, что однажды этот день придет. И быть

хорошей ученицей, самой лучшей ученицей, чтобы попасть в тот круг, куда нет доступа простым смертным — попасть в любом качестве. Смешно. В семнадцать лет напридумывала в своей голове целый роман. А оказалось, что все — просто болото, из которого невозможно выбраться, если уже угодил. Засасывало.

И все же знакомства помогли ей подняться по «карьерной лестнице». Ей шел двадцать первый год, когда в эскорте у нее появился постоянный клиент. Все знали его под именем Кайзер. Но Анна ласково называла его «мой Мандей». Он всегда забирал ее к себе по понедельникам на всю ночь и увозил на свою дачу. Кайзер был фетишист, любил разные игрушки и ролевые игры. Анна порой под утро падала, где придется, чтобы вздремнуть с полчаса. А Мандей продолжал бодрствовать, забавляясь с ее обессиленным телом. И никогда не отпускал без заключительного акта прямо в коридоре.

Однажды Мандей порекомендовал ее хозяйке «Носорога», членом которого был и сам.

Настоящего имени мадам Ламберт не знал никто из девочек. Но платила она исправно, сильно не обижала и даже принимала некоторое участие в их жизнях. Веревкиной она без обиняков предложила денег на аборт. А Анну поддержала, когда та сообщила, что собирается поступить в университет.

По дороге в клуб, уставившись невидящим взглядом в окно, Анна пыталась разобраться в себе. Желание мести возродилось в ней с удвоенной силой. Но все ее желания пока оставались лишь фантазиями. Для претворения их в жизнь нужно было составить четкий план, но он никак не приобретал обозначенных линий. И Анна загадала. Если Закс придет к ней снова, именно к ней, ее месть свершится.

Переодевалась она дольше обычного. Безуспешно пыталась загримировать укус, но он все равно проступал сквозь толстый слой тонального крема. И был замечен во всех корсетах. Анна почти отчаялась, когда вспомнила про костюм ковбоя. В белой блузе из плотной ткани кроваво-синее пятно было незаметным. Но и без этого все внимание всегда привлекали джинсы с большими вырезами вместо карманов на ягодицах. На бледной коже были нарисованы мишени. Завершали образ большая ковбойская шляпа и револьверы с присосками за голенищами сапог.

Задержавшись на лестнице, Северина глянула в зал сверху вниз и удовлетворенно прищелкнула язычком. За барной стойкой со скучающим видом и стаканом виски в руке сидел Закс. Он явился гораздо раньше, чем накануне. И все это напоминало бы простую игру вроде бадминтона, если бы для Анны не было игрой не на жизнь, а на смерть.

Он заметил ее почти сразу, едва она спустилась. И, развернувшись к ней на полкорпуса, кривовато усмехнулся. По улыбке его оказалось легко читать. Очередное приглашение. От него — ей.

Северина медленно приблизилась к нему и протянула один из револьверов.

— Метко стреляешь? — усмехнулась она и скинула шляпу на спину.

Закс приподнял бровь и посмотрел на пистолет. Медленно взял его в свои руки и направил на девушку.

— Когда-то упражнялся, — коротко ответил он. А потом приставил дуло к виску. — С тех пор в эти игрушки не играю.

Она безучастно смотрела за его движениями.

— А по-моему, это возбуждает. Мужчина с оружием в руках, — мечтательно протягивая звуки, проворковала Северина. — И еще зависит от цели.

Она резко развернулась на каблуках и встала перед ним, широко расставив ноги,

оттопырив попку и упершись ладонями чуть выше ягодич. Обернулась через плечо и спросила:

— Нравится?

— Не нравится, — коротко ответил он. Пистолет стукнулся о барную стойку, и Закс вернулся к виски. — Но задница красивая.

— Как знаешь, — легко ответила девушка, взяла револьвер и сунула его обратно в сапог. — Пойду поищу, кто захочет пострелять. Всегда находятся.

— Стоять!

Северина от удивления приоткрыла рот и потянулась за оружием.

— Передумал?

— Нет, ищу способ, как заставить передумать тебя. В тир ходила когда-нибудь?

— Только принимала участие в охоте.

— Успешно?

— Для охотников — да.

— На кого охотились хоть?

— Среди прочих и на меня, — негромко ответила Северина, не отводя взгляда от серых глаз Закса.

Он недоуменно вскинул брови, внимательно осматривая ее. Потом медленно произнес:

— Ни хрена себе... Интересная у тебя жизнь.

— Интересная, — согласилась девушка. — И все-таки мне нужен стрелок.

— Ладно, допустим, я стрелок. Дальше что?

Северина издала звук, похожий на боевой клич индейцев, и рассмеялась.

— Дальше будем искать второго стрелка и судью. Два револьвера, две мишени. Победителю достанется приз.

Его брови второй раз удивленно взметнулись, оказавшись высоко на лбу.

— Весело. Приз — ты?

— Возможно, — таинственно прошептала она.

— Я не хочу кота в мешке. Я хочу тебя.

— Кто платит, тот и заказывает. Что угодно.

— Но стрелять при этом обязательно? — с легкой улыбкой уточнил он.

— Обязательно. Ствол же у тебя, — хрипловато хохотнула Северина и закусила палец.

Он рассмеялся и протянул руку:

— Если ты об игрушке, то пока нет. Давай сюда.

— Об игрушке. О твоей, — она кокетливо вскинула бровь. — Я бы поиграла.

— Тогда на кой черт нам сдались второй стрелок и судья?

— Ок, подловил.

— Я тоже в некотором роде охотник.

— Заметно.

— Тогда пошли добычу делить. Каждый свою.

Сунув большие пальцы в карманы джинсов, Северина двинулась в сторону лестницы, виляя бедрами и напевая разудалую ковбойскую песенку. Закс, глядя ей вслед, опрокинул в себя остаток виски и поднялся следом. «Носорог» он покинул за час до рассвета.

Глава 5. Чугунка

Он проснулся в четвертом часу утра и больше уже не мог спать. Сон был прежний, который он знал наизусть, переживая его снова и снова. Он повторялся из раза в раз, заставляя его подхватываться с постели с криком. Не понимая, где он, и что происходит, бросаться куда-то вперед, вытягивая перед собой руку, в которой все еще сжимал пистолет. Десять лет он держал этот чертов пистолет в своей ладони и не мог опустить его. Пальцы его ощущали холодную гладкую поверхность курка. И отвратительная его тяжесть ложилась тяжестью на душу. Это потом уже Закс понимал, что руки его цепляются за воздух. Ничего и никого нет.

К утру Закс обыкновенно приходил в себя. Контрастный душ, бритье, ведро кофе без сахара. Свежая рубашка, дорогой парфюм. Ни одна тварь из тех, что окружали его эти долбаные годы, не знала, что скрывается за строгим костюмом и почти мальчишеской улыбкой успешного бизнесмена. К своему, надо сказать, счастью.

Ему тридцать шесть. Он стоит во главе крупной компании, созданной когда-то его отцом. И имеет больше, чем простой смертный может себе представить.

Но это не мешает ему просыпаться в четвертом часу утра, подрываться с подушки и стрелять в черноту вязкой ночи, дышавшей ему в лицо. Это после уже Виктор взял с тумбочки телефон, чтобы взглянуть на время. До этого он несколько секунд дышал часто, всматриваясь в темноту. И пытаясь унять биение сердца.

Лекарство оказалось кратковременным. И действие его вполне естественно прекращалось без приема на сон грядущий. А ведь курс проходил уже почти месяц. Почти месяц, за время которого он, как юноша с острым спермотоксикозом, таскался в «Носорог» к Северине. Она отгоняла его кошмары, едва ли догадываясь об этом. Это было непривычно и странно — знать, что после нее ничего уже сниться не будет. Может быть, потому он торчал в ее комнате ночами напролет, не в силах насытиться ею? Саморазрушение? К черту все, ему нравилось трахать эту бабу больше, чем других вокруг. И ни одна не приводила его к чувству странного, обманчиво светлого умиротворения, после которого не страшны кошмары.

Он очень хорошо помнил, когда впервые понял, что значат для него их дикие, звериные встречи. Это был четвертый его визит в клуб. Она изображала что-то невообразимое в своей пошлости. А он мог думать только о том, как ему нравится целовать ее полные мягкие губы. Наверное, тогда, в тот вечер, поцелуй впервые стал ритуалом. Он целовал ее жадно, ненасытно, будто пытался съесть целиком. И одновременно с болезненной нежностью, словно хотел, чтобы она чувствовала так же, как чувствовал он. У них ничего не было — на двоих. Только эти вот поцелуи, дурманящие мысли. Все прочее — продолжение прежней, как до этого, беспощадной игры в проститутку и клиента, что тоже было до пошлости честно и справедливо.

Накануне вечером Закс заработался допоздна. И вместо «Носорога» поехал домой. Вот результат. Сидит на постели, смотрит в ночь и задыхается. После он снова откинулся на подушку. И пытался вспомнить, какой день недели. Не помнил. Знал, что не выходной. И знал, что Лиза с вечера не отзвонилась. Откуда эта мысль взялась в его голове, Закс не имел представления. Он никогда не думал о ней, пока она сама о себе не напоминала.

Встал ближе к шести. И по заведенному кругу — душ, кофе, сигарета на балконе с

видом на равнодушный ноябрь в сумерках. Потом завтрак. Слуги в доме знали, что встает он затемно. И все всегда было готово заранее.

В восемь Виктор был уже в офисе. День начался по плану. Не по плану была только дикая головная боль. И навязчивая мысль о том, что прошлую ночь вполне можно вычеркнуть из жизни и памяти — в ней не было Северины с ее дурацким именем и глазами, красивее которых он не знал. Ей шел оргазм. Лицо, искаженное наслаждением, преследовало его каждую минуту. Даже при изучении макроэкономических показателей.

Ему пришлось отвлечься и от одного, и от другого, когда дверь с шумом распахнулась, и в кабинет ворвался Андрей Горин. Лицо его было перекошено от гнева, и сейчас сильнее, чем обычно, он напоминал своего отца. Губы его так же влажно кривились, и он нервно поправлял то очки, то галстук.

— Ты мудака! — крикнул с порога Андрей.

Дверь он оставил открытой, а свое тело бросил на мягкий удобный диван.

— Ты последний, мать твою, мудака! — он пожевал губами, снял очки, близоручо прищурился, снова нацепил очки на нос и брезгливо добавил: — Поц!

Закс приподнял бровь и не без саркастичной интонации уточнил:

— Ты сейчас обо мне так смачно?

— А ты видишь варианты? — Андрей обвел взглядом кабинет и ухмыльнулся.

— Ясно. Что случилось?

— Ты совсем охренел? — взвизгнул Горин. — Ты еще спрашиваешь? У меня под носом пи**ишь бабки с чугунки и сидишь с невинным видом папы римского.

Несколько секунд Виктор молча смотрел на партнера и прикидывал, насколько тот завелся. Судя по всем показателям, легко читаемым на его лице, это был еще не предел, но остановить надвигающуюся бурю будет сложно. Он медленно встал с кресла, захлопнул дверь и подошел к бару. Вынул бутылку коньяка и коротко бросил:

— Есть еще виски и ром. Будешь?

Андрей скорчил презрительную гримасу.

— Думаешь, накачаешь меня и уболтаешь? Ясный пень, я не могу лакать коньяк литрами, как ты и твой дружок Ольховский.

— Не бойся, мама в Лондоне, не заругает, — ухмыльнулся Виктор и плеснул в два бокала. — Значит, нарыл все-таки, да? Долго искал?

— Долго, ты хорошо умеешь прятать хвосты. Но мир не без добрых людей, — с силой оттолкнул протянутый бокал Горин.

Закс пожал плечами и отошел к своему столу. Поставил отвергнутую выпивку рядом. Вторую порцию зажал в ладони и медленно отпил. Потом поднял глаза и выпалил:

— Ты, Андрюша, прекрасно знаешь, что это за завод, и почему я так сделал. Собственно говоря, только ты и знаешь.

Стекла очков Горина ярко блеснули, скрыв его взгляд.

— И давно мучаюсь вопросом. Почему только я? Об этом еще знал отец. А теперь только я. Или ты посмеешь утверждать, что тот пожар — случайность. Пожар, в котором сгорели еще его баба и их «плод любви». Старый идиот! Но не маразматик, чтобы заживо уморить всех.

Андрей замолчал в ожидании ответа.

Закс раздумывал немного дольше, чем нужно для того, чтобы пауза осталась незаметной. И утяжелял ее тем, что не сводил взгляда с лица Горина-младшего. В сущности,

дикость. Весь этот разговор — сам по себе дикость. Как и его жизнь, которая все перемолола в кости и мясо внутри него.

— Следствие признало пожар несчастным случаем, — спокойно проговорил Виктор. — Если бы было что-то другое, мы знали бы. Что до чугушки — это завод моего отца. Из-за него... Короче, Андрей, не мне тебе объяснять!

— Не объясняй! — выплюнул зло Горин. — Верни мне мою долю. Просто верни. Или я скажу Лизе, что ты грохнул ее отца, мачеху и сводную сестру. И учти, это причинит ей гораздо меньшую боль, чем если я скажу ей, что ты почти каждую ночь торчишь в «Носороге». О том, что умеют тамошние девочки, наслышан весь Питер.

— Бл*ть, Андрей! — психанул Закс. — Сдурел? Завод принадлежал моему отцу. Твой его тупо отжал. Да, пожар случился вовремя. Но какого х*я меня в этом винить? Думаешь, он никому не мешал больше? И за каким хреном я должен с тобой делиться?

Горин вскочил с дивана и уперся в столешницу, нависнув над Виктором.

— В том-то и дело, что вовремя. Очень вовремя. Для тебя особенно, — он брызгал слюной и сверкал глазами. — Заключить сделку со мной тебе было с тысячу раз проще, чем с отцом. Что ты и сделал десять лет назад. И ты будешь со мной делиться!

Последующее произошло за долю секунды. Андрей выхватил бокал из рук Закса и выплеснул содержимое ему в лицо.

— Или ты, мудила, отдаешь мне мою долю за все эти годы. Или...

Через мгновение его очки, ловя солнечные лучи своими линзами, летели куда-то в сторону. Как и он сам. Закс встал из-за стола, и, медленно разминая пальцы, обошел его и приблизился к Горину.

— Или что? — угрожающе спросил он. — Доказать — ты уже ничего никогда не докажешь. Как и я не докажу, что прежде, чем отправиться к Боженьке, твой отец замочил моего. Крутая была история, в духе боевиков. Считай это репарацией.

Сплюнув в сторону, совсем как его отец десять лет назад, Андрей утер ладонью кровоточащий нос и, раздувая ноздри, прохрипел:

— Не докажу. Три трупа останутся на твоей совести. Но у меня достаточно других доказательств. Мир изменился, Закс. Сейчас правят бал, сам знаешь кто. А они любят разбираться в бумагах и цифрах. Мои бумаги им точно придутся по душе.

— Ну, рискни. Рискни, рискни. Только учти, что и тебе нехило достанется. Мы так с тобой завязаны, что один всегда потащит за собой другого. Знакомо, да?

— Я тебя предупредил, — процедил Андрей, поднялся, опрокинул в себя бокал коньяка и вышел из кабинета.

Закс смотрел, как за ним захлопнулась дверь. Потом отер лицо. Движение вышло рваным и нервным.

— Двадцать процентов, — тихо проговорил он себе.

Двадцать процентов, которые имел Андрей от чугунолитейного завода, были теми же двадцатью процентами, какие получал Петр Горин пятнадцать лет назад. Все честно, все справедливо. Было тогда и будет сейчас. Иначе хоть в кровь разбейся — все зря.

Во всем остальном договор соблюдался неукоснительно — пополам. Но не здесь. Потому что это больше, чем «чугунка». Это его собственный крест.

Закс слишком хорошо помнил тот день, когда все закончилось. Дружба, молодость, пафосная вера в человечество. Отец пришел домой и удивленно сказал матери: «А меня Петр кинул». Это потом уже превратилось в какую-то войнушку. А тогда все было по-домашнему

— горечь рядом с женой. И иллюзия прежней жизни, когда еще не веришь в то, что ей пришел конец.

Был завод, с которого все начиналось. Разорившийся, выкупленный за бесценок. Иван Закс ставил его на ноги самостоятельно. Потом к нему присоединился лучший друг, с которым они с детства разве что не срали на соседних горшках. Потом лучший друг неудачно вложился в транспортную компанию. Прогорел к чертям. И решил поднажиться за счет того, кто доверял ему безоговорочно. Он никогда не контролировал финансы. Этим занимался Иван Иванович. Но в один прекрасный день часть средств была инвестирована в подставную фирму, которая покрывала фактически обанкротившееся предприятие Горина. Когда кто-то решает, что имеет право на большее, ничто не остановит его от того, чтобы протянуть руку и взять это большее. И началась разборка века в рамках отдельно взятого предприятия. Потому что Закс-старший не мог не заметить того, что происходило. Первое, что он сделал, это объявил о своем уходе из компании, которую они основали вдвоем. А это значило, что он уводит свой капитал. И крах Петра Михайловича становился неминуемым.

Никто никогда не узнает, каким образом Горин переоформил документы на владение заводом. Впрочем, Виктор приблизительно представлял. Горины были вхожи во многие двери — чиновничьи, правительственные... Но тогда... Тогда это все казалось каким-то бредом, какого быть не может. Иван Закс угрожал судом, физической расправой, чем-то еще. А потом его не стало. Его просто застрелили на охоте. Несчастный случай. Виктор очень хорошо знал, как устраивают подобные несчастные случаи. В те времена бизнес честно не делался. А случайностей не существует в природе.

Сморгнув непрошенное воспоминание, он вернулся к столу и снова плеснул себе коньяка. Выпил залпом, отер ладонью рот. Он научился ненавидеть. Тогда научился. Десять лет понадобилось, чтобы почти забыть. И при этом не забывать ни на минуту. Потому что он не знал, он не знал, он, мать твою, не знал, что на той гребанной даче был еще кто-то, кроме Петра Горина! Стало известно только через пару часов после расправы, когда отзвонились ребята и рассказали о двух трупаках — матери и дочери. Обе были найдены на втором этаже дома. Случайные пули.

Вот тогда начался ад.

— Двадцать процентов, — мотнул головой Виктор, снял со спинки стула пиджак, накинул его на плечи и поплелся к двери.

Через сорок минут он уже входил в «Носорог».

В этот вечер в гостиной было на удивление шумно. Отовсюду раздавались зажигательные бразильские ритмы. В глубине зала, на небольшом подиуме у шеста танцевала сальсу Северина. Уследить за быстрыми, ритмичными движениями ее бедер было почти невозможно. Вокруг обнаженных ягодиц взлетали и опускались бесчисленные нити темно-синей густой бахромы. Такой же бахромой был обшит неглубокий лифчик, почти не скрывающий ее дрожащих в живом пульсе танца грудей с темноватыми сосками. Страусиные перья в прическе соблазнительно подрагивали вслед движениям девушки.

Она мелко переступала ногами. Вертелась вокруг шеста, скользила вдоль него, вскидывая руки и призывно раздвигая колени, отталкивалась от серебристого металла. И без остановки вращала бедрами.

Глаза ее загорелись, когда на сцене оказались двое мужчин из присутствующих в гостиной. Заводясь все сильнее, она кружилась между ними. Наклонялась вперед и распутно прижималась по очереди к мужским брюкам, которые начинали заметно, недвусмысленно

топорщиться.

Северина отстранилась и снова сделала шаг сначала к одному из мужчин. Взяла его ладони и провела ими по своей возбужденной груди, животу, ягодицам. Глубоко запустила его руки между плотно сдвинутыми бедрами, будто втягивая их в себя. Откинула голову и страстно изогнула спину, замерев на бесконечно долгое мгновение под повисшую паузу в музыке.

Едва раздалась новые звуки, Северина резко выпрямилась, с горловым стоном отлепилась от мужчины и проделала то же самое с другим.

Зрители неистовствовали. Опираясь на шест, она похотливым взглядом смотрела на них, будто приглашая на подиум следующего.

Один из ее случайных партнеров не выдержал. Соскочив вниз, потянул за собой девушку. Перекинул ее через плечо и понес наверх. Она звонко, тягуче повизгивала. Так, как повизгивала перед приближающимся оргазмом. Минутой позже за ними бросился и второй.

Расслабив узел галстука, лишавшего его возможности дышать, Виктор стоял на улице и медленно курил. В голове вертелось дурацкое: «Одна капля никотина убивает лошадь». От запаха табака тошнило. Еще больше тошнило от неприятного, липкого чувства, сковывавшего его изнутри. Оно гладким комом неторопливо ворочалось в области грудной клетки. Свежий ноябрьский воздух вместо того, чтобы привести в чувство, делал только хуже.

Нет, он не думал о Северине. Думать о проститутке, которую он видел сегодня, у него не было сил. Никаких сил. Но перед глазами упорно стоял синяк на ее груди в форме укуса. Мерзкий уродливый синяк, умело подретушированный тональным кремом, но не скрытый до конца — такое хрен замажешь. Тогда была их вторая ночь. И яркое пятно, проступавшее на белоснежной коже, врезалось в память. Он негромко спросил ее тогда: «Откуда?» Хотя вопрос был излишен. «Несчастный случай на производстве, — хохотнула она и проговорила, как на экзамене: — Статья 227 ТК РФ».

Не нужно быть идиотом, чтобы понять, что происходило после его ухода накануне. После этого он начал оставаться почти до утра всякий раз, когда приходил в «Носорог», а это стало случаться регулярно. Слишком регулярно, чтобы он начал думать, что она — его. Черный Рыцарь, твою мать. Пожалел шлюху.

Становилось холоднее. Явно к снегу. Поднял воротник пальто. Двинулся к парковке, где бросил автомобиль. И только тогда почувствовал, как в кармане вибрирует мобильный. Когда Виктор являлся в клуб, к Северине, он не брал трубку, хоть пожар, хоть потоп. Вытащил телефон. Звонила Лиза. Она никогда не звонила так поздно, уважая его право на личную жизнь в ее отсутствие. Наверное, Андрей сильно ошибался, полагая, что новости о загуле мужа могут причинить ей боль именно теперь. Еще года два назад — возможно. А теперь она сделала бы вид, что не верит, что бы ни случилось.

Закс поднес телефон к уху:

— Да, Лиз.

— Мама умерла.

Без слез и истерики, будто сказала, что ела на ужин.

— Лиз... — севшим голосом сказал Закс, пытаясь понять, что произошло. И что должна чувствовать женщина, которая была его женой — теперь она одна, как и он. — Ты где сейчас?

— Дома. Завтра надо в похоронную контору ехать, — она замолчала на мгновение и

спросила: — Вить, ты мог бы приехать?

— Да... Да, конечно. Я сейчас домой, вещи в сумку покидаю и в аэропорт. Ближайшим рейсом, Лиз... Ты как?

— Я? Не знаю... Плохо, наверное, — но голос жены по-прежнему был спокойным.

— Андрею звонила? Соне?

— Звонила. Сонька не взяла трубку, опять где-нибудь в клубе зависает, не слышит ни черта. Андрей сказал, что прилетит на похороны. Просил сообщить дату.

— Черт... Ладно, я поехал. Как только узнаю про рейс, позвоню. Люблю тебя.

— И я. До встречи, — ответила Лиза.

Закс отключился. Посмотрел еще пару минут на экран телефона. Потом тяжело выдохнул. Он был ей должен. Он был ей должен целую жизнь. Потому что то была жизнь ее отца, хотя она так никогда и не узнала об этом.

Месяцем позднее

Звонко звякнув молнией коротенькой курточки и поеживаясь от пробиравшегося в рукава мороза, Анна почти бегом бросилась ко входу в клинику. Почти два месяца, как она таскалась сюда. К Таньке и ее ребенку. Девочка родилась недоношенной — просто однажды вечером, когда Анна торчала в гостиной «Носорога», позвонила Татьяна и попросила приехать. Тогда это казалось приключением, сейчас — едва ли. Прогнозы давались разные, но все они были неутешительными. У ребенка обнаружили серьезные проблемы с почками. Врачи рассказывали про операции, рекомендовали заграничные клиники. И многозначительно замолкали на суммах. Таня почти не слушала. Только смотрела измученным взглядом на Анну. И будто ждала от той какого-то решения. Потом и это изменилось. Она просто... забила.

Оплатив в бухгалтерии содержание матери и девочки на следующую неделю, Протасова рванула в палату. Ребенок мирно сопел в инкубаторе. Веревкиной не наблюдалось. Побыв немного рядом с девочкой, Анна вышла на задний двор клиники. Там, хохоча с санитарями, курила Танька. Это было ее основным занятием в последнее время.

— Ну и какого хрена? — поприветствовала Протасова подругу.

Таня обернулась и сделала шаг к ней. Улыбка с ее губ стерлась. Почему-то всегда, когда она видела замаячившую поблизости Анну, настроение у нее портилось.

— Леша и Валера берут меня замуж, — тем не менее, голос звучал бодро.

— Девочку удочерят обоюдно? — криво ухмыльнулась Анна. — Лучше бы имя ей дала. Скоро два месяца ребенку!

Мамаша вздрогнула и обернулась на усмехающихся под нос парней. Потом подошла к подруге поближе, взяла за руку и повела в сторону, к крыльцу.

— Она не факт, что вообще выживет. Зачем ей имя? Чтобы привыкнуть, а потом стены ногтями драть?

— Дура! — прорычала Анна. — Ты когда в последний раз с врачом говорила?

— Утром говорила. Утром. У меня таких денег нет и не предвидится, если я буду сидеть на заднице в гребанном декрете.

— Всегда можно найти варианты, если есть желание.

— Ты сама-то их сильно нашла, если торчишь в «Носороге»?

— Не твое собачье дело, — огрызнулась Анна и прикурила. — Я за следующую неделю заплатила.

— Спасибо. Но меня на следующей неделе здесь не будет.

— Не поняла. Вас выписывают?

Таня молчала. На Анну уже не смотрела — только себе под ноги. Сосредоточенность на ее лице не сулила ничего хорошего. Она морщила высокий лоб и казалась безжизненной. Совсем не такой, как несколько минут назад, в компании санитаров.

Потом заговорила — глухо и ровно:

— Я выписываюсь, я. Пишу отказ от ребенка и возвращаюсь к мадам. Я ей звонила вчера, она согласна, когда я смогу работать. А я смогу. Еще немного и смогу. Только в порядок тело привести...

— Идиотка! Она же твоя! Нахрена было рожать?

— Лучше было убить? — охрипшим голосом воскликнула Таня и обхватила себя руками. Несколько секунд они молчали. И слышно было, как ветер гудит в переулке. Он шевелил светлые Танины волосы, выбившиеся из густой косы. И сейчас, совсем без косметики, худая, изможденная, она совсем не походила на девочку из «Носорога». Мадам, когда увидит, признает ее профнепригодной. Но вместе с тем, сейчас Таня казалась гораздо моложе, чем была. Не только по паспорту.

— Послушай, я ошиблась, — заговорила, наконец, Таня. — Я думала, выберусь. Думала, что ребенок — это шанс выбраться. Знаешь, не просто так дети даются и бла-бла-бла. Чушь какая-то! Только хуже стало. Если так, то уже навсегда. Смотрю на нее, а перед глазами... конвейер какой-то. И на что родила? На мучения? Она нормальной не будет. И я никогда не дам ей того, что должна дать ей мать. Хоть выгрызть у другого, но дать. Я не смогу, Ань...

— Да пошла ты! Лучше один раз убить, чем бросить.

— Ты говоришь прям как мадам, — криво усмехнулась Таня. — Даже интонации те же. А она ведь знала, что я не выдержу, в конце концов.

— Она видела столько девочек, что знает нас лучше, чем мы сами, — Анна сделала последнюю затяжку, выпустила в воздух струйку дыма и бросила окурок под подошву сапога. Зло раздавила его и так же зло сказала: — Тварь ты, Танька!

— Я знаю... А твари самое место в грязи. Я откажусь от ребенка. Не бывает всяких там... перерождений.

— Это точно. Вали нахер.

И развернувшись на каблуках, Анна вернулась обратно в клинику. У лечащего врача получила подтверждение, что ребенка, куда она платит, никуда не выпишут. В свою очередь заверив, что будет платить и в дальнейшем.

А под урчание прогревающегося мотора своей машины неожиданно решила, что сама даст девочке имя. Настя. Жизнь ее с первых минут была трудной, но она все еще боролась за то, чтобы оставаться среди живых. Даже так, даже брошенной. Нет ничего страшнее этого. Жизнь — зловонная клоака одиночества. Она поглощает — задыхаешься и идешь ко дну. Кричишь — и никто не протянет руку.

Тебя. Бросили.

Медленно двигаясь в густом потоке машин, она мысленно совершила ритуальный подсчет. Виктор Закс отсутствовал двадцать семь дней и девять часов. После месяца тотального траха в «Носороге» — это было сильно. Надоела? Пресытился? Забыл?

Она не забыла.

Сначала просто ждала. Потом начались проблемы с ребенком. С чужим ребенком.

Но она не забыла, не забывала ни секунды.

Злилась, насылая на его голову все проклятия мира. И бормотала себе под нос, почти не разбирая дороги впереди:

— Думаешь, я позволю тебе жить? Думаешь, позволю?

Нет, никогда. Она знала, где искать его. Она знала, что разрушит его жизнь так же, как он разрушил ее. Она знала, что уничтожит его родных так же, как он уничтожил ее. И знала, что станет смеяться, когда он окажется один, удивляясь, зачем остался жить. Она всегда это знала, кружа вокруг него, подобно стервятнику, почти уже десять лет. Не получилось так, она подберется к нему снова, так же близко, как уже подбиралась прежде, когда он срывался с крючка. Только теперь — один на один.

«Неужели ты совсем одна, и у тебя совсем нет близких?» — резануло в памяти. Эту резь она ненавидела. Та отдавалась во всем теле, заставляя ее возвращаться к тому, что было давно отброшено.

Пасмурный день ранней зимы десять лет назад. Шел мокрый снег и тут же таял, превращаясь в жидкую грязь под ботинками, в которых молча вышагивала по детдомовскому стадиону Аня.

Рядом с ней шагал Алексей Власов, молодой человек, нашедший ее на обочине загородной дороги — с теплым взглядом карих глаз и улыбкой, от которой и самой хотелось улыбаться. Она думала, что забыла, как это делается. Не могут люди улыбаться и все еще оставаться жить, когда мир рушится.

Оказывалось, могут. Оказывалось, дни продолжают мелькать спешной чередой, тогда как она сама замерла во времени.

— Совсем нет, — отвечала она Алексею.

Он улыбался, пожимал плечами и начинал сначала:

— Совсем нет, или просто не помнишь?

— Совсем нет, — ее голос звучал уверенно.

— Но если ты помнишь это, то, может быть, помнишь что-то еще? — с лукавой улыбкой спросил он.

Власов был студентом пятого курса юрфака.

А еще он никогда не был идиотом. И умел складывать два и два, хотя ни с кем результатами не делился.

— Не-а, не помню, — отворачивалась Анна, пиная ботинками камни.

Он остановился и помолчал. Станным образом эмоции на его лице читались, как в раскрытой книге. Даже если он пытался их скрыть. Сейчас он был сосредоточен и тревожен.

— В трех километрах от трассы был пожар, — наконец, медленно выговорил он и уперся пытливым взглядом в нее.

— Ну и что? — равнодушно спросила девочка. — Вот если бы сгорел детдом, было бы веселее.

— Тебе здесь не нравится? — живо схватился за эту мысль Власов.

— Нравится.

— Если бы у тебя кто-то остался... Брат или сестры... Может быть, тебе это тоже понравилось бы.

— Чем? Мне и одной хорошо.

— Уверена?

— Ага, — кивнула Анна.

Алексей кивнул и замолчал.

Он никогда не забывал того, как началась эта история для него. Он гнал в Питер по трассе из Москвы. Проехал указатель на Репино. И промчался мимо, даже толком его не заметив. А потом эта девочка, появившаяся на дороге, будто бы из ниоткуда. Его почти оглушил визг тормозов — не сразу сообразил, что это он вжал их до отказа, выкруливая в сторону. Вырвался из машины, когда та съехала на обочину. Подбежал к ребенку, сидевшему на краю асфальта. Сначала орал на нее, вымещая собственный испуг. Потом понял, дошло. Увидел. Ее взгляд, пустой, будто у слепого котенка. Взъерошенные подпаленные волосы. Синяки на руках и коленях. Покрывало на плечах. Чумакая вся, будто вываляна в грязи. Еще позднее, в машине, когда усадил возле себя, стал осматривать ее тело, дрожащее крупной

дрожью от его прикосновений, и пытался понять степень причиненного ущерба — несколько крупных ожогов на щиколотках и голених в какое-то мгновение показались ему самым серьезным. И опять дошло через время. Следы засохшей слизи по ногам. Сперма.

Он отвез ее в больницу. Ночь проторчал там. Бесконечно пил кофе и ждал. Нужно было поговорить с ней, узнать, кто ее родители, кому сообщать. А потом, на следующее утро, увидел сюжет в новостях о гибели бизнесмена Петра Горина и его семьи где-то на окраине Репино. Девочка в тот же день объявила, что ничего не помнит. Врачи подтверждали возможность амнезии.

И Власов прекрасно понимал, почему и что именно она не помнит. Ей нельзя было отказать в уме — что бы ни случилось в том доме, Анастасии Гориной лучше было остаться мертвой. И Алексей приложил все усилия для того, чтобы дело о нашедшейся безымянной девочке в милиции замяли как можно скорее. При их текучке и проценте висяков — одним нераскрытым делом больше, одним меньше. Хорошо иметь в заглавнике папу-полковника милиции.

После выписки Аню Протасову определили в детдом.

А Власов так и не мог отделаться от странного чувства, что должен, обязан сделать для нее что-то еще. Будто бы этот жуткий случай на дороге уже навсегда определил его жизнь.

— Хочешь, я тебя на выходные в парк возьму? — глупо спросил он, решив сменить тему. — Договорюсь с Василием Андреевичем, он отпустит.

— Не-а, мне пару по физике исправлять надо.

— Не любишь физику?

— А чего ее любить? — удивилась Анна. — Она же не кошка и не человек.

— Хорошо, — мягко сказал Алексей. — А кого ты любишь?

— Между прочим, я еще несовершеннолетняя.

Он почему-то смутился и отвел взгляд. Сунул руки в карманы и посмотрел на кроны деревьев. Они были голые и подпирали небо своими ветвями-щупальцами, будто пронзая его. Перед глазами снова мелькнули ее тонкие ноги в засохшей слизи. Полгода прошло. Такое не забывается, но полгода прошло... Все это время он приходил к ней в надежде вытащить... Не получилось. И с чего бы вдруг получилось? Она ему никто.

— Я про кошек, — хмуро ответил Власов. — Были у тебя кошки?

— Не-а.

— Ясно. Ладно, я пойду. Мне еще в участок заскочить, бумажки для отчета взять...

Власов приходил потом еще несколько раз. Но Анна с ним больше не встречалась, всякий раз придумывая отговорки. Уроки, больная голова, репетиция праздничного концерта. Он был единственным человеком, с которым она общалась после всего, что с ней случилось. Сама не знала, почему. Наверно, потому что он ее нашел. Потому что привез в больницу. Потому что навещал там. Потому что продолжал приезжать в детдом. Потому что пожалел.

Но он оказался очень настойчив в расспросах. А она не могла отвечать. Ей нечего было отвечать. Его намек о пожаре испугал ее настолько, что она не чувствовала под собой ног, когда шла со стадиона в здание. Просто переставляла их и в ужасе думала о том, что будет, если ее тайна раскроется. Несмотря ни на что, ей было для чего жить. Только для этого и жить.

В тот день, когда она поняла, что больше Власов ходить не станет — его не было слишком давно, в ней шевельнулось что-то похожее на боль, которой она уже не должна

была испытывать по всем законам здравого смысла. Шевельнулось впервые с того дня, который перечеркнул все. Да, она почувствовала себя брошенной. Брошенной окончательно и навсегда. В целом мире больше не было человека, которому она была бы нужна. Даже несмотря на то, что, повзрослев, и сама понимала, что винить в этом некого. Власов и так сделал для нее очень много.

Глава 7. Бедный Гумберт!

200_ год

Удушливый и холодный одновременно месяц тянулся, не оставляя в нем ни единого следа и не принося облегчения. Все, что мелькало вокруг, словно бы происходило с кем-то другим. Не с ним. Грустный цирк-шапито. Вокруг копошились клоуны с отвратительными мордами. И шатер был украшен траурными лентами. Мария Алексеевна хотела, чтобы ее кремировали. И оставили в Лондоне. Это тоже было частью наиболее пафосно-печального представления, какое Виктор Закс видел в своей жизни. Парадокс. В огне горело мертвое тело ее бывшего мужа, которого когда-то она любила. Парадокс или дань прошлому?

Лизу он забирал с собой в Питер, убитую горем, но показывавшую ему меньше, чем показывала прежде. И это тоже казалось неважным. Будто замеченное боковым зрением — почти почудившееся.хлопоты с организацией похорон, завещанием, общением с родственниками — приглючились.

Все, что он видел в действительности в этот месяц, терзавший его день за днем, но не оставлявший шрамов, это похотливое лицо Северины, извивающейся на сцене. Теперь он не только не мог спать. Он не мог спать с женой — в любом смысле слова. То, что происходило между ними в постели, было чем угодно, но не сексом. Справляли повинность.

Он никогда не был склонен к сантиментам. И не искал скрытых смыслов там, где их нет. Просто часа не было, когда он не думал бы о Северине, словно она вошла в него, отравив своим ядом кровь в венах. Ему казалось, что он сходит с ума — испытывая почти физическое мучение оттого, что не чувствует, как она вздрагивает под ним, когда он входит в нее. Это чувство не было острым, но изматывало его ноющим томлением. Только во сне она к нему не приходила. Сны были запретной территорией. Они принадлежали другому.

Месяц. Удушливый и холодный одновременно — подходил к концу. Он возненавидел ноябрь. В ноябре не было Северины.

Шофер встречал их в Пулково. Шел мокрый снег. Молодой человек раскрыл над ними зонтик и повел к автомобилю. Лиза держала мужа под локоть. Он усаживал ее на заднее сидение, а сам устраивался рядом. Секунды отсчитывали время. Четыре. Три. Две.

— Сначала домой, потом в офис наведаюсь, пока не поздно. Что они там без хозяйского глаза.

— Может, сегодня не поедешь? — со смесью надежды и разочарования спросила Лиза.

— Еще только полдень, — сдержанно ответил Виктор. — Прости, но там же накопилось, сама понимаешь.

— Вернешься поздно?

— Нет, не думаю. Разве только Ольховский заявится. Эта сволочь сильно жаждет забухать вместе. От него опять жена уходит.

— Которая?

— На данный момент последняя любимая. Маша, вроде.

— А я какая? Любимая или последняя? — жалобно спросила Лиза.

— Если тебя устроит — единственная, — усмехнулся Виктор. Ничего не значащая фраза. И такая ж гадская ложь! Он давно не думал о Лизе как о женщине, которую можно любить.

— А тебя? — Лиза пыталась поймать его взгляд. Взгляд был стальным. И казался таким же холодным, как снежинки, сыпавшиеся из стального неба. Как сталь может рождать что-то хрупкое — снег, например?

— Последние семь лет — устраивало. Почему должно измениться?

— Тогда не ездил на работу, — Лиза приблизила свои губы к губам мужа.

Он медленно провел по ним пальцем и тихо шепнул:

— Поеду, Лиз. Надо.

— К ужину вернешься?

— Буду стараться, — он улыбнулся и наклонился к ней, легко коснувшись поцелуем ее щеки.

Лиза отвернулась к окну и до самого дома не проронила ни слова.

Семью годами ранее

— Надо было и тебя, гаденьша, порешить.

— Спасибо за честность. Передавайте папе привет.

Рука, выброшенная вперед. Палец, ласкающий смертельно ледяной курок.

Он не мог стрелять. Он не мог стрелять. Он не мог.

Шесть лет занятий стрелковым спортом. Куча наград дома — ни пылинки — следили.

А в человека стрелять он не мог.

Зубы сжимались, рука опускалась. Почти с облегчением думал, что кончено.

А потом раздался выстрел.

— Не я! — крикнул он и рванулся вперед — в черноту ночи, колдовавшей над ним. Рука была вытянута и сжимала «пистолет». По спине катился холодный пот. А он, бешено вращая глазами, искал того, кого убил только что.

Следом за ним с подушки вскочила Лиза. Прижимала к груди простыню и смотрела на Виктора испуганными глазами.

— Витя! Что случилось?

Он вздрогнул — крупно, всем телом. Обернулся к ней. Почти не различал ее в темноте. Чувствовал только, как кружится голова. И тошнит. Бухать меньше надо.

Накануне в «ZG Capital Group» отмечали день рождения шефа. Закса Виктора Ивановича. Начало вечеринки он помнил ясно. Потом по-тихому свалили с Гориными и Ольховскими в клуб, оставив сотрудников дальше гулять самостоятельно. Ни им не надо видеть генерального директора пьяным в стельку. Ни ему наблюдать за их моральным обликом в неформальной обстановке. Творившееся в клубе в памяти ворочалось вяло, будто сквозь пленку, застилавшую глаза. Но вот блондиночку, с которой ехал в машине и целовался, будто это последняя женщина на земле, а у него секса восемь месяцев не было, помнил. Вроде. Во всяком случае, грудь у нее была его любимого размера и весьма чувствительна. Лицо — уже смутно. Чуть не трахнул на заднем сидении такси, но это тоже смутно.

— Ничего, — хрипло ответил он и прижал ладонь ко лбу. Ладонь была ледяная. Лоб, казалось, пылал.

— Вить, — Лиза прижалась к нему и защебетала: — Ты ложись. Кошмар приснился, да? У меня тоже иногда бывают.

В первую секунду он шарахнулся от нее — в ужасе, не понимая, как это могло случиться. Извращение. Это было извращением. Но вся сущность его натуры —

противостояние естественному. Естественно было бы сдохнуть три года назад. Застрелиться сразу. Теперь поздно.

— Поздно, — выдохнул он, глядя в темноту.

— Что поздно? — не поняла Лиза и положила голову ему на плечо.

— Ничего. Я пьяный.

— Тогда ложись и спи, — наставительно сказала она. — Утром все будет по-другому.

Да, утром будет по-другому. Он отдавал себе в этом отчет. Утром будет Лиза. И отвращение к себе, пожалуй, на трезвую еще более сильное, чем сейчас, по пьяни.

Скотина, готовая сунуть кому угодно, лишь бы выплеснуть из себя мерзкое похотливое желание. И замарать им других. Лиза... Женщина, которую трогать было нельзя ни пальцем. Прижималась к нему и чувствовала его своим. Лиза...

Он медленно лег на подушку и посмотрел на потолок. Потолка в темноте видно не было. Провал. Эту комнату засосала черная дыра. В ней все искажалось и преломлялось.

— Разбудил — прости, — прошептал Закс.

Она тут же нырнула к нему под одеяло и крепко оплела его руками.

— Это ничего.

Она любила его с самого детства. Потом отец развелся с матерью, и ее увезли за границу на долгие годы. Явление Лизы Гориной в «ZG Capital Group» в качестве стажера было фееричным — она пришла с целью завоевать Виктора Закса. Она завоевала его. Это оказалось даже слишком простым. Просто Лиза не знала, что он никогда не мог бы относиться к ней, как к другим. Потому что был ее должником.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

200_год

Густые сумерки за окном такси в тягучем ожидании казались спасением. Когда начинало смеркаться, мир менялся. Он любил этот изменчивый мир — может быть, потому, что сам замер далеко в прошлом?

Короткое смс — «Ольха все-таки приперся. Ужинай без меня» — осталось без ответа.

Звонить он не хотел. Нелепость: предупреждать жену о том, что собираешься ей изменить. В этот вечер он принадлежал себе более, чем другим. Иногда находились вещи важнее долга и совести. Например, похоть.

Парковка у «Носорога» была почти пустой — слишком рано. Гости подтягивались гораздо позже. Закс только взглянул на часы и усмехнулся. Во всяком случае, под дверью стоять ему вряд ли придется. Расплатился с таксистом. Вышел из авто. Прошел под непрекращающимся с утра снегом по закрытому дворику. Вошел в фойе. Снял пальто. Выдохнул. И направился в гостиную. Нет, ничего не предвкусывая. Зная, что ему физически необходимо видеть Северину. Иначе он просто рехнется.

Она вальяжно развалилась на небольшом диване, покачивала ногой, перекинутой через подлокотник, и изображала развратную нимфетку, образ которой был все еще ей к лицу. Коротенький топ, открывающий плоский живот. Узкие кружевные шорты. Ленточки в косичках, уложенных вокруг головы. И чупа-чупс за щекой.

— Ты смотри, Lolita! — это было первое, что он сказал ей, приблизившись.

Она подняла на него глаза и широко улыбнулась.

— Не-а, я Северина. Забыл?

— Помню, — пожал он плечами. — Набокова читала?

— Пришел поинтересоваться моими познаниями в литературе? — конфета снова

отправилась в рот, кругло выпирая из-под щеки.

Он пожал плечами и сел рядом. Ее беззаботный тон заводил сильнее любых внешних образов. Кажется, довольно только голоса, чтобы он готов был тащить ее на второй этаж. Мягкий, тихий, с чуть заметной хрипотцой, от которой любая особь мужского пола по определению должна была на стену лезть.

— Нет, — тяжелым тоном ответил он.

Она приподнялась на локте.

— Хочешь меня? — и принялась водить леденцом сквозь губы туда-сюда.

— Да.

— Бедный Гумберт, — проворковала она и соскочила с дивана.

На Виктора не оглядывалась, точно зная: он идет за ней. Теперь, пропав на целый месяц, но вернувшись в «Носорог», он совсем точно от нее никуда не денется.

Наверху Северина подвела Закса к креслу и мягко толкнула в него. Включила музыку и принялась плавно, соблазнительно извиваться перед ним. Будто на замедленной кинолентке снимала с себя одежду, мимолетно касаясь кожи кончиками пальцев и крупно вздрагивая от этих прикосновений. Принимала изысканные в своем распутстве позы, давая Заксу возможность разглядеть все ее многообещающие прелести, пока, низко наклоняясь, снимала резные, блестящие золотом босоножки.

Оставшись в одних чулках на черных бархатных подвязках, она неторопливо трогала себя. Дразнила идеальной формы грудь. Соски заметно твердели под ее ладонями, поднимались и темнели.

Северина уперлась голыми ягодицами в стену и похотливо смочила слюной пальцы. Не отводя своего синего бездонного взгляда от лица Виктора, принялась ласкать клитор. Сначала нежно и медленно. Потом рука ее стала двигаться увереннее, наращивая темп, непристойно дергая плоть. Девушка помогала себе движениями бедер, насаживая их на собственные пальцы.

Глаза ее затуманились и губы приоткрылись. Между ними виднелся острый кончик розового языка. Кожа покрылась мурашками от нарастающего возбуждения.

Северина знала, еще несколько минут — и ее настигнет оргазм. Влагалище влажно жаждало мужчину, горячо и нестерпимо ныло, отчего девушка хрипло вскрикивала вырывающимися из самого нутра звуками. Но продолжала удовлетворять себя сама. Когда лицо ее скривилось в последней судороге, она по-звериному прорычала и сжала свою руку бедрами, откинувшись на стену.

Удовольствие накатывало на нее волнами мучительных спазмов, воздух вырывался из легких со свистом и стонами, а расслабленное теперь лицо стало изможденным, посеревшим, как у глубоко больного человека.

Невидящим взглядом она посмотрела на свою липкую ладонь, глубоко вдохнула ее терпкий, дурманящий аромат.

— Хочешь меня? — она сипло рассмеялась, взглянув на Виктора, и с наслаждением облизнула пальцы, как леденец.

Он хрипло дышал, глядя на нее и не в силах отвести взгляд от ее блестящей ладони. Медленно встал с кресла и подошел к ней. Лицо его словно окаменело в выражении иступленного желания. Он взял ее ладонь, поднес ко рту и захватил указательный палец губами. Провел по нему языком, ощущая солоноватый привкус и запах, который действовал на него так, как не действовало ничего в жизни. Он подсел на эту иглу. Не соскочить.

— Хочу, — шепнул Виктор.

— Не дам, — толкнулась бедром ему в пах.

Он удивленно приподнял брови. Озадаченно мотнул головой и спросил:

— Ты не хочешь?

— Я сегодня с утра. Ты уже пятый.

Сглотнул подкатившее к горлу раздражение. И шагнул в пропасть:

— Хочу, чтобы только я.

Брови ее удивленно приподнялись.

— Оставайся до утра. Отработаю по-другому. Я помню, тебе нравились мои губы, — ее пальцы потянулись к ремню.

— Перестань, — дернулся Виктор. — Потом... Я тебя все равно не отпущу... Мне надо чтобы ты меня хотела, чтобы, кроме меня, никто... Я хочу, чтобы утром ты ушла со мной отсюда и уже не возвращалась.

— Ты обкурился? — спросила она, продолжая расстегивать брюки.

— Хуже. Я ревную тебя к ним.

Пальцы ее достигли цели своих движений, когда до нее дошло, что он сказал. Она импульсивно сжала ладонь и застыла. Даже мысли ее остановились. Но Северина сморгнула наваждение и сказала:

— Я шлюха. Меня глупо ревновать.

— Я знаю. Я никогда не отличался большим умом. Но я ревную тебя, — теперь уже он задвигался, мягко обнимая ее талию и заставляя прижаться к себе бедрами. Потом ладони его заскользили по ее телу — к лицу. Он стал гладить губы большими пальцами рук, проводить по подбородку, по носу, по лбу. А потом приблизил свои глаза к ее и прошептал: — Я не хочу быть клиентом. Я хочу быть с тобой.

Северина рассмеялась.

— купишь себе меня?

— Если надо — куплю. Продашься?

— Это ты у мадам спрашивай. У нее большой опыт в купле-продаже. И меня она когда-то из эскорта выкупала.

— С ней я разберусь. Мне надо от тебя знать. Ты — хочешь?

— Сколько?

Закс тяжело выдохнул. Даже смешно. Все решают бабки — этот урок он усвоил бесконечно давно. В работе, в дружбе, в сексе.

— Квартира в хорошем районе, машина, если захочешь. Сумму содержания назови сама. Стоимость подарков туда не войдет. Это отдельно. Ну еще я в придачу.

— И договор, подписанный кровью, — без улыбки проговорила Северина.

— Без вариантов, — в противовес ей улыбнулся Закс. Наклонился еще ниже и, почти касаясь ее губ своими, добавил: — И там ты укажешь свое настоящее имя, в конце концов.

— А мне нравится Северина, — упрямо проговорила она, раздевая его, — вот Анна точно дурацкое имя.

— Значит, Анна, — выдохнул Закс с кривоватой усмешкой и, наконец, поцеловал ее. Поцелуи всегда говорили ему больше любых слов. В поцелуях они были настоящими.

Глава 8. Прима

Если бы жизнь можно было сравнивать с пачкой сигарет — ее была бы Данхилл, начиненная самой дешевой Примой. Для понтов. Хрен кто заметит, что ты там куришь, если упаковка дорогая. В подтверждение тому можно было привести любой день, который она проживала в привычном ритме.

В этот — все шло наперекосяк.

По дороге в клинику к Насте Анна пробила колесо. Техпомощь приперлась, когда она уже и ждать перестала. И потому опоздала к лечащему врачу, который ушел на операцию. Но дождаться его было необходимо, и она уже даже не удивилась, что операция затянулась. С самого начала все шло наперекосяк.

— Илья Петрович?.. — негромко произнесла Анна, когда, наконец, встретилась с врачом.

Никаких вопросов и задавать не имело смысла. Много было говорено в присутствии Татьяны. Теперь Татьяны не было. Доктор Фурсов поднял на нее глаза абсолютно уставшего человека, которому все на свете докучает. Особенно эта барышня в короткой куртке, отороченной лисой.

— А... это вы... — медленно произнес он и скрыл глаза под очками, будто бы закрываясь от нее. И только после этого заговорил: — Вот что, госпожа Протасова... я вас обнадеживать не буду. И нового ничего не скажу, что вам хотелось бы услышать. Медикаментозное лечение только помогает облегчить ее общее состояние. Как говорил я госпоже Веревкиной ранее — операция. Вам теория интересна, или вам достаточно знать, что у нас таких не делают?

— Теория мне не интересна, доктор. У меня другая профессия. Где делают?

— В Германии, в Австрии, в Израиле клинику хорошую знаю.

Анна кивнула и ответила:

— Мне надо подумать. Сколько у меня есть времени?

— В данном случае трудно давать прогнозы, на сколько у девочки хватит резерва. Несколько ближайших месяцев. И операция нужна срочно. Да и учтите... Настя сирота. Никто не позволит вывезти ее за границу просто так. Я с этим вопросом не сталкивался, честно говоря. Если хотите, узнавайте, какие нужны бумаги. Но сперва оцените, хватит ли у вас на это средств и терпения.

Анна снова кивнула.

— Но я могу надеяться, что вы предупредите меня об ухудшении?

— Ну а кому мне еще сообщать? — пожал плечами доктор Фурсов. — У меня только ваш контакт. Ее мать своих координат не оставила.

— У нее нет матери, — буркнула Анна и попрощалась.

Из клиники она вышла, когда было уже темно. Конечно, еще не очень поздно. Но это Питер, детка. И это час пик.

Анна ненавидела Питер в час пик. Она ползла по проспекту от перекрестка к перекрестку, уныло слушая автомобильные перебранки с тупыми железными трамваями и между собой.

— Когда же, наконец, снесут эти рельсы, к чертовой матери? — бормотала Анна себе

под нос, словно именно от этого события зависела вся ее дальнейшая жизнь.

В то время как зависела она сейчас от другого. Она пыталась прикинуть, что ей делать с формальностями, сколько ей может понадобиться денег для операции Насти, и как она сможет их найти. Определенная сумма накоплений у нее была. Еще в активе имелось две машины. От предложенной Заксом она отказываться не стала. И была квартира, которую все тот же Закс купил на ее имя. В целом набегала приличная сумма. Может ли операция оказаться дороже, и что ей делать в этом случае? Когда Анна задалась этим вопросом в тысячный раз, выругалась и решила, что будет разбираться с проблемами по мере их поступления.

Сейчас перед ней стояла проблема совсем иного свойства. Анна застряла на очередном светофоре, который уже в третий раз загорелся красным, а она по-прежнему не сдвинулась с места. Теперь она ругалась на хренов светофор, едва ли отдавая себе отчет, что своими ругательствами прикрывает странное чувство, робко разливающееся где-то посреди живота. Она сожалела о каждой минуте, потерянной в этой проклятой пробке, которую могла провести дома. Слово произносилось странно, с запинкой, но было приятным. Две недели, как у нее был свой дом. Так мало и так много.

И в этом доме все было связано с Виктором Заксом.

Теперь мысли стали сбивчивыми. Ей казалось, что если ненавистью можно сжечь — то ее прожгло до самого нутра. Она вся — пепел. Как тот, что остался от ее прошлого. И вместе с тем Анна ловила себя на том, что вспоминает поцелуи — убийцы своих родителей.

Анна с облегчением выдохнула, когда добралась до дома. Несколько часов ей некогда будет думать, играя роль довольной жизнью девицы. Лифт оказался занят, Анна легко взбежала по ступенькам, стремительно ворвалась в квартиру и наткнулась на серый взгляд, похожий на ртуть. Закс стоял в коридоре, скрестив руки на груди. И молчал.

— Привет. Ты, вроде, говорил, будешь поздно, — сказала она, раздеваясь.

— А приехал рано, — проговорил Виктор. Голос ничего не выражал, отчего звучал неприятно.

— Чего торчишь в коридоре?

— Не обнаружил тебя в других комнатах.

— Ну вот она я.

Анна подошла к Заксу, подняла к нему лицо, запустила пальцы в черноту его волос. Он не позволил. Схватил запястья, дернул на себя и процедил:

— Я вижу. На часы смотрела? Я полтора часа ждал, и мне охрененно не по барабану, где ты могла пропадать все это время!

— Не поняла, — ухмыльнулась Анна и попыталась вырвать руку. Снова не позволил, с силой удерживая ее — смутно похоже на то... забытое...

— Это я не понял! О своем отсутствии ты должна предупреждать. Вряд ли у своей мадам ты могла сорваться куда-то среди ночи.

В его злом дыхании был сильный запах коньяка — яркий, пьяный, головокружительный.

— Прости, я забыла, что теперь ты мой хозяин, — она по-прежнему насмехалась. — Накажешь за непослушание?

— Трахать тебя после твоих кобелей я не намерен.

Она крепко прижалась животом к его бедрам.

— У того, кто живет в твоих штанах, другое мнение.

— И сколько их было сегодня? — хрипло спросил он, кажется, не слушая ее. Взгляд был ясным. Так не вязалось ни с голосом, ни со словами, ни с запахом.

— Трое! — неожиданно зло выдохнула Анна. — Двое кончили за полчаса, а с третьим мы долго играли в больницу.

— Это синусоида, Аня, — хохотнул он. — Это е**ная синусоида. Хрен сорвешься. Ты кончала?

— Да, — наигранно протянула она срывающимся голосом, — с доктором дважды.

Мечтательно закрыв глаза, она принялась раскачивать бедрами из стороны в сторону. Потянулась к его губам.

— Я тоже хочу коньяка.

— Ок.

Не отпуская ее запястий, Закс потащил ее в гостиную и бросил на диван, так, что она не могла не удариться. Подошел к бару. Открыл его. Вынул бутылку коньяка. Открутил крышку. Хлебнул из горла. Потом сунул бутылку ей под нос. Анна вытянула губы и обхватила горлышко. Он протолкнул его глубже в ее рот и резко наклонил так, чтобы ей в глотку, обжигающий внутренности, полился коньяк. Она глотала равномерно, крупно, привычно. Закс не выдержал первый. Вырвал бутылку и швырнул ее в сторону. Та громко покатила по полу, расплескивая алкоголь на дорогой паркет. Он не слышал и не видел этого. Он жадно смотрел на ее губы — сейчас красные, воспаленные.

— Я запрещаю тебе кончать с другими, поняла? — выдохнул он.

— Как ты меня остановишь? — голос был чужой, воспаленный, как губы, и ядовитый.

— Никак, — сталью отозвалось в его голосе. — Ты сама себя остановишь, потому что однажды ты не захочешь никого, кроме меня. Я проникну под твою кожу, как ты проникла под мою. И буду медленно душить тебя изнутри, как сейчас это со мной вытворяешь ты.

— Этого никогда не будет, — огрызнулась Анна и поднялась с дивана. Он не ответил. Он подорвался следом и схватил ее за плечи, притягивая к себе. И находя ее рот своим. Его язык скользил между ее плотно сомкнутых губ, бился в сжатые зубы, требуя, чтобы она раскрылась. И отчаянно водил по коже вокруг рта. Было что-то отчаянное в его движениях, чего никогда не было прежде. Будто бы он цеплялся за нее из последних сил и не знал, как удержать. Вместо ответного поцелуя она стала брыкаться, извиваясь в его руках, пытаясь выскользнуть. Упиралась ему в грудь и рвано дышала от этих усилий. Он отпустил ее неожиданно, когда ни за что не должен был отпускать. Не имея права ее отпускать по законам силы и права пользования. Но он отпустил ее — так, что она пошатнулась, неожиданно потеряв опору. А потом тихо сказал:

— Пожалуйста.

— Что?

— Я хочу твои губы. Поцелуй меня.

— Иди ты со своими поцелуями. К жене. С ней скандаль, ее целуй. Со шлюхи какой спрос? Ее надо трахать, — устало выдохнула Анна и ушла в спальню.

Быстро разделась и забралась под одеяло. Голова раскалывалась от коньяка, криков и безумной схватки.

— Хоть выплюсь, — проговорила она, прикрывая глаза.

Через полчаса кровать прогнулась под тяжестью мужского тела. Он лег со спины и обхватил ее одной рукой. Он был обнажен и казался горячим, видимо, из-за алкоголя. Прижался пахом к ее ягодицам. И затих. Он почти никогда не оставался ночевать. Времена

полной свободы подошли к концу — вернулась его жена. Анна это знала. Но все-таки в эту ночь он остался.

Семью годами ранее

— Виктор Иванович Закс, — равнодушно проговорила Анна, протягивая фотографию. — Крупный бизнесмен. Мне сказали, вы берете двумя платежами.

— Совершенно верно, — тягуче ответил мужчина. — Сперва задаток. После исполнения — остаток. О ценах вы осведомлены?

— Меня предупредили, что вы можете уточнить. Сложность заказа... и прочее...

— У вас деньги-то есть? — на его губах появилась улыбка, так не соответствовавшая случаю. И странно смотревшаяся на его лице. Нет, лицо даже красивое. Из тех, что запоминаются. И шрам над бровью его не портил — видимо, когда-то было рассечение. А ей всегда казалось, что люди подобной профессии должны быть малоприметными.

— Я неплохо зарабатываю, как вы можете догадаться, — так же небрежно улыбнулась Анна. — Не беспокойтесь об этом.

— Не скажу, что завидую, — усмехнулся он. — У меня тоже неплохие гонорары. Но пореже, чем у вас.

— Когда вы сможете выполнить заказ? — заговорила Анна о насущном.

— Ну, это не конвейер. На все требуется время. Нужно знать его распорядок. Где он бывает. С кем. Его маршруты, привычки. Это работа. В среднем уходит до месяца. Меньше — в том случае, если вы сами подскажите, где и как. Но я предпочитаю доверять только собственным глазам. Жизнь научила.

— Я понимаю, — кивнула Анна. — Я... я столько ждала. Подожду еще месяц.

Он окинул ее оценивающим взглядом и снова усмехнулся. Молодая девчонка. Двадцати нет. Действительно смешно.

— Ну, если вышли на меня, то подождете, — проговорил он медленно. — Тут механизм запустится — не остановишься. Это ведь только видимость, что курок я спустил. На самом деле, его спускаете вы. Прямо сейчас. Когда вы за дверь выйдете, будете знать, что он уже труп.

Глаза ее зло засверкали, а пальцы сжались в кулаки.

— Правда? — выдохнула она и криво усмехнулась. — Он уже труп.

— Именно. И никогда не узнает, кто именно стрелял. И почему. В чем-то это даже милосердно. Вы дадите ему умереть счастливым. В уверенности, что впереди еще много дней его успешной жизни.

Анна крупно вздрогнула и уставилась на мужчину.

— Счастливым?

— Случайная пуля, — пожал он плечами. — Для него — случайная.

— Но он умрет. Он умрет так же, как... Его больше не будет.

— Водички дать?

— Нет! — Анна отрицательно мотнула головой. Помолчала и неожиданно прищурилась. — Зачем вы это делаете?

— Затем же. Жизнь научила. Однажды я не смог выстрелить, и выстрелили в меня. Но я никогда не пожалею о том, что не спустил курок.

— Наверное, если бы когда-то выстрелили в меня, было бы лучше.

— Не факт. Жизнь длинная. Когда-нибудь решите, что все не так уж плохо.

— Не решу. Именно потому, что жизнь длинная, — Анна откинула голову на стену, у которой она сидела, и посмотрела куда-то вверх. — В которой хорошее закончилось давно и навсегда...

— Да ладно! — хохотнул мужчина. — Пока есть кока-кола и попкорн, жить можно.

Девушка перевела взгляд на его лицо, пытаясь разглядеть его глаза. Сейчас он был в тени, и глаза его казались черными, хотя при знакомстве Анна была уверена, что они серые. Она задумчиво сдвинула брови, всерьез раздумывая над этим вопросом. Потерла лоб и спросила:

— А если без них? Без кока-колы и попкорна?

— Всегда найдется что-нибудь еще.

— Нет, так не подходит. Надо, чтобы совсем без ничего, — пробормотала она себе под нос.

— Мне — не надо, — рассмеялся он. — Короче, пятерку сейчас. Пятерку — после выполнения заказа.

— Да-да, — Анна снова сосредоточилась на лице киллера. — А я... я могу отказаться?

— Ну, денег я пока в глаза не видел.

— Значит, могу? — улыбнулась Анна.

— Можете, — важно ответил он. — Только никому не говорите, что Север вас отговаривал, потому что это неправда.

200_ год

Просьпаться от собственных криков было нормой. Крик неминуем даже тогда, когда знаешь, что спишь. Обыкновенная жизнь Виктора Закса.

— Не я! — рука, выброшенная вперед. И почти наверняка перед глазами беспросветность. Сны никогда не приходили на рассвете. Только в самое черное время — под утро.

Пытался унять тяжелое дыхание. Губы медленно шевелились: «Не я, не я, не я...»

Но самого себя в том убедить он не мог.

От никогда раньше не слышанного крика Анна распахнула глаза. В свете фонаря, подсвечивающего комнату с улицы, разглядела сидящего на кровати Виктора с вытянутой вперед рукой. Таким она его видела однажды. И теперь точно знала, что ему снилось. Будто сама видела его же сон. Это было абсолютно иррационально. Но иррациональным был каждый ее день на протяжении вот уже десяти лет.

Она сердито дернула одеяло, которое он стащил с нее, когда вскочил на кровати.

— А можно аккуратнее?

Виктор вздрогнул и обернулся. Светлые волосы по подушке. Черты лица, скорее угадываемые, чем зримые.

— Прости, — прошептал он. — У меня бывает...

— Сейчас обострение? На полнолуние, что ли? — она зевнула. В темноте выглядело натурально.

— Нет. Я часто кричу во сне.

— В «Носороге», вроде, не кричал, — сказала она и повернулась на бок, спиной к нему. — И чего домой не уехал...

Не ответил. Откинулся на подушку. Смотрел в потолок. Потом медленно проговорил голосом, в котором почти не было слышно того Виктора Закса, которого она знала:

— Прости меня... Я мразь...

Анну будто обдало ледяным холодом. Она сильнее закуталась в одеяло и неслышно сглотнула.

— Я не выдаю индульгенции, — ответила ровным голосом.

— Я знаю. Просто прости. День адов. Сорвался.

Потом его речь звучала еще тише, но была отчетливо слышна в пугающей тишине ночи. Равно как и его дыхание, прерывистое, беспокойное. Если бы она протянула руку и коснулась его, знала бы, что сердце после кошмара так и не унялось, продолжая биться, будто набат.

— Партнер решил уйти из корпорации. Предложил выкупить его долю. У меня таких бабок нет. Пятьдесят процентов активов. Остается два варианта. Либо он попытается перепродать свою часть, либо потребует полного раздела. Оба варианта меня не устраивают. У нас слишком много обязательств, чтобы пойти на это... Единственное, на что надеюсь — время. На все нужна хренова куча времени.

«На все нужна куча времени», — мысленно повторила она за ним. Ей ли не знать? Она повторила про себя и информацию о партнере. Зачем, кому это может понадобиться — было не важным. Но она старалась запомнить. Никогда не знаешь, что и когда пригодится.

— Всю жизнь натыкаюсь на этих гребанных Гориных. Всю жизнь... Влип по самые...

В комнате раздался его злой лающий смех. И от него затряслась кровать под ними.

Сцепив зубы так, что стало больно, Анна молчала. Говорить не могла. Только кричать, еще громче, чем он. Но сейчас было нельзя. Не ко времени. Ее охота еще не окончена. Потом... однажды она ему объяснит, что такое «влип».

Закс резко перекатился на бок и снова прижался к ней со спины — так, как накануне вечером. Перекинул руку через нее и нашел грудь. Осторожно сжал пальцами сосок. Провел языком по плечу, поцеловал шею. И тихо, теперь почти не слышно, проговорил:

— И я все еще пьяная скотина. Прости.

— Репетиция покаянной речи состоялась. Утром дома тебя ожидает успех.

Она боялась пошевелиться. Словно натянутая струна, которую тронешь неправильно, и она лопнет с жалобным последним стоном. Просто лежала и смотрела в темноту, которая клубилась звуками и образами. Ей виделось то, чего не было на самом деле, и слышалось то, о чем никогда не говорилось. И впервые она попыталась себе представить его лицо, когда скажет ему, что ничего в его жизни не меняется, и он снова «наткнулся на Горину».

Глава 9. Клятва

— Сонька, отстаньте от меня обе, — вяло бурчал Андрей. — За*бали.

Трубка валялась на столе с включенным громкоговорителем, а сам он не отводил взгляда от монитора, медленно пролистывая меню превьюшек порносайта.

— Разбирайтесь со своими мужиками сами. Одна за своим Заксом полжизни сохла, как дура. Ну, получила. Типа счастливая стала. Только плачется по три раза в неделю, как он ее не любит. А просто «трахает» — ее, видите ли, не устраивает. Другие, может, всю жизнь мечтают, чтоб он их хоть раз трахнул. У тебя, наоборот, каждую неделю новая любовь. Но предпочтения у тебя, сестричка, сомнительные. Все они на геев смахивают, не замечаешь?

— Ты-то откуда геев знаешь? — рассмеялась Соня.

— Не твое собачье дело! — огрызнулся Горин.

— Потому что Андрюша у нас сам п*дор! — раздалось от двери — спокойное и уверенное.

— Ты же меня и отымел, — заржал Горин и кинул в Закса, заявившегося без приглашения, трубкой.

Телефон благополучно пролетел мимо Виктора и стукнулся о стену, крышка отвалилась, батарея выпала. Детали телефона печально рухнули на пол.

— Пока, Соня, — усмехнулся Закс. И подошел к столу, за которым сидел Горин. Уперся руками о столешницу и проговорил: — Сейчас ты решил отыметь меня, правильно я понимаю?

— Правильно! — ухмыльнулся Андрей. — Удовольствие должно быть обоюдным. Ты же видишь тенденцию?

— Да вот вторые сутки тащусь... от тенденции Что ж лично-то не сказал? Уведомление в письменной форме — это мощно, но напоминает онанизм.

— Типа тебя такое не возбуждает? Чего тогда приперся? — насмешка Андрея звучала в его голосе, была заметна в его вальяжной позе.

Воздух комнаты пропитался издевкой. В этой издевке исчезало все — принципы, истины. Выглядело мерзко. Но Виктор давно привык к тому, что выглядящее самым мерзким — правда и есть. Все остальное — иллюзия. Он десять лет как возненавидел иллюзии. От одной избавиться так и не смог — от дружбы. Значит, теперь поделом. Пожинал, что посеял. Но, справедливости ради, сеял не только он.

— За добавкой приперся. Раздел не вариант. Ты это знаешь. Там производство замешано одно на другом. Мы из этой связки не выйдем. А покупателя ты будешь долго искать.

— Да мне насрать! С тебя бабки. Доля, проценты, неустойки. Лично меня прет.

— Да я вижу! — психанул Закс. — Андрей, ты понимаешь, что ты тоже не выиграешь? Хрен ты получишь ту сумму, на какую мог бы рассчитывать, если бы разошлись полюбовно. Дай мне полгода. Полгода! Я вложил. Пойдет отдача — откуплюсь. Соберу, найду, откуплюсь. Сейчас это нереально. Мы едва расходы покрываем.

Взгляд Андрея стал маслянистым.

— Я знаю, во что ты вложил.

— Не твое дело!

— Не мое. Но Лизе будет интересно.

— Заткнись! Со своими бабами я сам разберусь!

— Лиза — моя сестра. Она тебе не баба. В отличие от твоей б*яди!

Закс бешено выдохнул. Раздался грохот. Горин только и успел, что почувствовать, как Закс запустил пальцы в волосы над его лбом. И приложил о столешницу. До искр в глазах. А потом, удерживая голову Андрея на столе и не давая подняться, громким свистящим шепотом произнес:

— Я сказал, я сам разберусь. Если так уж хочется влезть в дерьмо — подавай в суд. Это будет очень занимательное мероприятие. А просто так я тебе ни копейки забрать не дам, клянусь. Понял?

— Понял, — процедил Андрей. — Все понял. С удовольствием пойду в суд. Со всеми бумагами и фотографиями, что у меня есть. Ты в курсе, что в «Носороге» стоят скрытые камеры?

— Пох*й! — зашептал ему на ухо Закс. — Рискни. Я тебе уже говорил — за собой тебя, п*дора, потяну. Я же умею бодаться, ты в курсе, дружище.

И резко отпустил его, разогнувшись над столом. И глядя на красные капли крови, оставшиеся на гладкой поверхности.

Андрей утер рукавом разбитый нос.

— Бодайся, поц. Теперь тебе есть чем. Рога, которые сооружает тебе твоя шваль, впечатляют ветвистостью, — пожевал губами и добавил: — Говорят, она в «Носороге» лучше всех в рот берет. Надо будет попробовать.

Еще один тяжелый удар пришелся по его скуле. Он был смягчен лишь тем, что Заксу опять нужно было перегнуться через стол. Но и того было довольно, чтобы стул едва не перевернулся.

Не говоря больше ни слова, Закс вышел. И только на улице очнулся, чувствуя бесконечное сожаление — и сам не знал, о чем сожалеет. О том, что декабрь крадетя по улице, влажный и ветреный? О том, что жизнь сложилась так, как сложилась? О том, что однажды трое мальчишек поклялись друг другу в том, что никогда и ничто не разорвет их дружбы? Да черт его знает!

Детство давно прошло, теперь полузабытое. Юность пролетела. Молодость отгремела пистолетными выстрелами. Зрелость принесла похмельный синдром — от всей предыдущей жизни.

Закс размял пальцы и посмотрел на костяшки. Воспаленные, но не сбитые. Жаль. Лучше бы в кровь. Вынул из внутреннего кармана пальто сигареты и зажигалку. Прикурил. Выпустил в воздух клуб дыма. Дым медленно плыл среди влажного снега, сыпавшегося крупными хлопьями и тут же таявшего на асфальте.

Жаль, что не в кровь. У него все и всегда замешано на крови. Карма.

С Андреем они дружили с самого детства, как и их отцы. Пути временно разошлись лишь в юности, когда после развода с Петром Михайловичем Горина уехала за границу. Как раз развалился совок. Как раз появились бабки, которые можно было делить. Как раз Иван Иванович совершил роковой шаг, сделав лучшего друга своим партнером. Годы спустя ту же ошибку допустил Виктор. Тогда этого ничего еще не случилось. Андрей учился в Лондоне. Закс — постигал совсем иные науки на практике в бандитском Питере. Нет, совсем прям грязи не было — отец не допускал. Но что такое ведение бизнеса в экстремальных условиях, Закс усвоил.

А если отмотать пленку назад... Когда все начиналось для него?

Было трое сопливых пацанов в период полового созревания.

Виктор Закс. Андрей Горин. Александр Ольховский. Одноклассники и дружбаны.

Они играли в детские игры и заигрались.

Он помнил лето в середине восьмидесятых, когда их троих по профсоюзной путевке от конторы, где работала Мария Алексеевна, отправили травиться столовскими котлетами в какой-то лагерь на необъятных просторах нерушимого.

Помнил, как однажды, во время сонного часа, они втроем удрали на речку — купаться. Просто вылезли в окно под обалдевшими взглядами других пацанов. Только Алекс на прощание щегольнул тихим: «Ведите себя хорошо, Ольга скоро вернется». Алексу всегда было свойственно щеголять. Чем угодно — ему вставляло от процесса.

Наверное, потому он и нарвался, когда его подхватило течение реки и понесло к хренам, на пороги, когда он заплыл дальше, чем можно было.

— Да у него ногу судорогой свело! — крикнул Витя, бросившись следом в воду.

— Витька! — орал на берегу Горин. Кинулся в воду, забежал по колено, вернулся обратно. Пометался вдоль берега и снова ринулся в речку.

Алекс только голосил, паникуя и пытаясь справиться с течением. Но даже для того, чтобы удерживать голову над поверхностью воды, нужно было прилагать усилия.

Закс рассекал руками волны и внимательно смотрел на удаляющуюся фигуру Ольховского.

— Дебил, ляг на спину и расслабься! — снова закричал он, надеясь, что Алекс услышит. Кажется, получилось — еще немного побарахтавшись, тот выполнил в точности то, что приказал сделать Витя.

Горин все же подплыл к ним, когда Закс уже преодолел с полпути к берегу.

— Помочь? — спросил он, глядя на Ольховского. — Он живой вообще?

— Да что ему сделается, придурку? — проворчал Витя, сжимая кулак, которым держал Алекса за чуб, как учил отец. — Вцепился в меня так, что я думал, сейчас вместе на дно пойдем. Поплыли уже. Воды нахлебался.

Когда можно было встать на ноги, Андрей и Закс подхватили Сашку подмышки и выволокли его из воды.

— Тяжелый, падла, — ругнулся Горин.

И дружно рухнули на песок, тяжело дыша. Алекс отплевывался, хрипел, но, кажется, был совсем-совсем живой. Все трое молчали. До тех пор, Ольга не выдал:

— Ребят, я... простите... Я ж не нарочно, я не хотел...

— Да заткнись ты! — рявкнул Закс. — Я из-за тебя, кретина, чуть не пересрал!

Горин молчал. До него, наконец-то, дошло, чем все это могло обернуться.

— Пацаны, только это... — снова заговорил Ольховский. — Бате моему не говорите. Он мне уши оторвет и кожу с задницы ремнем снимет.

Закс дернулся, но промолчал. Кому такое скажешь? Если начнешь, потянется про побег с базы — ну его к черту, такое счастье. Ольховский сел на песке, притянув ноги и опустив голову. С волос, отросших и взъерошенных, стекала вода.

— Я никогда этого не забуду, пацаны, — прошептал он снова. — Клянусь, не забуду.

Горин оживился.

— А давайте поклянемся... ну там, на огне, например. Я читал. Держать ладонь над горячей свечкой и произносить клятву.

— Делать нефиг? — усмехнулся Закс.

— На крови! — обрадовался Ольха. Вскочил на ноги, кинулся по песку к своим брюкам. Достал оттуда перочинный нож и подошел к мальчишкам. Глаза его блестели — черт его разберет: от воды или от торжественности момента. Блестело и лезвие ножа — под солнцем. С ножом определяться не надо. — Клянусь, пацаны! Всегда вместе! До самой смерти! Чег бы отгребать ни пришлось — делим на троих! Клянусь!

— И я клянусь, — подорвался за ним Андрей. — На троих!

— Дебилы, — заржал Закс, вставая следом. — Ну, клянусь, что с вами делать.

Ольховский широко улыбнулся и, решительно закусив нижнюю губу, провел ножом по запястью, надрезая кожу. Шло плохо, но на порезе тут же засочилась кровь. Выдохнув, он протянул нож Андрею.

Горин долго прикладывал лезвие к коже, будто примеряясь. Зажмурился, резко полоснул. И передал эстафету Заксу.

Закс улыбнулся, глядя на окровавленное лезвие. Подумал, что теперь в нем будет кровь обеих товарищей — ему повезло больше. Было больно. Но он внимательно смотрел на то, как режет живую плоть — собственную плоть. И вид выступивших алых капель показался ему даже красивым. Вздрыгнул и вернул оружие Ольховскому.

— Доволен? — спросил он.

— Ну здорово же, правда? — Ольховский с восторгом смотрел на друзей. — Навсегда!

Навсегда не получилось. Не срослось с «навсегда».

Виктор докурил сигарету, бросил в урну, сел в авто и поехал домой. Нужно было еще поговорить с Лизой. Два года брака и пять лет отношений давали ему на это право. Нет, не из-за шлюхи. И не из-за Андрея. И не из-за их отцов с их гребанным чугунолитейным производством. Из-за нее и из-за себя.

Он подъехал к дому. Бросил ключи подбежавшему шоферу. Поднялся на крыльцо. Вошел.

Лиза вышла к нему в прихожую и удивленно сказала:

— Неожиданно.

— Как есть, — пожал Закс плечами. Снял пальто. Прошел в гостиную. К бару. В последнее время он пил много и прекрасно понимал это. Алкоголь спасением не был, но казался таковым. В этом он тоже отдавал себе отчет. Сначала он запал на шлюху. Потом забухал. Ему казалось, что от этого он сам пропитывается вонью испражнений, годных для такого ничтожества. А он был ничтожеством. И не имел ни одного человека, которого не заставлял бы стать ничтожеством рядом с собой.

Потянулся за коньяком. Рука замерла. Взял бутылку вина. Плеснул в два бокала — один протянул Лизе. Она забрала у него бокал и присела в кресло. Отпила напиток, едва коснувшись его губами, и сказала:

— Нам надо поговорить, Витя.

— Да, нам надо поговорить, — кивнул он. — Ты в курсе, что Андрей хочет уйти?

— Что? Нет, не в курсе. Когда он говорил о таких вещах? Да он и не обязан. Это его бизнес.

— И мой. Андрей и сотой доли в него не вложил того, что вложил я. А теперь он валит, оставляя меня с неприкрытой задницей.

— Вить, прости, я мало об этом знаю. Я о другом хотела.

— О другом? — его губы скривились в подобии улыбки, закрывающей зубы. Он влил в

себя вино и добавил в бокал еще. — Ну давай о другом. Предлагай тему. Или давай я предложу? Как тебе нравится: что нам делать с нашей жизнью?

Лиза улыбнулась.

— Да я, в общем-то, об этом и собиралась, — она сделала глубокий вдох. — У нас ребенок будет.

Глава 10. Профит

— Леша, ты должен мне помочь, — сообщила Анна Алексею Александровичу Власову, сидя перед ним на стуле и просительно заглядывая ему в глаза.

Он потирал виски, в русых волосах которых проступила ранняя седина. И растерянно смотрел на Протасову. Сколько лет они знают друг друга? Странно, что ничего не изменилось. Ей нужна была помощь — он бросался помогать. Она пропадала на годы. Потом появлялась. А он будто того и ждал, чем бы ни занимался. Женился, разводился, карабкался по карьерной лестнице, заводил собаку, ее же, умирающую от рака, усыплял. И синеглазая испуганная девочка, которую однажды он спас, тоже была частью его жизни. Может быть, это было лучшим, что он сделал за свои тридцать с копейками лет.

— Ну, до сессии еще далеко, и справляешься ты обычно самостоятельно, — проговорил он, доставая из верхнего ящика стола аспирин. — Потому смею предположить, что что-то стряслось. Ты себя давно в зеркало видела? Худая, как щепка.

— Неважно! — скривив губы, ответила Анна. — И сессию сдам. Мне нужна реальная помощь. Мне надо чужого ребенка вывезти за границу.

— Чего? — опешил Власов и выронил упаковку стаблетками на стол. — Сдурела? Нахрена?

Анна подхватила упаковку.

— Заболел? Я не вовремя, наверно.

— Ага, заболел. Но явно не так сильно, как ты. Во что ты уже влипла, Аня?

— Почему влипла? — непонимающе спросила девушка.

— Чужого ребенка? За границу? Реально — почему? — Алексей забрал из ее рук упаковку, вытащил пластинку, одну таблетку проглотил, запил водой и пожаловался: — Голова сейчас лопнет. Ладно. Давай по порядку. Что у тебя?

— У меня — чужой ребенок. Отказ матери есть. Отец неизвестен. Имя ей вообще я дала, хорошо тетка из опеки не зануда была. Денег взяла и записала под мою диктовку, — Анна фыркнула. — Но девочке операция нужна. Такие делают только за границей. Мне нужно ее туда отвезти.

Несколько мгновений Власов озадаченно смотрел на Анну. По взгляду его трудно было что-то прочесть. В этом он за прошедшие десять лет назад изменился. Раньше смотрел открыто, не прятал ничего.

Медленно перевел дыхание, и глаза его потеплели.

— За граница — понятие растяжимое. Ладно. Что у ребенка?

— Почки, — быстро ответила Анна. — Советуют клинику в Германии и вроде еще есть доктор в Израиле. Я пока не узнавала точно. Что толку, если не увезти. Идиотизм!

— У нас много где идиотизм, — пробормотал себе под нос Власов. — Ладно, я понял. Тебе нафига эта возня?

Она смутилась. Отвела взгляд.

— Не знаю. Надо!

— Надо так надо, — покачал он головой. — От меня что требуется? Помочь с оформлением? Видишь ли... я с опекой дело никогда не имел — у меня несколько другой профиль, как ты могла удостовериться ранее. Как вариант, могу пробить, кто может тебе

подсказать, в какие двери стучать. Ты у ребенка в каком качестве намерена оставаться?

Вопрос, который она не раз задавала сама себе уже которую неделю, озвученный Власовым, казался предоставленным последним словом осужденному. Повисла пауза, в течение которой Анне было необходимо решить все до самого конца.

— Я хочу опеку, — заговорила она, и голос ее звучал твердо и уверенно. — Я найду деньги!

— Да я даже не сомневаюсь, что найдешь, — усмехнулся он. — Ладно. Все ясно. Я прозондирую. В универе как дела?

— Нормально. Сессия на носу.

Она подняла на него глаза и улыбнулась. Тогда тоже на носу была сессия. Первая. Ей, студентке юрфака, которая была старше всех в группе, до сих пор казалось странным, что она учится в университете. Когда-то давно она строила планы, куда идти учиться. И придумывала невообразимые варианты, чтобы подразнить маму и отца. Чего только театральный стоил...

Потом все изменилось, и она считала, что учеба — глупая трата денег и времени. И лишь спустя еще несколько лет Анна неожиданно поняла, что юрфак сможет дать ей дополнительные возможности в осуществлении ее мести.

Все свободное время она отдавала учебе. Много позабылось. Но постепенно вспоминалось, под чутким руководством преподавателей. К ней будто возвращалась ее юность, которая снова привела в ее жизнь Алексея Власова.

Накануне новогодних праздников, когда большинство нормальных людей носится по городу в поиске елки, украшений к ней и подарков, Анна подпирала стену у кафедры в ожидании куратора, уставившись в учебник.

Власов появился из ниоткуда в дорогом пальто, благоухающий парфюмом известного бренда и в ботинках ручной работы итальянского производителя. Это она научилась определять давно. Просто вошел в аудиторию, будто это было в порядке вещей. И спросил:

— Михал Сергеича нет?

Она подняла голову, и глаза ее заблестели.

— Не-а, — протянула, как когда-то давно. И не сдержавшись, рассмеялась.

Он улыбнулся в ответ ничего не значившей улыбкой — незнакомой чудачке, кивнул и хотел уже выходить, когда застыл на месте. Взгляд его карим лучом коснулся ее лица и заскользил по ней вниз, к самым ступням. Потом взметнулся обратно. И, едва ли веря своим глазам, он прошел вглубь помещения, ближе к кафедре.

— Привет! — весело сказала Анна.

— Привет, — повторил он, как попугай. — Это ты?

— Могу не я. Тебе как удобнее?

— Аня Протасова! — с облегчением произнес Власов.

— А Михаил Сергеич попозже будет.

— Да к черту Михаил Сергеича! Ты тут учишься?

— Учусь. На первом курсе.

— Лучше поздно, чем никогда, — кивнул он. — Ты хорошо выглядишь.

— А ты модно... Как дела?

— Да как-то все... — он замолчал, глядя в ее глаза, а потом тихо произнес: — С ума можно сойти... Я у тебя в следующем семестре правовую информатику читать буду. Зачет.

— Ты ж вроде в прокуратуру хотел, — удивилась Анна. — Переквалифицировался в

теоретики?

— Да я там и работаю. Просто курс читаю. Несложный, практический... А ты? Где ты? Кто ты?

— Я? Да по-разному. Работаю. Вот денег немного накопила — решила поступать.

— Умница, Ань! Значит, коллегами будем, — его мягкая улыбка, как когда-то давно, согревала. Для него навсегда она должна была остаться студенткой юрфака и «коллегой», но не той, кем она была на самом деле. И он был единственным, кому она ни за что не дала бы. Потому что для него это было бы по-настоящему. Как и для нее.

Тусклый свет подсветки слабо освещал кухню и Анну, сидевшую за столом и крепко обнимавшую большую чашку с остывшим чаем. Она внимательно смотрела, как ее отражение становится все ярче на стекле, за которым быстро темнело. Лицо ее было задумчивым и хмурым. Нафига она, и правда, ввязалась в эту историю с ребенком? Подписалась же, дура. А это отнимает время и силы от главного. самого главного.

Что у нее есть сейчас?

Кое-что она знает о его проблемах с партнером. Это пока никак не используешь. Еще она имеет материальные выгоды от визитов Закса. Но за дверью ее квартиры он по-прежнему уважаемый бизнесмен, семьянин, меценат. Ага, меценат! Оказывает помощь нуждающейся шлюхе. Которая разрушит его репутацию, его жизнь, разрушит его самого. Анна хмыкнула... и уцепилась за эту мысль, будто бы она была тем, что даст ей силы жить дальше — как это было всегда. Ей мало того, что он орет по ночам. Она хочет, чтобы и днем он был от чувства собственного ничтожества.

Около шести часов вечера в дверь позвонили. Спрыгнув со стула, она вышла в прихожую, распахнула дверь ипустила Закса. Он вошел холодный с мороза, уставший, мрачнее обычного и неожиданно красивый со снежинками в черных волосах и на воротнике пальто.

— Холод собачий, — объявил он и наклонился к ней, чтобы поцеловать.

— Можно подумать, ты пешком ходишь, — ответила Анна и послушно поцеловала его холодные, уставшие губы, оживавшие от ее прикосновения и неизменно разгоравшиеся страстью, стоило ей дотронуться до них. Он заглянул в ее глаза и подумал, что, наверное, таким должно выглядеть небо. А потом сморгнул эту мысль. Никаких небес не бывает.

— Не хожу, — согласился Виктор. Он не видел ее два дня. Два дня, которые пробыл с Лизой. И не мог этого выносить. Никогда не думал об этом, но стоило подумать, начинал сходить с ума: он не мог жить с беременной его ребенком женой — верной, преданной, сексуальной; и едва обходился без чужой женщины, от которой мог получить только тело.

— Соскучилась? — непринужденно спросил он.

— Некогда было, — ее голос прозвучал так же непринужденно, и она настойчиво потащила Закса в комнату. Он скинул пальто и пошел за ней. Кривая усмешка на его губах тоже выглядела уставшей — совсем на него не похоже.

— И чем таким ты была занята?

— Разным. Теперь твоя очередь.

Он приподнял бровь. Но оставался спокойным и холодным. Легко казаться холодом, когда глаза у тебя цвета льда на асфальте.

— Я тоже занимался разным. Подробности за подробности.

— Мне тебе отчеты составлять? — спросила Анна. — Где, с кем и сколько раз? Фотографии прикладывать? Пока тебя не было, я успела многое.

— Даже не сомневаюсь, — отозвался он негромко. — Скучаешь по прежнему ритму жизни?

— Не переживай, он не сильно изменился.

— Совершая покупку, люди подписывают бумаги. Наши, если помнишь, подписаны кровью. Тогда за каким хером я должен это слушать?

— А ты меня за каким хером покупал? Я не помню там пункта про бухие наезды. Ты потом молча свалил? Я — молча себя развлекала.

— Ааа... — протянул он, и на лице его появилась неприятная улыбка. Она делала черты резкими и одновременно расставляла все на свои места в его образе. — Так мы обиделись?

— Нет. Зачем на тебя обижаться? То, что мог получить ты, досталось другому. Кому хуже?

— По всей видимости, ты не чувствуешь разницы между проституткой и бл*дью. Проститутка себе не принадлежит. Она с тем, кто ее купил. В данном случае тебя купил я. И я требую не гребанной верности, а выполнения обязательств. Ты же предпочитаешь бл*дствовать. Считаешь, меня это заводит?

— Я тебе хоть раз не дала?

— Корень проблемы в том, что ты никак не усвоишь, что, кроме меня, ты никому не должна давать! — гавкнул он.

— Б*я, и что же это, если не верность?

Он раскрыл, было, рот, чтобы ответить, но резко развернулся и отошел к окну. Сунул руки в карманы и несколько бесконечно долгих секунд стоял, перекатываясь с носков на пятки. Видимое усилие, чтобы вернуть собственное спокойствие. Потом посмотрел на нее. И медленно, спокойно, почти равнодушно спросил:

— Чего ты хочешь?

— В ресторан хочу. Выберу сама.

— Шикарно! — развел он руками. — Выбирай.

Анна выбрала. Популярный французский ресторан в центре города с архитектурным названием она знала еще со времен работы в эскорте. Негласный договор с управляющим позволял получать небольшой стабильный доход в семь процентов от суммы счета, оплачиваемого клиентом, которого девочки приводили на ужин.

У двери служил все тот же швейцар. Девушка кивнула, он в ответ многозначительно улыбнулся. И Анна под руку с Виктором вплыла в фойе. Оставив верхнюю одежду в гардеробе, они прошли в зал, где она совершенно сознательно потащила его за столик в центре. Там они оказывались на виду у всех. Закс повиновался, выглядел расслабленным и непроницаемым. В этот вечер он был не похож на себя — будто кто-то выпил его за день. И это единственное, что проглядывало за непроницаемостью на его лице. Даже если он пытался спрятать, оно лезло наружу.

Откинувшись на спинку стула, он внимательно наблюдал за женщиной напротив, чуть сощурился — тоже прятал что-то, что не хотел, чтобы она видела. Подошел официант, зажег свечу, вручил им меню и ретировался. Они снова остались один на один — иллюзия посреди ресторана. Но при свечах — почему бы не быть иллюзии.

— Теперь ты скажешь мне, что скучала?

— Я скучала, — ответила она, внимательно изучая меню.

— Отлично. Исправляешься на глазах. Бери что-нибудь подороже — вдруг расщедришься признаться, что всю эту хрень ты выдумываешь на ходу.

— Не понимаю, о чем ты, — она перелистнула страницу.

— Неважно, — он чуть заметно улыбнулся и тоже раскрыл меню. Текста перед глазами не видел, просто рассматривал строки с занятыми буквами. Они не имели для него никакого содержания. Снова вернулся к ее лицу. И теперь смотрел долго, разглядывая каждую черточку.

Она все еще не поднимала на него глаз.

— Сомелье пригласи. Я пить хочу, — сказала обиженно.

Закс усмехнулся и пожал плечами. Повел головой, осматриваясь. И наткнулся взглядом на женщину за столиком у окна, глядевшую в упор на них. Примерно его возраста. С копной русых чуть вьющихся волос. Красивая. И самым красивым в ней были глаза — немного кошачьи, определенно светлые. На память он пока не жаловался — среди его знакомых такой не было. Разве только где-то по пьяни. Но и эта мысль была отброшена. Незнакомка смотрела более на Анну, чем на него.

Он отвернулся к бару. Чуть кивнул. Пока сомелье шел к их столику, негромко спросил:

— Баб ты не обслуживала?

— Ты хочешь втроем? — по-деловому спросила Анна, отвлекшись от меню.

— Я-то нет. А дама за твоей спиной, кажется, не против.

Анна обернулась, посмотрела в направлении, указанном Заксом, и улыбнулась. Госпожа Калинина собственной персоной. Анна кивнула и весело помахала рукой. Та только растянула в улыбке губы в знак приветствия и повернулась к своему собеседнику.

К ним подошел сомелье — заказ был сделан.

— Коллега? — осведомился Виктор, когда тот ушел.

— Наставница, — ответила Анна и откинулась на спинку стула, — как бы. Ольга Николаевна — добрейшей души дама, с большой фантазией и житейской хитростью. Помогает сирым и убогим, — девушка улыбнулась. — Она мне денег заняла, еще когда я школу заканчивала. Приличную сумму, детдомовке такую собирать бы много лет пришлось. Если бы вообще удалось. А она дала, без гарантий и процентов. И отработать разрешила целый год, я хоть квартиру приличную снять смогла...

— Ни хрена себе, — усмехнулся Закс. — Сама доброта. Так ты из детдома?

— Да, — девушка отпила вина и снова заговорила: — Но у нее весело было. Она мне первое время такие тренинги устраивала. Гоняла, как жеребенка на выезде, правда, подготавливала к племенным случкам. Ну, в смысле, к самому процессу, сам понимаешь, — Анна посмотрела на Закса загоревшимся взглядом. — Она в этом бизнесе давно, знала, к кому меня отправить, чтоб я не скучала. Американские горки отдыхают. Зато потом любой аттракцион стал обыкновенной каруселью.

— И сколько тебе было надо? — поинтересовался Виктор, не отводя взгляда уже не от Анны, но от профиля женщины за столиком у окна. Взгляд был напряженный, холодный. И по-прежнему уставший. Потом он отвлекся и вернулся в действительность. Действительность была такова, что золотистые отблески свечи играли в волосах проститутки, которую... — За сколько тебя купили?

— Ты сейчас платишь дороже, — в ее голосе снова зазвучали деловые нотки. — Потому что моя цена возросла. Констант апгрейд оф кволити.

Он зло хохотнул и сверкнул глазами.

— Супер! Только тебя кинули, Аня. Это так называется. Тебя превратили в шлюху и заставили возвращать бабки. Профит.

С ее губ было готово сорваться ядовитое подтверждение, когда явился официант с очередной едой.

Анна сделала глубокий вдох и обвела неспешным взглядом зал. Калинина уже ушла. Но посетителей заметно прибавилось. Вечером здесь всегда было многолюдно. К роялю на сцене вышел музыкант. Свою программу он по-прежнему начинал с импровизаций: тихих, неспешных, обволакивающих задумчивыми звуками.

Официант, наконец, отошел от их столика, расставив перед ними блюда в идеальном порядке на длинной скатерти, волнами разливающейся по паркету, в абсолютном соответствии с изысканной обстановкой ресторана.

Анна улыбнулась и скинула туфлю. Удобно расположила ногу на стуле Закса, устроив между его бедрами. Прижала ступню к теплой ткани брюк, сделала несколько плавных круговых движений, надавливала сильнее, поглаживала пальцами, будто обнимая. И не отводила глаз от его лица. Улыбка ее стала довольной, а ноздри нервно вздрагивали. Она чувствовала, как его плоть напрягается все сильнее от каждого ее прикосновения.

Она мягко накрыла возбужденный пах своей ступней и с невинным видом отправила в рот сочный кусочек мяса с кровью, плотно захватив вилку губами.

— И ты тоже имеешь свой профит, — проворковала Анна.

Виктор скривил губы — то ли в полуулыбке, то ли насмешкой. Но глаза его все еще оставались спокойными, в то время как внутри бушевало пламя. Иногда и заснеженные шапки вулканов извергают лаву.

— Я играю честно, — ответил он обманчиво мягким голосом. — Оплачивая услугу, не требую плату назад. На что тебе тогда нужны были деньги, не расскажешь?

— Тебе все еще мало откровений?

— Не хочешь — не отвечай, — пожал плечами Закс и неожиданно перехватил рукой ее ступню, прижав к себе крепче. К тому месту, которого она касалась. Ладонь его стала поглаживать ее щиколотку, двигаясь к пальцам — сквозь шелковистую сетку чулка. Он обводил ее контуры и чуть заметно улыбался, расслабленно и отстраненно одновременно. — Предлагаю допсоглашение к нашему договору. Ты делаешь то, что ты хочешь. Полная свобода выбора и желаний. Кроме единственного — других мужчин. До тех пор, пока ты со мной.

Она задержала дыхание, прикрыла ненадолго веками глаза и издала странный тихий звук, как мурлыкающая кошка.

— Я тоже не заключаю нечестных сделок, — спустя бесконечное мгновение заговорила Анна. — Я и сейчас делаю, что хочу.

— Ну и зараза ты, Аня Протасова! — хохотнул он.

В скором времени веселье продолжилось: подробности randevу Виктора Закса и неизвестной, но весьма эффектной блондинки, имевшей единственное сходство с его супругой в цвете волос, стали достоянием общественности. Публичность никогда его не интересовала, но все же он был фигурой публичной. Еще через некоторое время предали гласности «творческий псевдоним» его избранницы, равно как и ее профессию. Ольга Николаевна появлялась там, где нужно, и имела обширные связи. Нет, Виктор Закс не кинозвезда и не футболист, чтобы следить за каждым его чихом. Но слухи ползут быстро. Правда, медленнее, чем действует Анна Протасова.

Глава 11. Детский вопрос

Стоя у зеркала, она изучала свое лицо. Выглядела уставшей, хотя с чего бы ей уставать? В доме слуги. Работой не перегружена — в своем отделе появляется, когда хочет. Муж забыл дорогу домой — тоже не утруждалась. Беременность на раннем сроке не давала о себе знать приступами токсикоза. Живи и радуйся.

Синяки под глазами были не самым лучшим показателем радости.

Если бы можно было любить как-то иначе, она просила бы, чтобы ее научили. Безоглядность — не про нее. Каждую минуту она знала, что мучится. И каждую минуту она знала, что мучит его. Изощренное садомазо под названием «Семейная жизнь Виктора и Лизы Заксов».

Первый раз они занимались сексом по пьяни. Вернее, не так. Она занималась сексом с мужчиной, о котором мечтала с самого детства. А он — пользовал первую попавшуюся доступную барышню в радиусе пары метров. И нельзя было сказать, что она не воспользовалась случаем. Собственно, если бы она могла, повторила бы это снова.

Но Виктор оказался неожиданно понятлив. На следующее утро не было признаний в любви, не было цветастых объяснений, не было предложения руки и сердца. Но было то, на что она, по здравом размышлении, едва ли могла бы рассчитывать — они стали парой. Так длилось много лет. Она так хотела. Он не возражал. Им было хорошо вместе.

Когда-то им было хорошо.

А теперь она смотрит в зеркало на женщину, у которой чужое, не ее, лицо. И думает только о том, в котором часу Виктор припрется сегодня. И припрется ли.

Нет, ей грех жаловаться — он был заботлив и внимателен. Когда оставался дома. Даже поход к врачу оказался для него не самым сложным мероприятием. Звонил он тоже регулярно — в основном, чтобы сказать, что задерживается.

Но он не хотел ее. Ребенка — возможно. Ее не хотел.

Это особенно остро чувствовалось после смерти матери. Может быть, именно так ощущается одиночество?

В одиночестве она спала, просыпалась, ела, дышала воздухом, жила. И ничего на свете она не ощущала так, как это одиночество. Ее одиночество было продолжением ее любви. И тоже оказывалось никому не нужно.

Пригладив расческой волосы, она отошла от зеркала к шкафу. Надеть платье. Ехать куда-нибудь. Делать хоть что-нибудь. Самое главное — надеть платье. Хоть какая-то видимость перемен.

От собственных невеселых мыслей Лизу отвлек звонок в дверь. Она вздрогнула. Подумала, что это не может быть Виктор — раньше полуночи не явится. Теперь не было и полудня. И вышла из комнаты — вниз по лестнице.

— Не беспокойтесь, Варя, я сама! — крикнула она экономке, слыша ее шаги, та кивнула и скрылась. А Лиза дернула дверную ручку.

На пороге стояла вульгарного вида девица в косухе, кожаной красной юбке, едва прикрывающей трусы, являя на всеобщее обозрение улыбки ягодиц, обтянутых колготками-сеточкой. В дешевых ботфортах на высокой платформе. Через плечо болталась вместительная сумка, а на голове красовался парик брюнетки.

Лицо ее было ярко и разноцветно разукрашено. В глаза сильнее всего бросались зеленые тени. До сегодняшнего дня ими пользовались всего однажды, для маскировки синяка под глазом. Теперь тени пригодились для другого. Для важного.

Для первого выстрела Анастасии Гориной во Виктора Закса.

— Привет, что ли, — небрежно кинула Анна и нагло прошла мимо Лизы в дом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Та ошарашенно обернулась, закрыла дверь и злорадно подумала: хотела новостей — получи.

— Девушка, а вы адресом не ошиблись? — поинтересовалась она.

— Не-а, не бойсь, — Анна бросила на нее быстрый взгляд и вернулась к рассматриванию огромного холла. Портьеры, картины, огромные напольные вазы, мебель, как из Эрмитажа. Криво усмехнувшись, она сказала: — Ты б меня куда провела, чтоб без лишних ушей.

— Услуги в вашем агентстве здесь точно не заказывали.

Анна расхохоталась.

— Ну, ок, — сказала она и расселась на обитом шелком диване. Дернула юбку, чтобы прикрыть кривой неаккуратный шов на колготках. Не получилось, она махнула рукой и весело спросила: — Я покурю? Ты не бойся, у меня электронная. Бешеные бабки отвалила, представляешь? Зато круто. И Вовка сказал не париться.

Она принялась выкладывать из сумки содержимое. Косметичка, портмоне, фаллоимитатор, мобильный, набор смазок, несколько презервативов...

Наконец, где-то на самом дне откопала сигарету и закурила.

— Так вот. Я, собственно, чего пришла-то. Вова говорит, ты его отпускать не хочешь. Типа церковь, грех, бла-бла-бла. Лажа все это. Ты же не можешь не въезжать. Вроде не дура, — Анна внимательно рассматривала лицо сестры. — Трахает он меня. И явно почаще, чем тебя. И во все дырки. Ты ж, небось, в жопу не даешь? Ты ж не извращенка, да? А мужику много-то не надо. Похрену ему на, самделе, читала ты Чехова или нет. Ему сунуть надо, в теплое и влажное. И чтобы без заморочек, но с фантазией. И тогда, когда он хочет, а не когда у тебя голова не болит. Знакомо ж, да?

Она заржала. В гнетущей тишине это звучало впечатляюще. Лиза внимательно разглядывала женщину на собственном диване, и происходящее казалось ей дурацким спектаклем. Блефом. Его любовницы домой еще не приходили. Но дело было не в том, что эта — любовница. Дело в том, что ей даже не больно. Будто оборвалось и замерло в воздухе, не долетев до асфальта.

Она медленно подошла к столу, осмотрела высыпанное на него содержимое сумки. Потом перевела взгляд на «гостью».

— Знакомо, — ответила она. — И где он тебя, такую, подобрал?

— Ну есть одно местечко на Северном.

— Давно?

— Да уж прилично.

— Супер.

Лиза села в кресло напротив барышни. Еще раз окинула ее взглядом. Потом тихо и ровно спросила:

— И сколько берешь?

Анна оживилась.

— Тебе по-родственному скидку сделаю, — и потянулась за игрушкой из сумки.

— Я занимаюсь изучением рынков с восемнадцати лет, — Лизино лицо посерело, нос как-то странно заострился, но она продолжала расслабленно рассматривать проститутку. — Системы скидок и акционные предложения — для идиотов. Сколько, спрашиваю?

На лице Анны нарисовалось глупое выражение. Она почесала за ухом, от чего парик шевельнулся, обиженно засопела и стала собирать скарб обратно в сумку. Туда же полетела и сигарета.

— Я, может, и идиотка. Но свою копеечку зарабатываю, радость людям доставляю. А такие, как ты, даже обслужить по-человечески своего же мужика не могут. Они с горя и шастают по бл*дям уличным.

— Так, может, научишь? — презрительно вытягивая губы, отчетливо проговорила Лиза. — Проведешь ликбез. Даже на практике. Заплачу.

Анна замерла и снова уставилась на Лизу. Потом кивнула и вынула из сумки мобильный.

— Ага. Ну, это мы запросто. Сейчас одному коллеге звякну, он любит, чтобы на нем тренировались.

— Чистоплотный? После него по больницам таскаться не буду?

— Сама у него выяснишь. Мне-то пофиг.

— Дура! — зло хохотнула Лиза Закс.

Следующее произошло за какие-то несколько секунд. Она пересела на диван, вцепилась ногтями в кожу косухи на плечах Анны и притянула ее к себе. Когда между их лицами оставалось несколько миллиметров, прошептала:

— Если я тебя убью, это будет актом милосердия. Иначе та же канава.

В то же мгновение опытный рот захватил губы Лизы уверенным, жестоким поцелуем, язык нагло блуждал у нее во рту, а небольшая ладонь грубо шарилась по ее груди. Тоже несколько секунд. Мучительных, гадких, приторно-сладких, как дешевые духи, от которых гудит в голове. Лиза подчинялась. Понимала, что никогда не отмоется. И не могла остановиться, сжимая в кулаках кожу пошлой черной косухи и чувствуя под ней худые плечи этой мерзкой... отвратительной... твари. Сердце выпрыгивало из груди — от ненависти, не от страсти. И она не знала, кого ненавидит: эту женщину или себя?

Анна наваливалась на Лизу всем своим телом. Губ ее не отпускала. Кусала их, скользила по ним языком, сильно втягивала в себя. Коленом раздвинула Лизины ноги, а рука ее теперь блуждала у нее под юбкой. Лиза глухо застонала... и пришла в себя. Нет, она каждую секунду понимала, что происходит. Но собой стала от звука собственного грудного голоса, вырвавшегося откуда-то из черного, удушливого — ее естества. И поняла — больше в воздухе не висит. Размазало по асфальту.

Лиза резко толкнула Анну и откатилась по дивану в сторону. Дышать было тяжело. Говорить не могла. Могла только смотреть. Не на нее — прямо перед собой. Анна усмехнулась. Все когда-то бывает впервые. Впервые чувствуешь себя униженной и испачканной. Впервые понимаешь, что вся эта грязь с тобой, в тебе, всю жизнь, каждую минуту. Навсегда. Впервые переступаешь черту. За этой чертой пропадает страх, и становится на все и всех наплевать. И это тоже навсегда.

Анна поднялась с дивана, перебросила через плечо сумку. И легким шагом, весело напевая про Тико Тико, вышла из дома.

Тот далекий день пять лет назад тоже звучал популярными ретро-мелодиями. И именно

тогда она увидела свою сестру впервые. До этого лишь несколько фотографий: Лиза на пеленке улыбается беззубым ртом, Лиза идет в первый класс, фотография на паспорт. Из всех старших детей отца Анна всегда больше всего хотела познакомиться именно с Лизой. Может, потому что ей казалось — они похожи. Внешнее сходство всегда бросалось в глаза. Может быть, ей нравилось то, что рассказывал про сестру отец. Но на все ее просьбы познакомить их Петр Михайлович всегда отвечал отказом. Потому что они не должны были соприкасаться — никогда. С любой точки зрения. Так, как Анна понимала это сейчас, пять лет назад она не могла понять.

Что это было? Кажется, какая-то вечеринка в стиле диско. Новогодняя. С мигающими шарами, отвратительно позитивным музлом и Лизой Гориной, праздновавшей в компании Виктора Закса. Они часто ходили одними и теми же тропами. Самой себе Анна напоминала блуждающую возле них волчицу. В ожидании удобного момента для нападения. Потому что лишиться жизни — это самое малое, что можно сделать. А она хотела многого. Подчас — слишком.

Там, в том клубе, был калейдоскоп. Анна осматривалась. Сидела у бара, танцевала с каким-то сильно настаивающим парнем. А потом наткнулась взглядом на Лизу. Она стояла на противоположном конце зала, обнимая за шею Виктора Закса. И целовала его враскоряку. Разве что не раздевалась здесь же. Его руки шарили по ее телу, на котором было совсем немного одежды. А потом он отлепился от нее и весело рассмеялся. Что-то прокричал ей на ухо. Махнул рукой и пошел прочь. Лиза постояла, глядя ему вслед, еще несколько мгновений. Направилась к бару.

И Анна ринулась сквозь толпу, будто в бой. Зная, что сейчас расскажет Лизе, что ее парень грохнул ее отца.

Пусть знает.

Пусть задыхается.

Пусть сходит с ума.

И это будет самое малое, что она сможет почувствовать, если узнает.

Потому что она никогда не была на ее месте. Она никогда не знала, что такое жизнь, в которой чувствуешь себя гнилью. Она никогда не ненавидела так, что ничего не жалко отдать за мгновение мести.

Она никогда не шла вот так, уверенно и спокойно, чтобы разрушить чью-то жизнь.

И Анна будто видела себя со стороны, будто шла сама к себе. До тех пор, покуда не замерла.

«Лиза, тот, кого ты любишь, убил твоего отца».

Все что угодно, пусть наговорят тебе все что угодно, но только не это.

По спине пробежал холодный пот. Пофигу на то, что тело разжарено. Она чувствовала, что ее бьет озноб. Озноб такой силы, что она не могла заставить свое тело не дрожать.

Отвратительное чувство, напоминавшее жалость, проникло ей под кожу. И это тоже был яд.

Резко развернулась на каблуках и, прихватив по дороге первого попавшегося парня, Анна снова вернулась на танцпол.

Все было кончено. Тогда это было все. И она снова стала волчицей, ждавшей своего часа.

Настал. Закономерно.

Кажется, впервые Анна не считала, сколько дней не приезжал Закс. Дни незаметно

перекали друг в друга, пока она металась по городу между университетом и клиникой и ненадолго забывалась тяжелым сном, не приносящим отдыха. А когда выныривала из мрачной круговерти, лишь удивлялась, как умудряется не заваливать сессию.

Не прошло и пары часов после ее визита к сестре, когда позвонил доктор Фурсов. Голосом, который не выражал никаких эмоций, сообщил, что Насте стало хуже. Петляя по улицам, пытаясь объехать пробки, она больше не думала о том, что было в доме Заксов. Было и было. Она в любом случае не жалела. И так слишком долго ждала, слишком часто думала сердцем. К черту всех!

К Насте ее не пустили, вместо этого Илья Петрович вручил длинный список лекарств и пачку рецептов, с которыми Анна металась по городу от аптеки к аптеке. Ночь провела в коридоре больницы на сдвинутых в ряд стульях. Днем мерила шагами коридор. Вечером до одури курила под мусорными баками. Домой уехала под утро, когда ее заверили, что кризис миновал, и девочке стало лучше. Закса не было. От этого легче дышалось.

Дом, университет, больница. Ничего лишнего, только по делу. Времени было жалко. Прозвонить в клинику в Германии. Связаться с клиникой в Израиле. Тягостное ожидание ответов. И в один и тот же день она получила «добро» из обоих мест. И вдруг поняла, что именно все это время тревожило ее недоделанностью. Документы! Как вывозить Настю?

Плевать, что скоро полночь! Пока не выгрызешь сама — никто не подаст на блюдечке.

— Ты узнал что-нибудь про документы? — спросила Анна, едва Власов взял трубку.

— Узнал, — его голос тоже не выражал никаких эмоций, но и сонным не был. — Только нам не подходит. Ты одиночка. Никто тебе опеку не даст.

— Это я и без тебя знаю, — зло ответила Анна. — Думаешь, зачем я к тебе обратилась? Помоги мне решить эту проблему. И не говори, что ты не можешь. С твоими-то связями.

— Могу. Если бы не мог, не соглашался бы помочь. Ты готова слушать, а не психовать?

Она громко выдохнула и выпалила:

— Готова!

— Про Бенкендорфа из военной прокуратуры знаешь?

— Нет, а должна?

— Нет. Но могла. Не буду вдаваться в детали. Его младший брат — оперирующий хирург. Нефролог. Одна загвоздка. Пятнадцать лет живет в Израиле. Но стабильно ездит оперировать в Россию. Цена вопроса — семьдесят штук.

— Я поняла. Как с ним связаться?

— Сброшу в аське его контакты. Я взял на себя смелость ввести его в курс дела. Так что он предупрежден о тебе.

— Спасибо, Леш. Ты прости, что я так поздно, — сказала она устало.

— Ничего. Я собирался звонить тебе с утра. Ты деньги такие где брать собралась, а?

— Мне обещали помочь, — навела тумана Анна. — Еще раз спасибо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Анют, — отозвался Леша и отключился.

Теперь в ее маршруте появились новые пункты: банки. Надо было найти такой, где дадут больше и быстрее. Она металась, как бешеная белка в чертовом колесе, из которого не видела выхода. К вечеру мечтала об одном: упасть в кровать. И спать, спать, спать...

— Нашла, где дрыхнуть, — услышала Анна ворчливый голос.

Вздрыгнула и раскрыла глаза. Мясистая рука толстой кондукторши крепко вцепилась в ее плечо и резко трясла, как ореховое дерево.

— Выхожу, выхожу.

От конечной до клиники возвращаться обратно три остановки. Только бы Фурсов не ушел.

Но доктор был на месте, хотя и без халата, но в верхней одежде.

— Ну что? — спросил он ее, даже не поприветствовав толком.

— Я нашла врача, — стараясь унять дыхание после быстрой ходьбы, ответила Анна. — Константин Христофорович Бенкендорф. Мне сказали, он очень хороший специалист в этой области и будет в Питере в марте. Но для этого я должна перечислить ему деньги до конца месяца. Я боюсь, не успею. Тогда он приедет только в конце мая... Черт, я знаю, это не ваши проблемы, — она устало потерла лоб.

— Не мои, — согласился доктор. — Кофе хотите?

— Да, — согласно кивнула она.

Фурсов подошел к тумбочке, на которой стоял электрочайник и щелкнул кнопку. Вынул из шкафа две чашки и спокойно сказал:

— У меня только растворимый.

— Неважно, — Анна присела на стул, скинула куртку. — Илья Петрович, вы, случайно, не знаете Бенкендорфа? Я поняла, что он давно уехал из страны.

— Знаю. Его в наших кругах многие знают — светило. Правда, с чужих берегов, — он замолчал. Достал сахарницу, поставил на стол, параллельно отодвигая в сторону кипу бумаг. Туда же определил чашки. Всыпал кофе. Прodelывал все деловито и с холодноватой отстраненностью. На него это было больше похоже, чем дальнейшие слова: — Май нам не подходит, Анна Петровна.

— Почему? — голос был тихим, а лицо девушки совсем серым.

— Я вас пугать не хочу, и обнадежить мне вас нечем. Донора нет. Детей до года у нас не оперируют, потому что вес не позволяет. Развиваться нормально она не может, потому что почки не справляются. Замкнутый круг. Бенкендорф такое делает. Он вообще чудеса творит, — чайник закипел и на некоторое время Фурсов замолчал. Налил в чашки кипяток. И, наконец, добавил: — Обычно донорами становятся родители или родственники, чтобы не ждать и не нести дополнительные расходы. Обращаться к госпоже Веревкиной, я полагаю, смысла нет?

— Нет, — еле слышно прошелестела Анна.

— Ясно. Еще 90-100 тысяч.

Повисла пауза, длинная и мучительная.

— Почему май нам не подходит? — настойчиво повторила Анна вопрос.

— Левая почка в данный момент не работает совсем. Правая отказывает. На диализе она может протянуть какое-то время, но... Врача, у которого Веревкина наблюдалась во время беременности, пришить мало. Либо ее, если она не «наблюдалась». Простите...

— Я буду искать деньги, — мрачно сказала Анна и поднялась. — Спасибо за кофе.

— Вы же не выпили.

— Да, простите. Но все равно спасибо. Можно заглянуть к Насте?

— Можно. Я санитарок предупредил, чтобы вас в любое время пускали. Сейчас ей чуточку лучше.

Анна ушла. Пробыла некоторое время в палате, поговорила о какой-то ерунде с медсестрой.

Долго добиралась домой, автобусы как сквозь землю провалились. Автомобиль,

подаренный Заксом, был на экспертизе по условиям залога. Ее собственный — стоял под домом.

Заложить и его? Что еще можно? Кому нужно? За-чем?

Продрогшая, голодная, озабоченная тем, где достать недостающую сумму денег, Анна зашла в квартиру и закашлялась от табачного дыма.

— Совсем охренел? — спросила она Закса, возникнув из сизых клубов на пороге кухни.

— Совсем, — отозвался Виктор. Голос был совсем как этот дым — какой-то тягучий, ползущий, нечеткий. Язык ворочался вяло и невнятно. — Где была?

— Гуляла, — она устало села напротив него, вытащила из пачки сигарету и кивнула на бутылку виски. — И мне налей.

Закс с готовностью потянулся по столу, едва не смахнув стакан на пол. Он совсем не походил на себя. Взъерошенный, помятый, неряшливый при том, что одет был с иголочки, как обычно. Хуже всего было лицо. Из него ушла всякая резкость и четкость черт, отчего он казался старше, чем был, лет на десять. В конце концов, до бутылки он все-таки дотянулся. Стакан с соседнего стола не без труда, но поставил. И сказал:

— Я у тебя поживу?

— Тебя жена из дома выгнала? — громко, зло рассмеялась Анна. Одним махом выпила виски и крупно вздрогнула всем телом. — Так здесь тебе не гостиница.

— Здесь не гостиница, — повторил Закс, мотнув головой. — Здесь притон. В котором я буду жить, сколько мне надо.

— Это моя квартира, если ты забыл. И я могу с ней делать, что захочу. Даже продать.

— Ты? — хохотнул Виктор. — Ты моооожешь. Ты много чего можешь... А я нихрена не могу. Я импотент, понимаешь? Полный. Во всем, кроме секса. Доказать?

— Что именно? Что ты импотент? Или обратное?

Он молчал, некоторое время глядя куда-то мимо нее. Кажется, он совершенно не понимал того, что говорила она, и того, что говорил сам. Если бы в этот момент его спросили, как он оказался в ее квартире, скорее всего, ответил бы, что не помнит. Он нашел себя за этим ее столом и с виски из ее бара.

— Лиза подала на развод в прошлый вторник, — наконец, прозвучало на кухне.

— А ты типа расстроен, — ухмыльнулась Анна и налила себе еще виски. — Ну поваляйся в ногах, может, вернется.

— Тебе бы лучше тоже от меня свалить, — он подставил свой полупустой стакан для добавки. — Я же и тебя уничтожу, в конце концов. Если, конечно, есть еще что уничтожить.

— Да мне пофигу! — она толкнула к нему бутылку.

Он взял ее и глотнул прямо из горла. Отставил на стол и выдал:

— Научишь?

— Педагогика — не мое призвание.

— Ну да... У тебя другое, мать твою, призвание. Там ты справляешься.

— Справляюсь! — гордо заявила Анна, поднялась и в двери обернулась. — Не подожги квартиру.

Он вскинулся и замер, в ужасе глядя на нее. Ему было больно. Так глядят только больные.

— Поздно поджигать, — хрипло ответил он. — Она сделала аборт. Вчера. Мне утром Соня сказала.

Анна остановилась. Глаза ее не выражали ничего, но стали слишком яркими, слишком

синими, словно загорелись изнутри.

«Я не хотела!» — было первым, что мелькнуло ее в голове. Но уже через минуту она поняла, что даже не рассчитывала на такую удачу.

Ай да сестренка, ай да молодец!

Таким, как они, нельзя размножаться. Таким, как они, из рождения — сразу в ящик. Иначе даже воздух вокруг пропитывается гнилью.

— Твоя жена дура! Ребенок-то при чем?

— Он тоже Закс.

— Ну да, — безразлично протянула Анна и ушла с кухни.

Глава 12. Северная

Три недели спустя

Анна еще спала. Некоторое время он внимательно смотрел на ее лицо, лишенное косметики. Обычное лицо. Таких Ань-Мань-Дунь-Глаш на свете дохрена и больше. Он вцепился в эту. Не отодрать. Пробовал — получалось херово.

Закс протянул руку и убрал волосы с ее лба. Озадаченно нахмурился. Мнимая незащитность спящей женщины его не трогала. Нет, он просто пытался понять, откуда берется в нем первобытный мужчина, который видит эту конкретную самку, едва она появляется на горизонте, и больше уже не замечает ничего. Гадское чувство. Отступает его вина, отступает его боль, отступают его кошмары. Отступает прошлая жизнь. И он уже — как бы не он, а существо без мыслей и чувств. Все, что он может, это идти на поводу единственного инстинкта. Это как травля. Только здесь он не убивал.

Виктор коротко усмехнулся и поцеловал ее плечо. Она не проснулась. Запустил руку под одеяло, провел ладонью по ее груди, по животу, ниже, устремился к бедрам, скользнул меж ними. Нашел теплое, мягкое, чуть влажное и липкое — ночью в душ ее так и не отпустил, продолжая ласкать податливое тело даже после окончания акта. Пока, в конце концов, не уснули оба. Раздвинул складки, прикоснулся к клитору. Чуть дернул его и, вдавливая, стал массировать круговыми движениями, чувствуя, как сам заводится от того, какая она теплая внутри. Не открывая глаз, Анна слабо улыбнулась. Повела бедрами, раскрываясь шире для его руки, и стала лениво водить ногтями по его спине. Дыхание ее было сонным, тихим и ровным. Он, внимательно наблюдая за ней, двинулся пальцами глубже, коснулся влагалища. Никогда не думал, что у него так сильно развито обоняние. Он чувствовал все. Остаточный аромат ее духов, какими она пользовалась накануне, неуловимый запах ее кожи, вдыхаемый им, когда он скользил губами по ее груди — почти фимиам. Терпковатый запах, исходивший от паха. Просунул палец в нее. Тот легко скользнул внутрь. И стал двигать ладонью — вперед и назад — теперь уже ожидая ее реакции. Она глухо выдохнула. Подалась к его руке, толкнулась в нее и распахнула глаза, встретившись с его взглядом — сейчас темно-серым. У него всегда менялись глаза, когда их затапливало желание. И ее они тянули за собой — в это темно-серое, непроглядное.

Виктор перекатился на нее и навис над ее телом, продолжая двигать рукой между бедер. Влажные пальцы касались кожи, скользили ниже, пока не добрались до ануса. Усмехнулся, чувствуя, как она рефлекторно сжалась. И теперь ласкал ее там.

Анна снова прикрыла глаза, расслабилась и принимала его ласки. Улыбка ее становилась довольнее с каждым движением его пальцев, и губы раскрывались от тихих коротких стонов. Обхватила его шею руками, приподнялась к нему, крепко прижалась всем телом. Грудью, животом, сплелась ногами. Нашла своими губами его. Нежно провела по ним языком. И, резко оттолкнув от себя, быстро оказалась сверху. Влажными поцелуями двигалась вниз, рисовала языком невидимые узоры, кусала кожу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перемещалась вдоль него, пока не достигла губами паха и внутренней стороны бедер.

— Слушай, а у него имя есть? — спросила она с улыбкой и поцеловала толстую, мощно пульсирующую вену члена, крепко прижавшись тренированным ртом умелой шлюхи. Сходя

с ума от того, что чувствовала, как сильно бьется в ее губы его кровь. И твердеет набухающий желанием член.

Крепко ухватила его у основания рукой, подняла голову, чтобы видеть лицо Виктора, захватила губами. Упирала его себе в щеку, дразнила языком, вынимала, плотно соскальзывая губами, от чего раздавался громкий звук, бьющий в уши, ласкала рукой и снова выпускала его глубоко в свой рот. Не отрываясь, смотрела Заксу в глаза и приходила в экстаз от солоноватого вкуса его плоти.

Неожиданно крупно вздрогнула и отпустила. Рванулась к лицу. Дико, зло поцеловала и откинулась на подушку. Выдохнуть не успела — Виктор перекатился на нее, накрыл собой и вошел в нее быстрым скользящим движением. Меньше минуты. Меньше минуты, и он присоединился к ее экстазу, чувствуя, как все внутри колотится оргазмом. Теряя разум, вцепился в ее губы своими. И только потом понял, что видит перед собой только ее синие, будто бы осеннее небо, глаза. И больше ничего. Ничего на свете.

— Аня, — прошептал он. И поцеловал теперь уже мягко, неторопливо теплый красный рот. Она молчала, не шевелилась, равнодушно смотрела на него. Будто ее выключили. С ней это часто случалось. Почти всегда. Днем она никогда не была такой, какой бывала ночью. За три недели он успел это усвоить.

Три недели.

Оставшись у нее в тот памятный день, когда его семейная жизнь окончательно развалилась, так вышло, что он остался у нее насовсем, привычно теперь возвращаясь после работы в квартиру, купленную им для проститутки, которая тоже принадлежала ему. И жизнь оказалась сотканной из переплетения реальности и сексуального помешательства. Когда он и сам выключался — и не помнил ни прощальных слов Лизы, сообщившей ему, что он — дерьмо, а она дерьмом быть не хочет; ни того, что она убила их ребенка — а в действительности его убил он сам, почти собственными руками. Калеча мать — ребенка не щадишь. И пофигу, что Лиза едва ли понимает, что уже и сама стала дерьмом. Ни того, что ему в спину ухмылялись даже собственные подчиненные — живет со шлюхой. Все так живут — он попался.

И все-таки остановиться и уйти не мог. Ненавидя себя не за то, что хочет ее. А за то, что другим об этом известно. И сходя с ума от чувства вины и похоти. Адский коктейль, гремучая смесь.

— Уже восемь, — потянувшись и взглянув на часы на тумбочке, сообщил Закс.

Губы Анны скривились в усмешке.

— Ладно, — протянул он. — Тебе кофе варить?

— Нет.

— Как хочешь, — пожал он плечами и встал. — Позавтракаю в офисе.

В офисе он не завтракал. Не имел такой привычки. Более того, Виктор вообще не собирался ехать на работу. Анна заложила купленный им автомобиль. Идиотизм. Он это знал. Сняла кредитный лимит с карты. Это он тоже знал. И это тоже было похоже на идиотизм. И он был абсолютной тварью, устроив за ней слежку. Травля всегда хорошо ему удавалась. Особенно до той поры, пока жертва еще не успевала о ней догадаться.

Закс сидел в машине за углом дома, ожидая того, что будет дальше.

Не прошло и часа, как со двора вырвался автомобиль Анны и двинулся в сторону юго-восточной границы города. Она гнала, нагло подрезая и уверенно вдалбливаясь в сплошной транспортный поток. Резко тормозила только на красный, игнорируя желтый цвет. Пока не

влетела на парковку торгового центра. Выскочила из машины, покрутила головой и достала телефон. Потом помахала рукой через ряд автомобилей и почти бегом бросилась в том направлении.

Закс, вырвавшийся на эту же парковку, остановился с другого конца, откуда, впрочем, прекрасно было видно происходившее. Из красного кабриолета ей навстречу вышла «наставница», чье лицо он запомнил слишком хорошо, чтобы не понимать, кто это. Дебильная мысль о том, для каких целей Анна может обратиться к бывшей сутенерше, пришла в голову моментально. И совсем не потому, что он всерьез продолжал считать, что она спит со всеми подряд из любви к искусству. А именно потому, что все-таки для чего-то же она заложила машину! Подработать решила?

Было у него время об этом думать? Нет, не было. Будь это одна из баб, с которыми он изредка уходил в загул — не было. Но это Анна...

Усмехнулся. Вгляделся в две женские фигурки. «Наставница» расцеловала Анну в обе щеки и что-то сказала. Анна улыбнулась и что-то ответила. А после две женщины скрылись за дверью магазина.

Идти туда за ними он не стал — зачем? Остался сидеть в машине. Некоторые дни подчас складываются феноменально последовательно и именно так, как надо. Даже через годы понимаешь — все случилось, как должно было случиться. И похрен, если от этого развалились жизни кучи людей вокруг. Так или иначе, мы затрагиваем тех, кто нам близок. Близкие — тех, кто близок им. И так выходит, что каждый — вроде струны, отдающей звуком в пространстве. И каждый звучит, звучит, звучит, растворяясь, рассеиваясь, пока однажды не смолкнет навсегда.

Его — пока не смолкла.

Десять лет назад. Что было десять лет назад?

Закса-старшего застрелили на охоте. Менты определили только, из чего стреляли. Кто стрелял — даже не пытались. В разборки авторитетов они не лезли. После похорон Веру Закс хватил удар, с которым ее некрепкий организм не справился. Остаться сиротой, когда тебе шестнадцать, или остаться сиротой, когда тебе двадцать шесть. Говорят, есть разница. Закс не уловил. Наверное, потому что не помнил себя шестнадцатилетним. Все, что он теперь помнил — отца убили за чугунолитейный. Наводку дали те же менты. Негласно. Был у него там человек, который иногда выдавал дозированную информацию. Цунами проверил. Цунами — правая рука Ивана Закса. Тот, кто справлялся с грязью, к которой не допускали Виктора. Его тоже эта история прикончила. Но тогда он еще рыпался, проверял, носился по городу.

— Я Горину визитку оставил, — сказал он однажды, ввалившись в кабинет.

— Совсем делать нех*й?

— А иначе не интересно. Он даже знать не будет, что я на него охочусь. За ним сейчас по городу машинка кружит. Ник вырывает. Пусть пощекочет деду нервы.

— И что это даст? Он усилит охрану.

— Ну пусть усилит. Пох*й на его охрану. Эта пададь кровью захлебнется. И не только своей.

В ту минуту, когда Закс медленно кивал болтавшему Цунами, он еще не знал, что кровью — и чужой, и своей — захлебнется только он. Это была его война.

О том, что Горин попался на покупке билета в Лондон, стало известно на следующий день. Билет был один. Свою семью, по всей видимости, он вывозить не собирался. Но Заксу

было глубоко плевать на его семью. Единственный, кто еще был ему нужен — это Петр Михайлович. Остальное его не интересовало. В то время он не знал себя, не ощущал себя, не был собой. И в то же время впоследствии задумывался — а может, именно тогда он и был настоящим? Каким не был ни минуты всей предыдущей жизни? Может потому и не важна стала вся предыдущая жизнь, если ради одной минуты возмездия он готов был пожертвовать всем на свете?

Летний день был ярким. Настолько, что когда Виктор ехал на заднем сидении автомобиля в Репино, в нескольких километрах от которого Горин отстроил дачу, он не знал, куда деть глаза. Било в лицо, заставляло пылать кожу. Солнце ли? Может быть, что-то другое? Может быть, предчувствие? Это ему не суждено было узнать.

Машина Петра Михайловича оказалась под домом — где еще ей быть? Цунами говорил, что старик сорвался с работы в аэропорт, а оттуда за шмотками. Черт его знает, что он прятал на той даче. Дом стоял на отшибе, скрытый полосой леса, из поселка его видно не было. Это значительно облегчало дело.

Закс вышел из машины. Навстречу им высыпала охрана Горина. Их было немного. Заксовских оказалось больше, но это было предусмотрено. Петр Михайлович всего лишь озаботился тем, как скорее сбежать. Закс готовился давить его до последнего.

— Горина позовите! — потребовал он.

— На хрена он тебе сдался? — отозвался Пика. Пика — уже лет пять личный телохранитель Горина. А до этого — просто близкий друг Гориных-Заксов. Пика учил его стрелять. Пика впервые отвел его на спортивную стрельбу. Пика отбирал мужиков в их охрану. И наверняка Пика организовывал убийство Ивана Закса.

— Позови, говорю, — тяжелым голосом потребовал Виктор, чувствуя, как по спине пробегает холодок от одной мысли, что сейчас все будет кончено.

— Петр Михайлович занят, просил не беспокоить.

— А ты скажи, что Виктор Закс заехал. Отца помянуть. Выйдет обязательно.

— Хрен тебе!

— По-хорошему не хотим?

По-плохому Пика ждать не стал. Он открыл стрельбу. Он выстрелил первым — нет, не во Виктора. Рядом. Вторым — Цунами. И только тогда Закс схватился за пистолет.

Это оказалось делом нескольких секунд. Этих секунд он не помнил тоже. Они не держались в его памяти. Потери считали уже потом. В следующий раз он нашел себя уже в доме, в гостиной. Пацаны рассыпались по первому этажу. Кто-то ринулся на второй. И только навстречу им вылетел Горин.

Что они орали тогда — он не помнил. Отпечаталось только последнее. Это будет с ним до самого конца жизни.

— Надо было и тебя, гаденьша, порешить.

— Спасибо за честность. Передавайте папе привет.

Вот тогда перед глазами пронеслось все. Вся жизнь. Как говорят, перед смертью. Только смерть была не его. Всего несколько секунд, и пути назад не было. Он ненавидел. Ненависть уничтожила все вокруг. Честно и справедливо. За ненависть цена выше, чем за любовь. Хотя и любовь — удовольствие недешевое.

Закс отвлекся. Потянулся к сигаретам и передумал. Оказалось, вовремя.

Из торгового центра Анна вышла одна. Времени было потрачено достаточно для чего угодно. Она по-прежнему бегом добралась до машины, прыгнула в нее и теперь мчалась по

окраинным улицам еще быстрее, чем раньше. И все равно дорога на другой конец города оказалась долгой.

Здание, у которого она припарковалась, было зданием больницы. День переставал быть томным. На сей раз Закс, ведомый чем-то, что сам не смог бы назвать, вышел и направился за ней следом. В холле ее потерял. Нахрена он это все делает, не понимал и даже не пытался понять. Он давно перестал понимать себя. Три недели странного существования, в котором были изнуряющая работа, ненормированное количество секса и нежелание вспоминать, что он натворил. Потому что если бы вспомнил — шаг к помешательству был бы сделан. Лучше забивать дни охотой. Хотя он и ненавидел охоту.

Подошел к регистратуре. Вынул из кармана банкноту, сунул в паспорт — ничего лучше не нашлось сходу. Склонился к окошку, за которым сидела молоденькая регистраторша. И протянул его ей. Через две минуты он уже знал, кого именно навещает в клинике госпожа Протасова. Равно как и имя лечащего врача.

Дальнейшее было механически. Он вышел на улицу. Зашел за угол, чтобы дожидаться, когда покажется Анна. И медленно закурил, переваривая полученную за день информацию.

Она вышла. Через бесконечно долгое время. Больше не бежала, медленно переставляла ноги по ступенькам, добрела до машины и целую вечность сидела, опустив голову на руки, вцепившиеся в руль. Потом все же завела мотор и уехала с больничного двора.

Теперь уже Закс следом не бросался. Несколько бесконечных мгновений смотрел ей вслед, точно зная, что она поехала домой. Откуда такая уверенность — плевать. Чувствовал только, как что-то неясное сдавливает виски. Сжимает, вызывая тупую боль, от которой хоть волком вой. И все же вопросов было больше, чем ответов.

Настя Северная. Дурацкая фамилия. Такая же дурацкая, как имя Северина. Анна для него Севериной больше не была.

Он поднялся по лестнице на второй этаж. Прошел по коридору. Остановился перед дверью с табличкой «И. П. Фурсов, хирург». И, не стуча, вошел.

Глава 13. «ZG Capital Group»

Несколько мгновений он стоял, сжимая в руках мобильный, и смотрел прямо перед собой — на стену напротив, где алым пятном маячила входная дверь. За каким чертом он когда-то согласился на этот цвет. Похоже на крышку дешевого гроба. Где были его глаза? Андрей трубку не брал. Он вообще больше не реагировал. После ухода Лизы они не общались лично, но только через юристов. Теперь по-настоящему — это реальность.

Тогда, несколько недель назад, сразу после звонка Сони, Виктор ломанулся к жене. Пытался поговорить. На единственный вопрос зачем, вырвавшийся у него как будто последняя надежда на индульгенцию, она ответила: «Сейчас это кусок мяса. Потом будет человек. Часть тебя и меня. Ты не видишь, что это невозможно?»

Значит, она видела. Видела то же, что и он. Даже если не брать в расчет измену, послужившую причиной развода. Это было в клинике. В vip-палате. Ее оставили там, под наблюдением врачей. А он медленно горел, оказавшись один на один с каким-то высшим возмездием. Закс был фаталистом. Но никогда не мыслил подобными категориями.

Последующие недели были заняты попытками договориться с юристами Горина относительно его доли в «ZG Capital Group».

Результат превзошел все ожидания.

На столе перед Заксом валялось извещение из суда. Горину мало было всего случившегося. Он намерен был устроить показательный раздел, что вполне ему по зубам.

Виктор плеснул виски в стакан и проглотил его, не чувствуя вкуса. Передернуло. И все из-за гребанных тридцати процентов, на которые никто из Гориных не имел права. Кто угодно имел, но не Горины. Проще потратить их на шлюху. Виктор хохотнул и налил еще виски. К-н-и-г-о-л-ю-б.н-е-т

В течение следующего часа он занимался тем, что рылся в сейфе, перебирал бумаги, что-то решительно рвал, остальное убирал в папку. Ничего особенного. Были еще файлы на ноуте, которые следовало подчистить. Гребанные тридцать процентов, выведенные из оборота через благотворительный фонд Виктора Закса «Надежда» и не выплаченные дивидендами. Это было охренительно выгодно. И почти легально, если не считать того, что после того, как средства поступали в «Надежду», тут же переводились на счета «мертвых душ» в банке Ольховских Горин мог сколько угодно искать концы. И не знал, что «мертвые души» у него под носом. Вплоть до пионерского лагеря, в котором они отдыхали детьми. Развалившийся в труху, но чей директор получил свои номинальные сто пятьдесят штук за услугу.

После обеда Закс сгонял в «Надежду», там тоже было, что забирать.

И только потом отправился домой с приличным фолиантом. Это было еще не все. Но даже с этим — было за что его урыть.

Не боялся до дикости. Понимал, что фанфары в финале неизбежны. Может быть, даже хотел этих фанфар, но и останавливаться было не в его правилах. Если играть, то до конца.

Когда открывал дверь своим ключом, почти не помнил, как ехал. Провалы в памяти. Тогда, десять лет назад, он тоже не помнил себя.

Телевизор орал на всю катушку. Судя по звукам, шел какой-то боевик. Непрерывающиеся звуки пушечных выстрелов и редкие вопли, смутно похожие на

человеческие, встретили Закса, едва он переступил порог квартиры.

Он криво усмехнулся. Снял пальто. Стащил ботинки. Бросил папку на тумбочку. И прошел в гостиную.

— Что у тебя? Рембо? — поинтересовался он.

— Стреляют, — раздалось с дивана.

— Ясно.

Прошел к бару. Достал бутылку коньяка и хрипло рассмеялся:

— Андрюша в суд подал.

Ноги, которыми Анна до этого болтала в воздухе, лежа на животе, застыли на мгновение, она уменьшила звук и спросила:

— И что?

— Горин собрался делить компанию через суд, — четко, почти по слогам, сообщил Виктор. Откупорил бутылку и вернулся к бару — за стаканом. — Будешь?

— Не-а, — ноги снова задвигались. — Хрень все это. Отмажешься!

— Отмажусь. Ань... Это Андрей Горин... Мы с ним сейчас просто размажем друг друга по стенке, как... Ааа... к черту.

Он налил коньяк и быстро выпил. Алкоголь в этот день не спасал. Он отдавал себе отчет в том, что пьян. Но останавливаться не собирался.

— Да забей! Спать с горя пойдешь или... — она повернулась на бок и подперла голову рукой. — У меня тут и другая киношка есть. Для настроения.

— Для настроения... — медленно повторил Виктор. — Да пусть стреляют. У всех своя охота.

— Какая у тебя сейчас охота? — рассмеялась Анна.

— Я в роли добычи. Ты говорила, была когда-то. Дашь совет, как уцелеть?

— В другой раз как-нибудь.

— Жаль. Мне сейчас пригодилось бы, — заржал Закс и медленно вышел из гостиной с бутылкой. Направился в сторону кухни. Шаг и теперь уже был нетвердым, но в том, что через час он будет валяться в пьяном забытьи, Закс не сомневался.

А еще через два часа Анна, прислушиваясь к ровному храпу, раздающемуся из спальни, сканировала документы из папки, брошенной на тумбочке в прихожей. Сначала долго читала их, не веря своим глазам. Потом переваривала информацию — неожиданно живо, чувствуя дикий азарт от того, что теперь стало ей известно. На той же волне возбуждения и азарта в ее голове приобрел четкие очертания последующий план действий.

Утром она держала в руках два пакета копий. Один отправила Андрею Горину срочной курьерской почтой. А второй лично повезла Власову. Лично — потому что это и было личным.

Смешно. Все повторяется. Набив основательные шишки, возвращаешься к истокам.

Когда это было? Года два назад? Кажется, так... Месяц и год пришлось вспоминать. Разговор она помнила в деталях.

— Не бывает такого, чтобы не воровали, — говорила Анна, сидя напротив него в небольшом кафе недалеко от его «конторы». — Друг у друга, у государства. Ну какая разница? Если хорошо копнуть, обязательно что-нибудь нароют.

Этот разговор произошел через несколько месяцев после того, как она встретила Власова в аудитории университета. Пару раз они вместе обедали. Он не ухаживал за ней. Просто снова оказался рядом. Не спрашивал, откуда у нее брендовые шмотки, автомобиль,

деньги на машину. Делал вид, что не замечает этого. Она же ловила себя на идиотской мысли, что может просить его. И знала точно, что он поможет.

— Воруют все, — согласился Власов и отпил кофе. — Но, во-первых, экономические преступления — это не моя специфика. Во-вторых, тебе-то какое дело, а?

— Допустим, этот человек мне должен, — мрачно ответила Анна.

— Что? Много должен?

— Три жизни.

Леша замер на месте, как был — глядя в упор на нее, с чашкой в руке. Теперь в его взгляде читалось прошедшее — он, чуть не сбивший девочку на дороге. И девочка со следами спермы на обожженных ногах. Это было так явно, что ей казалось, она сама все это видит в ту минуту. Его глазами.

— Репино, — медленно проговорил Власов. — Восемь лет тому назад.

— Репино, — четко повторила Анна. — Восемь лет тому назад.

Он растерянно потер лоб, но взгляда от нее не отводил. О! Анна знала, кого он видит перед собой! Красивую успешную женщину в броской дорогой одежде. Ухоженную, будто только что из салона. И он ничего про нее не знает. Вместе с тем зная о ней то, что никому на земле знать не полагалось.

— Значит, это Виктор Закс тогда был?

Она кивнула.

— Я в курсе, что ты не занимаешься такими делами, — заговорила снова и усмехнулась. — Но ты же знаешь, по какому телефону позвонить и что сказать.

— Знаю, Аня... Тебе это точно надо?

— Да! — выдохнула она.

— Хорошо, — пробормотал он, — хорошо... Я придумаю что-нибудь... Его потрусят, проверку проведут, прочешут, что можно... Только ты учти — это еще ничего не гарантирует.

— Ну вдруг...

Он снова помолчал некоторое время. И выпалил:

— «ZG Capital Group» — это еще и твой брат.

У нее не было брата. Анна Протасова — сирота. Это единственное, что оставалось важно.

Но еще важнее оказалось то, что проверка ничего не дала, за исключением выявления незначительных нарушений. И корпорация Закса отделалась минимальными штрафами.

Сокрушило это только ее. В который по счету раз? Но Анна всегда отличалась упрямством, даже когда носила другое имя.

Сегодня в ее руках была настоящая бомба. И даже не замедленного действия.

— Вот! — бросила она папку перед Власовым, ворвавшись в кабинет. — То, чего не хватало в прошлый раз.

Глава 14. Сдохну

Маршрутом, которым могла проехать даже с закрытыми глазами, Анна ехала в больницу. Зачем — уже и сама не знала. Ничего нового ей сказать не могли. И у нее не было ничего, что давало бы хоть какую-то надежду. Денег не хватало. И Анна с ужасом представляла, чем это обернется через несколько месяцев. Она сделала все, что могла. Даже попросила у Калининой, которая, к огромному удивлению Анны, снова ей одолжила. Правда, сейчас под приличные проценты.

Это было странно, считать Ольгу благодетельницей. Но девять лет назад именно она оплатила Анне пластику. После пожара на ноге у нее остался сильный ожог. Каждый раз, когда она смотрела на него, вспоминала... Вспоминала и не могла остановиться, будто все начиналось сначала. Она чувствовала руки на своих запястьях, не позволявшие ей вырваться, на щиколотках, когда раздвигали шире ноги, на лице, когда держали подбородок. И скользкие члены, вторгающиеся в нее.

Тогда она готова была подписаться на что угодно, только чтобы избавиться от шрамов на теле. И только позже поняла: какую бы ни сделала она операцию, душа ее навсегда останется одним большим шрамом.

Но Анна получила свою выгоду. Больше ей никогда не бывало больно. Даже от редких теперь воспоминаний.

Она проторчала в больнице несколько часов, но к девочке зайти так и не смогла. Будто было стыдно смотреть на нее, зная, что не в силах ей помочь. Впрочем, стыдно теперь Анне тоже не бывало.

В сумерках она медленно плелась в веренице машин, когда на глаза попался ресторан. Анна свернула на парковку, разделась в гардеробе и уселась за столик в углу. Заказала водки и блинов и принялась методично вливать в себя алкоголь.

Водка не избавляла от мыслей, в которых теперь прочно обосновался Закс. Так же, как обосновался в ее квартире. И временами она ловила себя на дикой мысли — впервые в жизни она жила с мужчиной. Делила с ним постель, еду, ванную. И чувствовала, что привыкает к нему. Привыкает, как к домашнему животному. Ненавидела себя за это. И Закса ненавидела еще сильнее.

Проще быть просто женщиной, пьющей в углу зала в светлых тонах, сияющего золочеными рамами картин на стенах. Чтобы даже имени не было. Чтобы ничего не было.

От барной стойки отлепился такой же безымянный мужчина. Вполне себе образчик полноценного самца. Высокий, темноволосый, с лицом, которого она могла не запоминать. Это было ни к чему. Просто человек в костюме темно-синего цвета — с пенисом пока невыясненного размера.

Он подошел к ее столику с широкой улыбкой и негромко спросил:

— Может, лучше коктейль?

— Может быть, — Северина привычно улыбнулась манящей улыбкой.

— И что предпочитаете?

— Чтобы жестко.

Его бровь чуть заметно дернулась, он, не спрашивая, отодвинул стул и сел за ее столик. После поздравил официанта.

— Хэдхантер у вас делают? — поинтересовался он с ленивой улыбкой.

— Организуем, — сдержанно кивнул головой официант.

— А вы наглец, — усмехнулась она и облизала губы, прижимая их зубами.

— Это не самая худшая черта моего характера, — многозначительно ответил он. — Не будь я наглецом, позволил бы красивой женщине и дальше глушить горькую в одиночестве. А это не самое веселое зрелище.

— Что вас может развеселить?

— Общество красивой женщины.

— Умело льстите. Но мне нравится.

Северина подняла бокал, который поставил перед ней официант, лизнула толстый край и в несколько глотков выпила содержимое.

— Значит, вам нравится умелая лесть и когда жестко. Что еще?

Она издала хриплый горловой звук.

— Сзади.

— Идеально, — рассмеялся мужчина. — Оказывается, встречаются в мире идеалы...

Он договорить не успел. В ее сумке веселой мелодией зазвонил мобильный. Незнакомец махнул рукой в знак того, что скажет позже.

Она скривилась, взглянув на экран телефона.

— Что? — устало проговорила в трубку.

— Уже почти восемь, ты где?

— В ресторане, а что?

— Я рассчитывал найти тебя сегодня дома. Не в переднике у плиты, конечно, но дома.

— Ну трахнешь попозже, если не нажрешься, — проговорила она негромко.

На несколько секунд он завис. Молчание в трубке было странным. Потом его сердитый голос «вежливо» сообщил:

— Мало удовольствия трахать пьяную бабу. Так где ты?

— В центре. Помнишь, ты меня сюда водил?

— «Монмартр»?

— Приезжай, — выдохнула Анна. — Лучше поскорее.

— Не вздумай никуда свалить! — рявкнул в трубку Виктор и отключился. Не мешкая больше ни минуты, ломанулся вон из квартиры, на ходу застегивая так и не снятое пальто.

Вызвал лифт. Тот где-то наверху жалобно загудел и смолк. Психанул, сбежал по лестнице вниз. Запрыгнул в машину. Повернул ключ и двинулся с места. Удачное завершение дня, что тут скажешь — забирать бухую шляпу из французского ресторана.

Все не складывалось. Все шло не так, как надо. С утра ломанулся за город, отвез документы «Надежды» на старую отцову дачу. Дебилизм — хранить вещдоки на месте преступления. Когда несколько лет назад «ZG Capital Group» трусили на предмет укрытия от налогов и прочей незаконной деятельности, никакой «Надежды» еще в помине не было. Тогда схема была другая. Потом Алекс придумал благотворительный фонд.

«Проведем через наш «OLInvest» — и тебе проще, чем искать что-то, и мне выгодно».

За несколько лет оказалось, что это удобно. Удобно, выгодно. И непросто выявить.

Проезжая по трассе Репино, невольно вздрогнул. Их дача была дальше километров на двадцать. Тогда, в девяносто... каком? Шестом? Седьмом? Седьмом... Они охотились с отцом вместе. Он ушел на несколько километров вперед. И даже на выстрел внимания не обратил. Мужики стреляли уток. Здесь часто охотились. Потом оказалось, что уткой был его

отец.

Проехав знакомые с юности места, подъехал к дому. Документы оставил под лестницей, где хранили инструменты. Обернувшись, двинулся в офис, где все жужжало привычным ульем, в котором если кто из среднего звена и подозревал о надвигающейся буре, то не давал это понять.

А вечером обнаружил, что Анны нет дома. Следить за ней он больше не собирался. Получив интересовавшую его информацию, не лез туда, куда она его не пускала. Единственное — выяснил, в каком детском доме она воспитывалась. Черт его знает, зачем ему это было нужно. Оказалось, Аня Протасова попала в детдом в 15–16 лет, не помня ни собственного имени, ни тем более, собственного возраста. В личном деле осталась выписка из ожогового центра. Дед, занимавший должность директора детского дома, за отдельную плату сообщил, что девочка, кроме прочего, была изнасилована. С ней раз в неделю работала психологичка. Это все. Лихие девяностые, которые кого только не зацепили. Но это была ее жизнь. Она справлялась с ней, как умела. Без воплей по ночам.

Закс гнал через вечерний город, насколько позволяли светофоры и пробки. В «Монмартр» входил с твердым намерением в любом состоянии грузить Анну в машину и везти домой.

Она заметила его сразу. Дождалась пока он подойдет к ее столу.

— Хозяин пришел, — рассмеялась Анна и наклонилась к мужчине, сидящему рядом. —

А у вас сексуальный голос. Я почти кончила.

— Приходите еще, повторим, — усмехнулся незнакомец.

Закс сверкнул глазами. Снова ртуть.

— Повторите с кем-нибудь другим. Домой поехали!

— К тебе? — спросила она, откинувшись на спинку дивана, на котором сидела. —

Почему ты никогда не возишь меня к себе?

— Сильно надо?

— Нет! — Анна рывком подняла себя на ноги, бросила на стол деньги и приблизила губы к лицу Закса. — Я и так знаю, что ты меня стыдишься.

Она пошла к выходу, пошатываясь на каблуках. Он двинулся следом. И смотрел на ее худые плечи, чувствуя, как внутри закипает злость. Он стыдился ее? Он, мать твою, ее стыдился? Он-то? Ежедневно слушающий смешки приятелей на тему того, что адюльтер — не повод для развода. И при этом продолжающий таскаться к ней.

В гардеробе помог ей одеться. Когда вышли на улицу, в мыслях яснее не стало.

— И на хрена это все? — хмуро спросил он.

— Я шлюха, — пьяно сказала она. — И для тебя это не новость.

— Соскучилась по работе?

— Задолбалась! — Анна остановилась и посмотрела прямо в глаза Виктору. — Ты когда домой свалишь? Мы не договаривались жить вместе.

Он на мгновение замер от того, каким темным и мутным был сейчас ее взгляд — в вечернем освещении еще не то привидится. Небо помрачнело.

— Я — твой хозяин, — все еще сдерживаясь, процедил он. — Сама сказала. Поэтому ты будешь жить, как я хочу.

— Как?

— Со мной.

— Обещаешь? — неожиданно рассмеялась Анна и отчаянно поцеловала его.

Он поймал ее губы с привкусом алкоголя — терпкие, горько-сладкие. Теплые на сковывающем морозе. Целовал их жадно, будто это последний раз. Чувствуя бессильную злость от того, что она не дает ему себя, что ускользает, когда ему хоть немного удастся приблизиться, от того, что не пускает его в свою жизнь даже этим проклятым «обещаешь?», от того, что видел ее с другими мужчинами, от того, что давала себя видеть с другими мужчинами. Как в этот вечер.

Он оторвал ее от себя, перевел дыхание, чувствуя, как обжигает горло холодный воздух, и открыл дверцу машины:

— Садись, поехали.

— Поехали, — весело ответила Анна и запрыгнула в салон.

Ехали молча. Она вертела головой по сторонам, будто видела эту дорогу впервые. Он смотрел прямо перед собой, сжимая зубы в приступе тихого бешенства. Оказывается, он знает, что такое смертельно устать. Устать от всего. Кажется, что силы брыкаться еще есть, а потом оказывается, что, в общем-то, и пофигу. Есть мгновение, когда все летит к чертям, а в самой глубине души от этого испытываешь радость. Есть мгновения еще более сильные: когда хочется навсегда остаться в собственных кошмарах, откуда нет выхода. Наверное, когда он сдохнет, таким и будет его ад. Это закономернее и честнее, чем ад при жизни. А есть мгновения самые сильные. Когда ничего не помнишь и никому ничего не должен. В эти мгновения рядом шлюха, которая раздвигает ноги перед каждым, тогда как ты можешь трахать только ее — остальные пох*й.

— Скучно, — обиженно фыркнула в тишине Анна, расстегнула ширинку на его брюках и пробралась пальцами под ткань. Голос был почти такой же, как когда в ресторане она ворковала с другим.

Закс сжал колени и процедил:

— Прекрати!

Она ухмыльнулась и нырнула головой ему под руку. Прижалась губами к его телу, мягко захватывала кожу. И что-то бормотала, обдавая горячим дыханием.

— Я сказал, хватит! — психанул он.

Наклонился, чтобы одной рукой усадить ее на место. И тут же краем глаза заметил машину, брошенную прямо на повороте. Крутанул руль, колеса заскользили по обледеневшему асфальту, издавая противный шипящий звук. И понял — ни хрена, не успеет. Тормоза реагировать не желают. В голове трепыхнулась единственная мысль — какого дьявола она не пристегнулась? И снова дернул руль в сторону. В последний раз.

Автомобиль въехал в сугроб на обочине в нескольких сантиметрах от брошенной машины. Прежде чем Анна скатилась к ногам Закса, она шарахнулась сначала головой о дверцу, потом ее подбросило и мотнуло к рулю, долбанулась скулой и отключилась.

Он соображал несколько секунд, глядя на собственные руки в черных перчатках. Он все еще сжимал руль, вдавливая изо всех сил в него пальцы. Потом понял, что и зубы сцепил до боли.

Вздрагнул.

Расцепил зубы.

Разжал пальцы.

Выдохнул.

Бросился вниз, к Анне.

Поднял рваным движением, усадил к себе на колени. Так, что безвольно мотавшаяся

голова оказалась на его плече. Сдернул с себя перчатки. Провел ладонью по ее лицу, к шее. Глотнул воздух — теперь шумно, тяжело, с едва слышным стоном.

— Аня. Аня. Аня, ты меня слышишь?

Она судорожно вздохнула, будто вынырнула из толщи воды, вздрогнула и протяжно всхлипнула. Под правым ребром вздох отозвался тупой болью. Он обнял ее, постарался усадить удобнее — проклятый руль мешал. Еще больше мешало то, как дрожали руки. И вдруг понял — сейчас мог быть конец. Если бы она вылетела в стекло или ударилась не скулой, а виском — мог быть конец. Знал, что позднее это навалится еще сильнее, чем сейчас. Знал, что начав думать, остановиться уже не сможет. И знал, что на свою гибель было бы плевать. Умирать не страшно. Бах — и нет. Страшно терять. Ее терять страшно, потому что...

— Я тебя люблю, — прошептал ей на ухо, не понимая, слышит она или нет.

Она слышала. Его слова слышала. Слышала, как гулко стучит его сердце. И впервые не знала, как поступить. Потому просто сидела у него на коленях, держа голову на его плече, не открывая глаз. И молчала.

— Если тебя не будет, я сдохну, — раздалось уже громче. И она почувствовала легкие касания его губ на своем виске.

Глава 15. Пожар

Счет пошел на дни. Это он знал точно. Он чувствовал такое однажды. Когда-то давно, когда был жив отец. Сначала случился раскол. В этот момент казалось, что все еще может зарости. Потом сломалось. Тогда тоже было физическое ощущение ускользающего времени. Будто бы оно проходило сквозь него. Тот еще психодел.

Заксу казалось, замри он на месте, станет и видеть его, а не только осязать.

И будто пытался надышаться. Насытиться жизнью. Еще рыпался. Еще не сдавался. И все же ощущал время.

В какой-то из дней позвонил Алекс. Голос был взволнованный, даже сердитый. Не здороваясь, выпалил:

— В прокуратуру запросили всю информацию о движении средств по счетам «Надежды» за два года.

Закс помедлил, несколько секунд переваривая информацию. Потом ответил:

— У меня пока никого не было.

— Жди. Дойдут.

— Дойдут. Но сперва пусть там повозятся. Из всех трансферов выбрать то, что может сыграть против меня — еще покорячиться.

— Ё* твою мать, Закс! — психанул Алекс. — Тобой заинтересовались. Ты сомневаешься в том, что найдут? Это тебе не салочки. Цепочка запутанная, но если желание есть, распутают.

— Ты-то чего кипяتيشься? Тебя не тронут. Ты всего лишь открыл счет предприятию и получал свою комиссию. Все. С тебя какой спрос?

— За тебя, дурака, переживаю.

— Ааа... ну спасибо на добром слове.

— Пожалуйста, — теперь замолчал Алекс. Сопел в трубку. Наконец, выдал: — Горин?

— Больше некому. Вопрос, на какие кнопки жал. И почему решил с «Надежды» начинать. Что он знал?

— А не пох*й? Ты идиот. Надо было сразу делиться. Отдал бы ему эти гребанные бабки. И дальше жевали бы жвачку мира.

— Я лучше сяду, чем отдам ему эти деньги.

— Ну и дурак.

— Я в курсе. Ладно, спасибо за информацию.

— Удачи, — буркнул Ольховский, и на том конце раздались гудки.

Виктор откинулся на спинку кресла. Провел ладонью по коже поручня. Треснул его кулаком. И вдруг подумал, что ничего не чувствует в действительности, кроме отголоска боли в костяшках. Ни страха, ни азарта, ни отчаяния. Когда три года назад его трусили, он суетился, что-то изображал, вгрызался в сушу, чтобы не пойти ко дну. Сейчас иначе.

Скорее автоматически, потому что так было надо, снова потянулся к телефону и без особого ожидания, что тот возьмет трубку, набрал номер бывшего лучшего друга. К его удивлению, Горин отозвался.

— Говори! — звучало насмешливо.

— Что ты творишь?

— А я предупредил.

— И чего добьешься?

Андрей рассмеялся.

— Вот и посмотрим.

— Ты ничего не докажешь, Андрей. А будешь сильно рыпаться — раздавлю.

— Докажу, не переживай. Обязательно докажу.

— Ну, пробуй.

— На этот раз у меня выйдет без проб.

Горин отключился.

А ведь было чертовски похоже. Так похоже, что казалось — он в шкуре своего собственного отца. И теперь уже Андрей почти сливался в его голове с Петром Михайловичем. Дикое чудовищное дежа вю. Нет, он не сходил с ума, путая реальность с прошлым.

Его счастье было в том, что сожалеть он не умел. Идти до конца всегда казалось ему правильным. Не останавливаться на полпути. Война, значит, война. И он с удивлением ловил себя на мысли, что в смерти старшего Горина не раскаивается.

Это потом уже оказалось, что в доме были женщина и ребенок. Которых он никогда не видел. Может, поэтому в кошмарах приходил Петр Михайлович, а не они?

Отдав ряд распоряжений секретарю и предупредив финансовый отдел, чтобы привели бумаги в порядок, он покинул здание «ZG Capital Group».

Покружил по городу, пытаясь встряхнуться. И обнаруживал, что мыслит ясно, как никогда. Будто он не человек, а машина с алгоритмическими процессами в мозгах. Через пару часов подъехал к дому Анны. И только тогда стал собой. Настоящим.

В тот момент, когда он видел ее, он переставал быть человеком, которого ненавидел.

Когда Виктор вошел в квартиру, Анна с пустой тарелкой наперевес направлялась на кухню.

— Привет! — бросила она, не останавливаясь. Посуда звякнула в мойке. — Кофе будешь?

— Нет, — ответил он, раздеваясь. — Лучше чаю. Если не затруднит.

— Чай так чай, — Анна щелкнула кнопкой чайника.

Он прошел к ней на кухню, подошел со спины и поцеловал плечо. После чего она оказалась в кольце его рук.

— Когда меня посадят, будешь передачи носить? — весело спросил он.

— Надолго посадят? — заинтересовалась Анна.

— С моими адвокатами? Года на три. Но есть шансы на условное.

— Вот когда посадят, тогда и подумаю, — серьезно ответила она и, освободившись от его объятий, достала из шкафа заварник.

— Звучит обнадеживающе, — хохотнул Закс, и через мгновение она была подхвачена на руки. Глаза ее оказались в разрушительной близости от его глаз. Анна обхватила его ногами и откинула голову, подставив шею под поцелуи. Он снова коротко рассмеялся и прошелся губами по белой гладкой коже — к ключицам, видневшимся в вырезе блузки.

— Плевать на чай, — пробормотал он. И так же придерживая ее под ягодицы, понес в спальню, продолжая ласкать языком и губами шею. И чувствуя, как под его ртом она покрывается мурашками.

Оказавшись на кровати, Анна потянулась к его губам. Стащила с него рубашку, не

расстегивая, через голову. Ногтями неглубоко царапала обнаженную кожу и приподнимала бедра, прижимаясь к нему. Трахаться было проще всего. Проще, чем слушать его голос, когда он говорил с ней. Проще, чем ждать, когда он придет из офиса. Проще, чем делать ему чай.

Только теперь что-то неуловимо изменилось. Он целовал ее. Скользил губами по ее губам. Языком проникая в ее рот, исследовал его — медленно, неспешно, сладко. В то время как пальцы бегали по ее лицу, избегая ушибленной накануне скулы, по волосам, освобождая их от заколки, по тонкой шее.

Она блаженно вздрагивала от его прикосновений и так же неторопливо водила пальцами по его телу. Целовала его губы и грудь, снова откидывалась на подушку, чувствуя, как кружится голова от пьянящих поцелуев. Иногда он замирал на несколько мгновений, разглядывая ее лицо с сомкнутыми веками, будто хотел запомнить ее такой. И эти мгновения казались ей бесконечными, до тех пор, пока его язык снова не оказывался на ней. Время исчезло. Время перестало лететь. В каждой секунде заключалась вечность. Пьяная, терпкая, горькая, сладкая вечность. Он освобождал ее от одежды, исследуя гладкую кожу, будто впервые в жизни. Целовал ее грудь, живот, бедра, колени, так же медленно возвращался к лицу и шептал ей:

— Посмотри на меня.

Она распахивала глаза и длинно выдыхала, отдаваясь его нежности. Она подчинялась его движениям, растворялась в ожидании его поцелуев и мечтала, чтобы время остановилось навсегда. Чтобы это не закончилось. Чтобы ничего не осталось, но осталось только это — с ней и в ней.

Он раздвинул ее колени и, не отрывая взгляда от лица, вошел в нее. Мысок волос над высоким лбом, брови — чуть темнее золотистых локонов, маленький нос идеальной формы. Губы. Мягкие, полные, тянущиеся к нему с поцелуями. Глаза. Его собственное небо.

— Виктор, — простонала она его имя и... очнулась.

Сердце ее сильно дернулось мощным толчком. Нежность его была вязкой, затягивающей. Если поддаться — и правда затянет. А Закс не должен любить нормальную, обычную женщину.

— Подожди, — остановила его Анна. — Как-то это совсем по-домашнему.

Она выбралась из-под него и дотянулась до тюбика с лубрикантом, которых много валялось на тумбочке. Потом встала на колени и уперлась локтями в кровать. Посмотрела на Виктора через плечо полным похоти взглядом.

И начала быстро подергивать ягодицами, будто танцевала мамбу. Он вздрогнул, глядя на нее. И чувствовал, как внутри растекается что-то горькое, черное, что-то, чему имени быть не может. Это возвращало его в реальность. Это делало его тем, кем он быть не хотел. Хозяином.

Забрал у нее гель, выдавил на пальцы. И медленно массирующими движениями стал водить ими по анусу, до тех пор, пока не проник внутрь на одну фалангу. Довольно вскрикнув, Анна выгнула спину и уперлась головой подушку. Руки ее теперь быстро двигались по телу, дразня и распалая себя сильнее. Вскрики ее становились громче, а ответные движения резче. Не прекращая двигаться в ней, он приставил и второй палец, осторожно растягивая ее, но она не останавливалась, насаживаясь на него. Он коротко рассмеялся и свободной рукой на мгновение удержал.

— Так будет больно.

— Не будет... не тяни... ты же хочешь... — дрожащим голосом проговорила Анна

между стонами.

Он судорожно сглотнул. Она не знала, чего он хочет. Ей, шлюхе, было все равно, чего он хочет в действительности. Она обслуживала. Виктор выдернул из нее пальцы, поднес к лицу. Они блестели от смазки. И все еще ощущали ее тепло. Снова вернулся к ней. Заставил ее расставить ноги шире. Раздвинул руками ягодицы. Провел языком от влагалища до копчика. А после приставил его к анусу и стал постепенно проталкивать внутрь, ощущая привкус смазки и ее соков. Она мелко, длинно задрожала. Нашла его руку, ввела его пальцы в пылающее огнем влагалище. И ненасытно просила еще, еще, еще. Но слова ей давались все труднее. Он не останавливался. Круговые движения внутри нее заставляли его гореть тоже. Он бился в ее тело, тяжело дышал и чувствовал, как пульсирует кровь в нем самом. Если бы он хотел чувствовать свою власть над ней, то и теперь не мог бы — от ответных ее движений будто зависела вся его жизнь.

— Возьми меня, — из последних сил членораздельно выкрикнула Анна.

Виктор отстранился, как куклу, перевернул ее. И, снова оказавшись с ней лицом к лицу, вошел в нее — чувствуя и облегчение, и нарастающее мучительным тяжелым комом возбуждение.

— Смотри на меня, — прохрипел он.

И она смотрела — пустыми глазами с расширенными зрачками. Сильно билась в его руках, всаживала ногти в его мокрую от пота спину, конвульсивно дергалась вдоль его члена. И кричала так, как не кричала никогда до этого. До хрипа, до звона в ушах.

А потом он ее поцеловал — жадно и нежно одновременно, как мог он один. Крупно вздрогнул всем телом, дыша в нее, изливаясь в нее. И продолжал двигаться. До тех пор, пока не почувствовал, как она тоже дрожит под ним, как сокращаются мышцы влагалища, туго обхватывая его член, как трепыхается ее сердце — птицей в небе.

— Это приятно, быть твоей шлюхой, — пресыщено выдохнула она, распластанная под его тяжестью.

— А я говорил, что тебе понравится, — прошептал он ей в плечо, не поднимая глаз.

Анна утомленно фыркнула. За такие деньги что угодно понравится. Измотанная диким сексом, она промолчала и закрыла глаза. Он был не единственным, доводившим ее до оргазма. Но с ним она каждый раз испытывала первобытное исступление, заставлявшее корчиться ее разгоряченное тело в его руках. И она хотела этого снова и снова. С тем и уснула.

Утром проснулась поздно. Виктора уже не было. Зато была записка: «А давай вечером поужинаем где-нибудь?» Она зло смяла бумагу и бросила в угол. Кни.г.о.л.ю.б./н/е/т/

К черту мысли, к черту чувства, к черту нормальность. У них не может быть ужинов, обедов, завтраков. У них вообще ничего не может быть. А то, что она чувствует по ночам рядом с ним — это лишь предательство ее тела. И ей нельзя поддаваться, нельзя думать, что будет дальше. Потом, когда все свершится. Она не позволит себе остановиться на полпути лишь потому, что становится влажной, стоит ему коснуться ее. Никакая это не любовь, элементарный половой инстинкт.

Анна поднялась, приняла душ, сварила кофе. И, больше не думая о Заксе, поехала в больницу. Оставалось несколько дней, за которые нереально ничего решить

— Можно, Илья Петрович? — заглянула она к Фурсову.

— Можно, — отозвался доктор, — проходите. Мне Бенкендорф уже отзвонился.

Она присела на стул, опустила голову.

— Я думала, может попросить его, отложить на пару недель, — сказала Анна тихо, не поднимая головы. — Но это ничего не изменит. Я... я не смогу собрать больше, чем у меня есть сейчас.

— В смысле? Он приезжает на следующей неделе, Анна Петровна. Сказал, что средства на счет поступили.

Она непонимающе смотрела на врача.

— Но как?

— Вы меня спрашиваете? — развел руками Фурсов. — Деньги не я переводил, у нас в стране другие зарплаты.

— Но и я не переводила. А вы ничего не перепутали? Или он?

— Нет, — озадаченно помотал головой доктор. — Как такое может быть? Иначе с чего бы он мне звонил? Операция и расходы на трансфер оплачены.

— А вы случайно не знаете кем?

— Я думал вами и не спрашивал.

Она потерла лоб. Кто бы это ни был — какая разница. Если захочет, чтобы о нем узнали — о нем узнают.

Два дня спустя

Анна довольно потянулась в постели, не открывая глаз. Хоть выпалась за долгие недели впервые за ночь. Она улыбнулась. Звонок Виктора накануне вечером ее повеселил, он подробно объяснял ей, почему не будет ночевать дома. У нее дома. Пока хихикала над самим фактом звонка, не очень поняла, куда он там свалил.

Выползая из-под одеяла не хотелось. Пошарила ладонью по кровати, по креслу рядом. Нашла пульт. Включила телевизор, стала переключать каналы, пока добралась до городского. Шли утренние новости. Она щелкнула дальше и резко вернулась обратно, чувствуя, что задыхается.

— ...в котором было обнаружено тело предположительно хозяина дома, — рассказывал за кадром мужской голос, пока на экране мелькали кадры пожарных, ментов, каких-то людей среди обгорелых стен. — Андрей Петрович Горин, крупный бизнесмен, наследник империи, созданной его отцом, также погибшим при невыясненных обстоятельствах вместе с семьей десять лет назад. По факту пожара заведено уголовное дело.

Десять лет назад. Вместе с семьей. При невыясненных обстоятельствах.

Каких невыясненных? Сгорел! Точно так же сгорел!

Она слышала треск огня вокруг себя и чувствовала запах гари, будто снова стояла посреди полыхающего пожара.

Да, огонь был в ее голове. Он преследовал ее повсюду. Не только сейчас — всю жизнь.

Это от огня она бежала.

Это из-за него она боялась собственного имени.

Это он сжирал все вокруг — и сжирал ее изнутри все десять лет.

И это он отражался в ее глазах, когда она влетела в кабинет Власова.

— Это он! Понимаешь? Он!

— Кто он? — удивился Алексей, вскакивая с кресла.

— Закс! Это он Андрея грохнул.

— Господи, ты о чем? Сядь, успокойся! — гавкнул Власов, изменившись в лице, и потянулся к графину. Налил воды. Подал ей стакан.

— Типа ты не знаешь, что Горин погиб, — она взяла из его рук стакан и быстро зашептала: — Это Закс его убил. И сжег, так же как и нас. Я слышала тогда, слышала, как он приказал облить все бензином и сжечь. И они сожгли. Маму, папу и меня. Это он! — крикнула она и выронила стакан.

Тот упал на пол, но не разбился, покотившись по полу и расплескивая воду. Несколько мгновений Власов смотрел на мокрый пол. Потом перевел взгляд на нее. Она обхватила себя руками и крупно задрожала, не в силах заставить члены расслабиться.

— Если это он, то мы его посадим, Аня.

— Это точно он, — как заведенная повторила Анна. — Он дома не ночевал.

— Откуда ты знаешь? — ошарашенно спросил Власов.

— Я живу с ним.

Глава 16. Горины

Если что-то и оставалось, то только ржать. По-настоящему так. От души. Кроме черного юмора, в голову больше ничего не приходило. Была еще одна мысль, вяло трепыхавшаяся в голове. Он уже видел все это однажды. И будто бы наблюдал со стороны, имея полное право, наконец, сказать: «Не я!» Эту мысль он пытался запихнуть поглубже, потому что она не приносила ничего, кроме гадского жжения, как от ожога. И оказывается, попытка оправдаться не ведет ни к чему. В конце концов, все справедливо. За всякое «не я!» надо платить.

Теперь все просто стало на свои места.

К концу зимы он был четко уверен в двух вещах.

Во-первых, одному, без посторонней помощи, ему не выбраться из того болота, в которое он попал.

Во-вторых, ему начхать на это болото.

Может быть, потому и тянул так долго. Днями торчал в офисе. Ночами — в квартире Анны. И ничего не планировал. Ждал окончания проверки, понимая, что ничего не поможет.

Пока в офис не ворвался Алекс с воплем: «Охренеть, Закс! И даже не бухой!»

Он тогда только повел бровью и негромко переспросил: «А должен быть?»

«Да мне похрен, что ты должен! Дуй в Москву!».

«Что я там забыл?»

«Сам знаешь».

О! Он прекрасно знал!

Имени этого человека называть не стоило. Обращаться к нему было нельзя ни под каким видом. Тем более, просить. Но других шансов не оставалось, и Виктор слишком хорошо отдавал себе в том отчет.

«Я ему звонил», — процедил сквозь зубы Ольховский.

«Так ты уже звонииил...» — протянул Закс.

«Харе ржать! Между разговорами о моей неудачной семейной жизни я намекнул...»

«Тебе традиционно нехер делать».

«Закс! Заткнись! Вариантов все равно нет. Поедешь? Иначе Горин развалит все!»

Иногда ему хотелось, чтобы все развалилось.

«Поеду», — отозвался Виктор.

Все решилось быстрее, чем он ожидал. По его возвращении из Москвы Андрей Горин был уже мертв. Закс ломанулся к Лизе. Она рыдала у него на плече и одновременно проклинала его за то, что он натворил с их жизнями. Она не разбирала уже, кого оплакивает: Андрея, их брак, убитого ребенка или саму себя.

Чувствуя себя так, будто его закатали в асфальт, поздно ночью он возвращался домой, к Анне. Уже почти не понимал и не помнил себя в последние сутки. Не сожалел — он редко сожалел. Просто смотрел на дорогу, на пробегающие за стеклом огни. И не думал. Думать было выше его сил. Если бы задумался, вылетел бы на встречу и закончил бы все одним махом. Заодно утащив за собой в ад кого-то еще.

Когда доехал, оказалось, что, и правда, лучше бы по встрече. Ее не было. Вещей в квартире тоже не было. Обрывал телефон. Бесполезно.

Под утро не вопил по единственной причине — не спал.

Душ. Кофе. «Носорог».

Офис.

Арест.

Адвокат.

Допросы.

Забывать.

И снова ночные вопли.

Действительно, отчего бы не ржать. Чувствуя, что медленно сходишь с ума, вернувшись на десять лет назад.

Анна пришла утром на третий день. Пришла бы раньше, если бы предыдущий не был потрачен на уговоры Власова помочь ей встретиться с Виктором наедине. Тот долго сердился, возмущался, увещевал, но, в конце концов, в руках Анны оказалось разрешение на свидание с Заксом.

Она сидела на стуле, крепко сцепив пальцы, сжав губы, и смотрела прямо перед собой. Она знала, что хочет ему сказать, и собирала все свои силы, чтобы проговорить это вслух.

Анна Протасова пришла сделать последний выстрел в своего врага.

— Все-таки будешь ждать? — раздался его насмешливый голос в тесной комнатке, едва хлопнула дверь.

Она перевела взгляд на Виктора. Он был темным, почти черным на бледном лице. Такими же бледными были и губы, которые она долго не раскрывала.

— Нет, — наконец, ответила Анна. И голос ее тоже был бледным.

Закс скрестил руки на груди и остался у порога. К столу, за которым она сидела, не приблизился ни на шаг.

— И пришла, чтобы это сказать? Благородно.

— Нет. Я пришла сказать, что это я разрушаю твою жизнь.

Его бровь чуть заметно дернулась, но с места он не сдвинулся.

— Когда-то я хотела убить тебя. Но один умный человек подсказал мне, что этого мало.

— Кто?

— Неважно. Важно, что он оказался прав. Я могла стрелять раз за разом и видеть, что попадаю в цель, — губы растянулись в злой усмешке. — Это я передала Андрею копии документов, которые ты принес домой. Это я сказала Лизе, что ты живешь с уличной бл*дью. Это я дала показания, что ты не ночевал дома, когда погиб Горин.

Интересно было наблюдать за сменой его эмоций. До той самой секунды, пока никаких эмоций не осталось вовсе. Медленно, как сомнамбула, он подошел к ней и уткнулся в ее лицо невидящим взглядом. Всякие маски слетели. Он стал собой теперь уже навсегда.

— За что ты так меня ненавидишь? — сорвалось с его губ, и едва ли можно было узнать его голос.

Она не отводила глаз. Почти не мигая, долго молча смотрела на него. Потом слотнула и заговорила.

— Помнишь, я говорила тебе, что участвовала в охоте? Так вот... охотникам показалось мало просто добыть дичь. Тот, кто привел их, велел приготовить жареного мяса. Но это было в самом конце. Сначала охотники развлеклись. Сколько их было? А я до сих пор не знаю. Отчетливо помню третьего. Помню, я думала, он мне кожу с бедер оторвет, так дергал на себя. Оттягивал от костей и дергал, оттягивал и дергал, забивался по самые яйца. Помню,

потом развернул меня, как куклу. Догадываешься, что он сделал потом? Заставил меня разжать зубы. Ему помогли. Они все помогали друг другу, чтобы дичь меньше дергалась. От мерзкого вкуса его спермы я отключилась. Как думаешь, я должна сказать ему спасибо? За то, что остальных, которые были после него, не помню. Так сколько их было, Закс? Скольких ты привез с собой, чтобы убить одного человека?

— Со мной — тринадцать.

— Хорошее число.

— Черт! — прохрипел он и рухнул на стул перед ней. Луч солнца выхватил его лицо. Оно было бледным — почти таким же, как у нее, и они оба казались живыми трупами. — Этого не может быть.

— Может. Ты когда-то интересовался, зачем мне понадобились деньги. Из меня не вышло стейка, но остался ожог. Как тавро на шкуре животного. Я должна была от него избавиться. Любой ценой.

— И что дальше? — он спрашивал о том, что было дальше с ней, или о том, что будет? Руки сцепил до боли. И знал, что пройдет время прежде, чем навалится понимание.

— Да ничего, — пожала Анна плечами.

— Ничего, — повторил он. Дернулся, устремившись к ней, и замер, будто наткнулся на невидимую глазу стену. Та была такой прочной, что не сокрушить. Даже если бы он пытался крушить. — Тебе стало легче?

— По ночам орать точно не буду.

— Ну этого я никому не пожелаю. Вставляло от ора?

— Нет. Я знала, почему ты орешь. Я видела, как ты выстрелил в отца.

— Я тебя не видел. Я ехал за ним.

— Разве теперь это важно? Когда каждый из нас там, где он есть?

Вздрогнул и снова удержал себя на месте, чтобы не коснуться ее. Пытался поймать ее взгляд и понимал, что не она прячет глаза — он боится в них смотреть. И его ищущий взгляд такой же, как вся его жизнь — бег от себя.

Встал со стула. Медленно прошел к маленькому окошку, из которого лился свет. Неправдоподобно яркий. До рези.

— Больше ты не придешь? — раздался его глухой голос.

Анна рассмеялась. Слишком звонко для этого места.

Он резко обернулся к ней и понял, что насмотреться не может. Никогда, никогда, никогда, никогда не насмотрится. Теперь все было ясно. Она — часть его. Сплелись давно, сошлись как паззлы. Он уничтожил ее. Она — его. Честно.

— Не приходи больше, — глухо проговорил он. — Я тогда сказал правду. Если тебя не будет, я сдохну.

— Пафосно, — она скривила губы и тоже поднялась. — И кстати, в «Носорог» тебя привели не случайно.

Взгляд его ожил, заметался по ее тонкой фигурке. Остановился на губах. Его собственный рот стал медленно растягиваться в улыбку. И в следующую секунду смеялся уже он — коротко, хрипло, неприятно.

— Ааалекс! — протянул Виктор, а плечи его продолжали трястись.

— Он самый, — усмехнулась Анна.

— Идиот, — всхлипнул он смехом в последний раз и, развернувшись, направился к двери. А потом остановился и посмотрел на нее. Лицо не было прикрыто ничем. Никаких

масок. Он был тем, кто в машине целовал ее висок и сходил с ума при мысли, что может ее потерять. С той лишь разницей, что теперь знал точно — она всегда принадлежала ему. И никогда не будет его.

— Я не убивал Андрея, — сухо, четко выговаривая каждый звук, сказал он. — Я никогда бы его не тронул. Я падаль, но его не убивал.

С этими словами он стукнул по двери. Та скрипнула. И, более не произнося ни слова, он вышел.

Стало тихо. Страшно тихо. Невыносимо.

Анна медленно шла в сторону реки, бросив машину у СИЗО. Медленно курила, ничего не чувствовала и отчего-то вспоминала день, когда Алекс выполнил свою часть их «договора».

Стоя на лестнице, она пристально вглядывалась в гостей, расположившихся в разных местах гостиной. Девушки привычно кружили вокруг них. Бармен с равнодушным выражением лица наводил порядок за стойкой. Она уже почти сделала шаг вниз, когда заметила, что дверь открылась, тяжелые портьеры раздвинулись, и в зал ввалился хохочущий Алекс. Следом за ним вошел тот, кого она ждала не первый вечер.

Они недолго побродили по гостиной, подходя то к одним, то к другим гостям. Ольховский что-то громко, на всю комнату рассказывал. Закс больше помалкивал и улыбался убийственной улыбкой. Ограничился бокалом шампанского. Алекс пил напитки покрепче. Северина замерла под лестницей, наблюдая за обоими.

Потом Закс наткнулся взглядом на призывно улыбающуюся ему Катиш. К ней не подходил. Развалился на диванчике, глядя, как она, неторопливо пританцовывая, пробирается ближе к нему. Потом несколько слов друг другу на ухо. Он резко встал. Она взяла его ладонь, повисла на руке и снова что-то зашептала на ухо. Он хохотнул. И, увлекаемый ею, прошел всего в нескольких метрах от Северины.

Она проводила их взглядом и приблизилась к Алексу.

— У деловых людей все по-деловому, — усмехнулась она.

— Это ты, что ли, деловая?! — рассмеялся Ольховский.

— Ну что вы... Я исключительно о вас.

— Скажи спасибо, что я твоей мадам не донес про ваши игры. Диск гони!

Она с любопытством посмотрела на него.

— И что же не донесли?

— Это недостаточно весело. А вот отшлепать твою сообщницу за плохое поведение — в самый раз.

— Полин занята, — хитро улыбнулась Северина.

— Я пока и не претендую. Типа обиделся. Диск, говорю, давай.

— Диск в комнате.

— Неси, я не спешу.

— Но я-то свободна, — она повела плечами и отбросила назад хвост.

— Тебе в детстве не говорили, что навязчивость — плохая черта для девушки? — усмехнулся Алекс. — Или у тебя в номере тоже камера стоит?

— Типа вы не знаете разницу между девушкой и шлюхой, — насмешливо сказала Северина. — Ладно, Полька всегда говорила, что вы жмот. Сейчас принесу ваш диск.

И она медленно пошла по лестнице вверх, похлопывая себя хлыстом по ягодице.

— Я банкир, а не жмот, — пробормотал себе под нос Алекс.

Он попался на крючок просто. Девочки между собой прозвали его «самодержцем». Любил подрочить на хороший стриптиз. А стриптиз лучше Полины мало кто исполнял. Он запал на нее с первого раза. Проблема в том, что его жене это вряд ли могло понравиться. Игра была рискованной — он действительно запросто мог стукануть мадам Ламберт. А репутация заведения — прежде всего. Но, казалось, его самого забавляет эта игра. Добавляет пикантности ситуации.

Получив диск с записью своих экзерсисов возле Полины, он ретировался в соседний зал, где мужчины играли в карты. В конце концов, и в этом месте было, чем убить время.

Теперь было важно не пропустить момент, когда Закс выйдет от Катиш. Черт его знает, на что он ведется, а Катиш раскручивать умеет. На Северину же поглядывал какой-то молодой, белобрысый и явно шустрый. Скрыться от него в комнате было рискованно: и Закса упустит, и мадам донесут. Она недолго побродила подальше от центра, когда почти решила подняться к себе, но облегченно выдохнула. Задержала свой взгляд на Заксе, и ресницы ее чуть дрогнули от незаметного смешка. Быстро он!

Северина взмахнула длинным «конским» хвостом светлых блестящих волос, взяла с подноса бокал вина и, поигрывая в руке хлыстом, двинулась среди гостей, соблазнительно поводя бедрами.

Не дойдя до Закса полшага, сделала вид, что споткнулась, и на его брендовой рубашке бледно-розового цвета расплылось ярко-красное пятно.

— Я такая неловкая, — забормотала Северина, подняла на него глаза и проговорила с придыханием: — Простите...

Его жизнь прекратилась в одно мгновение. Он увидел ее.

Все, что было до этого, перестало иметь значение. Прежнего не существовало. Он, прошлый, остался в другом измерении, в котором все помнилось так, будто отголоски звуков сквозь толщу воды. Все, что случилось после, было связано с ней. Самого себя он связал с ней. Туго, так, что путы впивались в тело, оставляя кровавые следы. Скинуть их было нельзя. Он не хотел их скидывать. Даже если это вело к гибели их обоих.

Но в ту минуту он не мог знать будущего. В ту минуту он ничего не мог знать, кроме единственного — он умер, и он родился заново. Видя ее глаза.

Ее глаза. Затаить дыхание и глядеть в них. В мире нет ничего важнее именно этого времени, когда они не скрыты опущенными ресницами, не играют, не кокетничают, не блестят предательскими слезами. Они не затуманены. Она ясны и яркие. Их синева затапливает все вокруг, затмевая небо. Эти глаза пьянят сильнее поцелуев и запретных мучительных ласк, от которых горит душа и сгорает тело.

Ее глаза, умеющие лгать так сладко, что любая правда померкнет возле этой лжи. Пусть так. Он готов был и к этому. Он сам себя вогнал в это. И не жалел ни минуты.

Всего лишь секунда. Быть может, меньше. Он, пресыщенный и изможденный. Она — порочная и ненасытная. Они стоили друг друга.

Она пролила на него вино — едва ли нечаянно. Он сделал вид, что поверил в ее неосторожность. Она подняла на него взгляд. И все было кончено, когда красное пятно продолжало расплзаться по его груди.

Его жизнь прекратилась в одно мгновение. Он увидел ее. И родился заново.

Глава 17. Трах!

Следующие дни после того, как Анна побывала в СИЗО, текли вяло и уныло. В университет не ходила — купила в поликлинике больничный. Спала, ела, дышала. Ни о чем не жалела. Знала, что по-другому быть не могло. Она должна была выдохнуть десятилетний ком, разрывающий изнутри. И верила, что теперь, наконец, живет.

За это время Заксу продлили срок содержания под стражей, несмотря на все усилия команды адвокатов. Анна предполагала, что не обошлось без Алексея, но напрямую не спрашивала. Несколько дней она его даже не видела. Избегала. Знала, что станет просить у Власова новое разрешение на встречу. Отговаривалась от себя тем, что он обещал без нее сдохнуть. А это по-прежнему легко. Понимала, что он к ней не выйдет. Но было одно, что не давало ей покоя.

«Я не убивал Андрея. Я падаль, но его не убивал».

Он не оправдывался в том, что произошло в ее доме в Двугорском. Он не пытался объяснить своих поступков. Но настаивал на том, что не причастен к смерти Андрея. Будто для него это было важным.

«Я не убивал Андрея. Я никогда бы его не тронул. Я падаль, но его не убивал».

Долгие годы Анна позволяла себе оставаться холодной, уверенная, что движется в правильном направлении. Теперь началась горячка. Раз за разом она спрашивала себя, могла ли ошибиться.

Анна слышала его голос, когда бродила из угла в угол по квартире, которую снимала теперь за городом, когда засыпала, когда торчала в больнице.

Впервые она боялась. Анна боялась проявить слабость и пожалеть его.

Однажды вечером, в попытке избавиться от бестолковых мыслей, читала что-то про Древний Рим, обнаруженное в хозяйском книжном шкафу, когда в квартиру неуверенно постучали.

Привалившись к стене возле двери, не глядя ей в лицо, на пороге стояла Таня.

— Пустишь? — спросила она глухо.

— Зачем приперлась? — любопытствовала Анна, впуская ее.

Таня отлепилась от стены. Сделала шаг внутрь. И лицо ее попало в резкий свет электричества, обнажая то, что она пыталась скрыть, не поднимая головы.

— Больше некуда, — сиплым голосом ответила она.

На щеке под нижним веком красовался кровоподтек. С той же стороны на скуле счесан участок кожи. Хуже всего были глаза — абсолютно больные, будто у нее жар.

Анна закрыла за ней дверь и кивком пригласила в комнату.

— Что случилось?

— Клиент, — сделав несколько шагов, Таня стащила с себя куртку. — Я долго тебя искала. Оказывается, Питер большой. Если бы не твоя любимая кондитерка, хрен...

— Зачем искала?

— Я не знаю зачем, — выдохнула Таня и почти упала на диван, тут же скривившись от боли. — Аня... я так влипла...

Анна осталась стоять.

— Говори уже, — голос ее стал мягче.

— Мне, наверное, деньги нужны... И уехать куда-нибудь... Ты же сможешь?

— Ты что, грохнула кого? — усмехнулась Анна.

Таня вскинулась, подняла на нее взгляд и впилась глазами в ее лицо. Она была затравлена. Как дикий зверь, который чуял псов.

Смешок замер где-то у Анны в горле. Она резко замолчала и долго смотрела на подругу. Потом выговорила:

— Я помогу, если ты, наконец, объяснишь, что случилось.

— Аня, я... — прошептала Татьяна... — он меня снял у мадам... Но только на дом... Я не знаю, сколько он ей отвалил, что она на дом позволила... Он меня сперва там, в «Носороге», потом увез... Вряд ли мадам показания давала, у нас же не бордель, нам шум не нужен... Но какого хера она меня отпустила, знала же, что на дом просто так не везут!

Мадам Ламберт знала. Но клиент попался привередливый. И гонорар впечатлял. Она придирчиво рассматривала Татьяну прежде, чем «выпустить» ее к людям. За два месяца Веревкиной удалось привести себя в порядок. Во всяком случае, тело казалось подтянутым. Личный врач мадам, осмотрев девочку, сказал, что она может работать. Это можно было считать удачей. Таня вернулась на свое место.

— Он сказал, что на всю ночь, — негромко поясняла мадам. — Если понравишься, будет у тебя постоянный клиент. Согласись, в твоем случае это лучший вариант. В общем, будь умницей, сумеешь подработать.

То, что Веревкина нуждалась в деньгах, в «Носороге» знали. Об оставленном ребенке принято было молчать. Таня молчала тоже. Никто не спрашивал, так оказалось проще делать вид, что вернулась, что душа не вывернулась наизнанку. Что не думаешь о том, сколько бабок может понадобиться на то, чтобы вытащить девочку. Хотя кому какое до того дело? Это был чужой ребенок. За эти месяцы Таня ни разу не ходила в больницу. Потому что было бы больнее. И все равно продолжала думать о том, что нужны деньги. Может быть, по привычке.

Таня вышла к клиенту в гостиную. Он по-прежнему ждал у бара, где она оставила его после прелюдии в ее комнате. Механизм тоже был интересен. Клиент снял ее здесь же, среди всех. «Опробовал». А потом отправился к мадам с личной просьбой. Это было круче предложения руки и сердца.

— Между прочим, я готова, — усмехнулась Таня, проведя ладонью по его плечу.

— Ну поехали, если готова, — он соскочил с высокого стула и, крепко ухватив ее за локоть, поволок за собой.

Ехали недолго. Он вел машину рвано, будто был нетрезв. А когда доехали, местом развлечения выбрал гостиную: просторную, богато уставленную, с настоящим камином.

Развалился на огромном мягком диване и грубо приказал:

— Показывай, что еще можешь.

— У тебя музыка где-нибудь включается? — проворковала она.

— Включается, — насмешливо протянул мужчина и кинул ей с тумбочки пульт.

Поймала. На ее губах появилась улыбка, которую можно было бы считать соблазняющей. Если бы не липкий ужас, прокатывающийся у нее по спине. Она не знала его причины. Ей было все равно, откуда было взяться этому чувству. Но оно было.

Таня нажала кнопку. Из колонок заорало что-то на английском. Она рассмеялась грудным смехом, сделала громче. Бросила пульт в сторону и, ритмично двигая бедрами, стала раздеваться. Скользила руками по своему телу. Распускала шнуровку корсета на груди.

Откидывала голову, извиваясь подобно змее в танце. А потом, когда корсет был на полу, а она осталась в короткой красной юбке и черных чулках в сетку, рухнула на пол, к его ногам. И медленно, так же по-змеиному, поползла к нему. Вцепилась ногтями в брюки. Стала приподниматься по его телу. Лаская щиколотки, икры, колени. Легла грудью на его бедра. Потянулась к ширинке. Шумно дышала, отчего казалось, что стонет. И глаз не поднимала — облизывая губы и отстраненно улыбаясь.

Он больно схватил ее за волосы, захватив всей пятерней, заставил посмотреть себе в лицо. Сам ее видел смутно. Знал, что блондинка, потому и выбрал. Лицо казалось размытым пятном.

— Не тупи, работай! — зло выдохнул он и снова дернул рукой.

Она тихо охнула и тут же прикрыла испуг тихим смехом. Потянула вниз собачку ширинки, расстегнула пуговицу, спустила трусы. Коснулась теплого тела. И терпкий мужской запах ударил ей в голову. Внизу живота растекалось тепло, от которого сладко ныли мышцы. Опустила лицо еще ниже, высунула кончик языка и прошлась им по члену от головки до яиц. И стала дергать вниз его брюки, стаскивая их и одновременно поглаживая его бедра и ягодицы.

Он чуть приподнялся, сдернул с себя одежду и резко толкнулся ей в рот. Коснулся головкой горла, судорога прошла по его телу. Он хрипло вскрикнул. Быстро нажимал на ее голову, подвывая в такт своим движениям. А она задыхалась — ей некогда было вздохнуть. Даже стонать не могла, чувствуя только, как раз за разом он бьется в нее. Пока из глаз не брызнули слезы. Отчаянно хотелось сжать зубы, чтобы остановить то, что происходило. И все же между бедер чувствовала предательскую влагу — шлюху и так можно драть. Все равно возбуждится.

— Да что ты как дохлая! — гаркнул мужчина и с силой оттолкнул ее от себя. — Пособачьи умеешь?

Таня сглотнула и утерла ладонью губы, чувствуя, как те пульсируют, и как саднит горло.

— Как хочешь, так и умею, — проговорила она, улыбаясь. И стала на полу на четвереньки, повернувшись к нему задом.

В следующее мгновение он натянул ее на себя. И принялся равномерно, глубоко всаживаться, беспрепятственно скользя в ее влажном влагалище. Одной рукой заставил ее упереться лицом в пол, не позволяя поднять голову. Его методичные толчки длились целую вечность. Он чувствовал, как она содрогнулась, мышцы ее сжались, она попыталась сползти, но он не позволил и продолжал врезаться в нее, намотав волосы на кулак. С каждым толчком громко выдыхал, будто в тренажерном зале, и трахал, трахал, трахал. Знал, что не кончит. Под коксом он никогда не мог кончить.

Потом ему надоело.

— Стой так! — велел он и звонко шлепнул ее по ягодице. — Я сейчас вернусь.

Вернулся действительно быстро. С огромным кобелем дога.

— Моя собачка тоже тебя хочет, — рассмеялся он.

— Это не смешно, — тихо хихикнула Таня и замерла с открытым ртом. Гигантское черное животное глухо рычало и смотрело в упор на нее. Но сидело у ног хозяина, будто бы ожидало команды. Она поняла, что команда будет. И в какую-то секунду ясно представила себя под кобелем.

Таня в ужасе посмотрела на клиента.

Тот наклонился к собаке, негромко приказал, и пес подошел к девушке.

— Ты что? Больной? — взвизгнула шлюха и, вскочив с пола, кинулась на другой конец комнаты.

— Ты, бл*дь, куда рванула? — он в два шага оказался рядом с ней. Кобель ткнулся носом ей в бедро.

— Тебе лечиться надо! — заорала она, пытаясь отпихнуть животное. — Извращенец, кончить не можешь!

Пес угрожающе зарычал. Клиент заржал.

— Я за тебя денег заплатил х*еву тучу. Будешь делать, что я прикажу.

— Да иди ты!

— Я сказал: будешь! — зло выкрикнул он и ударил Таню по лицу. Удар был сильный, почти до искр из глаз.

Пес гавкнул, будто в подтверждение слов хозяина. Едва она очутилась на полу, снова раздался голос мужчины: «Трах!»

Таня только успела взвизгнуть, когда кобель навалился на нее сверху. Попыталась встать, но было бесполезно. Опершись передними лапами на ее плечи, пес вцепился ей в шею. И она точно знала, что останутся шрамы. Снова заорала, но в ответ почувствовала спиной, как вибрирует его тело от тихого грудного рычания. И в этот момент перестала соображать — ее вот-вот оттрахает кобель, и она ничего не сможет с этим сделать.

— Ну же, Мальчик, — засмеялся клиент. Смех был обычный. Так смеются люди при просмотре хорошей комедии. Она только всхлипнула, разводя в стороны ноги. Сама. Это она делала сама.

Мужчина подошел к ним сзади и стал надрачивать псиный член, выпуская его из препуция. Тот вывалился почти сразу и был размером с мужской палец. Нежный и розовый. Ее едва не вырвало от этой возни. Пес снова постарался вскочить на нее, тыкаясь гениталиями ей в половые губы, но не попадая. Таня закрыла глаза. Смотреть и видеть мир вокруг себя было невыносимо.

— Зад подними!

— Зачем?

— Подними!

Она послушалась. Потом поняла зачем — он направил член в нее. Тот вошел сразу, одним движением. Легко. Таня уткнулась лицом в пол, чувствуя, как он разбухает внутри, заполняя ее собой. Тихонько заскулила. Будто в ответ по груди зашарили мужские руки. Пощипывали, царапали, мяли. Но на это было плевать. Все ощущения сосредоточились во влагалище.

Пес захрипел и стал долбить ее тело с такой скоростью, что ее лицо несколько раз, как тряпка, проехалось по полу, отчего пылала кожа. Попыталась стать поудобнее, опершись руками, но ее голову тут же прижали к ковру. Пес снова сжал клыками шею. Выдохнула от боли. Но терпела. Ей казалось, он достает до горла. Чувствовала, как по шее и груди потекла собачья слюна, а по ногам — его соки, смешавшиеся с ее. Чувствовала, как его мех касается ее спины. Чувствовала, как стенки влагалища плотно обхватывают кобелиный орган и растягиваются по мере его роста. Внутри нарастал отвратительный ком, который она не знала, как удержать. Она чувствовала все, каждую секунду. И одновременно существовала вне всего.

Подняла глаза. Мужчина переместился на диван. И энергично дрович, не сводя глаз с нее. Поняла, что он вот-вот кончит. Не знала, сколько времени все это длилось. Тело ее

сотрясалось от каждого удара, дрожало крупной дрожью. И ей казалось, что она сошла с ума. Потому что теперь пыталась насаживаться на него. Он лишь сжал клыки чуть сильнее. И Таня захрипела, переставая быть человеческой женщиной и превращаясь в суку.

Неожиданно кобель замер, не выходя из нее, но и прекратив ритмичные движения.

«Узел, бл*!» — успела подумать Таня, прежде чем пес стал кончать, накачивая ее спермой. Основание его члена стало надуваться, растягивая стенки у входа во влагалище. Горячо. Больно. Невыносимо. Он был весь в ней. Полностью. Разрывал ее изнутри. И не прекращал расти. Теперь уже ее язык показался изо рта. Ее слюна стала медленно стекать на пол. Ее глаза закатывались. Но кричать она не могла. Она могла только принимать в себя кобелиный член. До тех пор, пока не почувствовала дикую пульсацию, захватившую ее всю, полностью. От пальцев ног до висков. И средоточие этой пульсации было там, где пес сомкнулся с ней в вязке. И казалось, что длится это уже вечность.

От второго оргазма, накатившего на нее бешеной волной при мысли, что она кончила с кобелем, Таня все-таки закричала и отключилась.

Когда пришла в себя, пса не было. Валялась на полу в луже спермы. Слышала псиную вонь. И больше ничего не чувствовала. Ни страха, ни боли, ни раскаяния, ни отвращения. Клиент спал на диване, в той же позе, что она выхватила глазами во время случки. Сколько он сидел здесь, глядя на нее, валяющуюся возле камина, пока не уснул?

Таня встала. Подошла к креслу, на котором бросила вещи. Вытерла, насколько могла, ноги о портьеру. Оделась. Потом подошла к мужчине. Смотрела на него. Она не знала, сколько и зачем смотрит. Просто запоминала его черты. Наверное, его можно было назвать красивым. Слишком красивым. Таня даже склонилась к его лицу. Если бы он спал не так крепко, почувствовал бы на коже ее дыхание.

Потом она вздрогнула. Крупно, всем телом. Стала озираться по комнате. На небольшом столике у камина стояло несколько бутылок и графинов со спиртным на любой вкус. Клиент был не столько эстетом, сколько всеядным. Целый ликеро-водочный завод. И заодно винокурня.

Следующие несколько минут она тихонько ходила по комнате, щедро поливая ее спиртным.

Когда она покидала дом, поеживаясь от прохладного февральского воздуха, то уже отчетливо слышала запах гари. И все равно ничего не чувствовала. Самое сильное, что можно было испытать, она испытала, обслуживая пса.

Анна протянула Тане бокал, в который до этого налила водки.

— Пей! — сердито велела подруге. — Хуже не будет. Он сгорел?

Таня послушно отхлебнула — слишком много, чтобы не закашляться. Тело ее выворачивало от этого кашля. Потом отставила водку на стол и ответила:

— Да. По телеку говорили, что сгорел. Я тогда еще у себя была. Потом испугалась, ушла.

— По телеку? — нахмурилась Анна. — Имя называли?

— Не помню... наверное... — Таня мотнула головой и по-идиотски хихикнула: — Как думаешь, пес тоже поджарился?

— Не знаю, наверное, если двери были закрыты. А мог в окно выскочить, — она подошла ближе. — Тань... ты совсем не помнишь, как его звали?

— Ннет... только имя... Он, когда меня еще только в «Носороге» снял, сказал называть его Виктором. Фамилия немецкая какая-то была.

Анна приложила к горлышку бутылки и несколько раз хлебнула. Потом упала на

диван и заставила себя думать. Первая липкая мысль была отброшена. Это не мог быть Закс. Он сидит. И кажется, она впервые искренне, а не по привычке порадовалась, что сама же его туда и упекла.

— А где его дом... был... помнишь?

— Не помню... Ни хрена не помню. Только лицо. У него очки такие дурацкие были — кругленькие... А ему ши. Ты представляешь, он даже трахался в очках.

— Когда это было, дура? — закричала Анна.

От крика Таня вздрогнула и потянулась за бокалом. Передумала. Посмотрела на подругу.

— В прошлый вторник.

Анна всхлипнула.

— Вот же дура! — сказала в никуда и, не глядя на Таню, спросила: — Говоришь, уехать тебе надо?

— Наверное, надо... Аня, мне страшно.

— Чего боишься?

— Не только собак, — хохотнула Таня. — Тебя когда-нибудь пес е*ал?

— Нет. Тебе в милицию надо.

— Зачем?

— Рассказать, как все было.

Таня тихо рассмеялась. А потом все-таки допила водку из бокала. Потерла лоб. И проговорила:

— Я у тебя пока останусь, хорошо? Хотя бы сегодня.

— Оставайся, — сказала Анна и кивнула на бутылку. — Еще будешь?

— Нет... я посплю. Я не сплю почти. Я устала.

Глава 18. Правда

Виктор Закс целовал ее. Целовал в губы, даже не догадываясь, что был одним из немногих, кто знал их вкус. Северина никогда не целовалась в губы, но клиенты не жаловались. Приходили они за другими ласками, в которых она не отказывала.

А Виктор Закс целовал ее в губы. И она отвечала. Тогда она должна была завлечь его. Он хотел поцелуев. Она ему их давала. Теперь она сама хотела его поцелуев. Сладких, долгих, головокружительных. Так целовал только он.

Он глубоко погружал язык в ее рот, выпивая ее дыхание, прижимал ее тело к своему. Дразнил, покусывая губы. И неизвестно было — это сейчас она его обслуживает или он ее, будто для него не было в мире ничего важнее, чем доставить ей удовольствие. Мало кто заботился о ее удовольствии. Все только брали. Он — давал. Зачем он давал ей?

— Аня, — слышала она его голос и забывала, что она Северина. — Аня...

Потом она забывала, кто он. И на короткое время они становились единственными на земле мужчиной и женщиной в последний день мира. Перетекали друг в друга, проникали под кожу, выплескивались оргазмом. Но это позже. Сейчас она целовала его и мечтала, чтобы этот поцелуй никогда не кончался. В нем было все — целая история, которую рассказать словами нельзя. Только перелить из одного в другого. Как переливаются души. Как сливаются в целое. Как становятся одной — на двоих.

— Если тебя не будет, я сдохну.

Анна вздрогнула и проснулась. Этот сон ей снился уже не в первый раз. Он приносил опустошение и резкую боль внизу живота, которую ничем нельзя было утолить. Смотрела в одну точку, обдумывая полученную от Тани информацию. Пыталась понять, что делать дальше. И надо ли что-то делать.

Ворочалась с боку на бок, отгоняя сон, который не желал отпускать.

Она вскочила, чтобы долго не оставаться на одном месте, решив занять свою голову другим. Насущным. Со дня на день должен был приехать Бенкендорф. Плюнув на Таньку, дрыхнувшую на кухне, Закса, наверняка по-прежнему орущего в камере, и брата-извращенца, сгоревшего от рук проститутки, рванула в больницу.

— Доброе утро, Илья Петрович! — просительно заглянула она в кабинет Фурсова.

— У меня через двадцать минут операция, — предупредил он, указав глазами на стул. — Доброе утро.

Она села и озадаченно посмотрела на врача.

— Вы уж простите, что надоедаю. Это нервное.

— Все нормально, Анна Петровна, — отмахнулся Фурсов. — Завтра Бенкендорф прилетает. После полудня. Встречать поедете?

— Думаю, это лишнее. Наверное, лучше встретиться с ним здесь, в клинике.

— Хорошо, конечно. Он хочет осмотреть девочку перво-наперво. Потом будем говорить обо всем остальном. Так что приезжайте. Мы будем вас ждать.

— Я обязательно приеду, — оживилась Анна.

— Рано не надо, не раньше трех. Я вам в любом случае позвоню. Да! — вспомнил он, едва не хлопнув себя по лбу. — Я же вчера спросил его все-таки по поводу оплаты. Простите, может, не следовало, но любопытство перевесило. Средства поступили от

благотворительного фонда «Надежда».

— Откуда? — еле слышно спросила Анна.

— Фонд «Надежда», — повторил доктор Фурсов. — Я решил, что вы могли обращаться в подобные организации. Странно, что вам не ответили, а просто перевели деньги.

— Я не обращалась, — пробормотала она.

— Может быть, госпожа Веревкина? Вы держали ее в курсе событий?

— Нет. Впрочем... Важно, что Бенкендорф прилетает? — Анна вопросительно посмотрела на Илью Петровича.

— А какие еще варианты, если вывезти ребенка сейчас нельзя?

— Да-да, конечно. Не буду вас больше задерживать, — Анна поднялась. — До завтра.

— До свидания.

Дальнейшее Анна не осознавала. Механически вышла из больницы, села в машину, куда-то ехала. Пришла в себя в фойе прокуратуры.

— Леш, я внизу, — говорила она в трубку бесстрастным голосом.

— Иду, — бросил Власов в телефон и отключился.

Он спустился по лестнице через три минуты, на ходу застегивая пальто и одновременно откидывая волосы со лба. Окинув беглым взглядом Анну, сдержанно улыбнулся. И не знал, как с ней заговорить о чем-то еще, кроме дел и ее вероятных просьб, как это было в тот день, когда она просила о разговоре с Заксом наедине.

— Пообедаем? — спросил он, наконец.

Она согласно кивнула и пошла с ним рядом.

— Я — дура, — сказала она, когда они вышли на крыльцо.

Спустились. Он открыл перед ней дверцу своей машины.

— Тебе просто не повезло.

— Мне пи**ец как не повезло, — устало проворчала Анна, усаживаясь. — Так бывает только в дурацких сказках.

— Сказки обычно хорошо заканчиваются.

— Расскажи это бабушке, которую сожрал серый волк, — она выругалась и отвернулась. — Он не виноват в том, что случилось с Гориным.

— Старшим или младшим? — хмыкнул Власов и тронулся с места.

— Младшим.

— А это что-то меняет?

— Не знаю. Но... неправильно, чтобы он отвечал за то, что сделала Танька. А он за операцию ее ребенка заплатил. Леш, это бред какой-то!

— Господи, какая еще Танька? Где ты это все берешь? У меня с тобой скоро голова лопнет. Начнем с того, что для тебя он сейчас отвечает за то, что сделал десять лет назад. И пофигу на остальное, нет?

— Нет, — упрямо мотнула головой Анна. — Все, что я ему до этого предъявила, он сам сознательно делал. А это... получается, я наговорила.

— Тебе не плевать?

— Нет. Его отпустят?

— Нет, — пожал плечами Власов, не отвлекаясь от дороги. — Хочешь правду?

— Хочу.

— Получай, — усмехнулся он, сжав руль крепче. — Этот подонок будет сидеть. Вопрос только в том, за что и сколько. Ты думаешь, вывернется? Не в этот раз. Да, я знаю,

что он не убивал Горина. И кто его убил мнеглубоко по барабану. Я тебе больше скажу, даже если не брать в расчет твою «Таньку», он его не заказывал. В ночь преступления он был в Москве. Так что да, здесь он не врет. У него были личные дела — очень личные. В минюсте. Он общался с Николаем Ольховским — лично. Знаешь, кто такой Николай Ольховский?

— Знаю, — ответила Анна. — Кто ж не знает.

— Умница, дочка, — хохотнул Власов. — Помимо всем известного, он еще и папаша директора банка «OLInvest». В котором у Закса дохрена счетов открыто. Ты понимаешь зачем он туда ездил?

С ответом она помедлила, соображая.

«Если мне повезет, то ждать меня с зоны не понадобится! — шутя сказал Виктор перед отъездом в Москву. — Этот вариант мне нравится больше, чем думать, что ты могла вернуться в свой бордель».

«Только ради этого ты ищешь решение?»

«А что? Не лестно?»

Дурацкий был разговор. Ни о чем.

— Но это ж не убийство, — медленно сказала Анна. — Его могут выпустить под залог. Ведь могут?

— Нет, моя дорогая. Теперь, когда я взял его за яйца, уже никто ничего не может. Я к Ольховскому давно подбираюсь. Обвинение в коррупции — модная тема. И либо Закс поможет мне это доказать и пойдет по своим экономическим статьям. Либо не поможет — и сядет за убийство.

— Ты — псих! — она нахмурилась. — И карьерист!

— А он подонок. И ты об этом забыла.

— Я помню. Но Танькины показания оформлю, учти.

— Да, — рассмеялся он негромко. — Танькины показания — это серьезно. Ань, тебе это все зачем?

— А тебе какая разница?

— Тебе не кажется, что я — единственный человек, которому есть разница?

— Кажется.

Они стояли на перекрестке. В соседней машине в окно заднего сидения смотрела огромная псина с ярко-розовым языком, свисающим из пасти.

«Тебя когда-нибудь пес е*ал?»

Анна вздрогнула и прошептала:

— Лещ, по-твоему, было бы лучше, если бы я тогда сгорела вместе с родителями?

— Ты что? Больная?! — повысил голос Власов. — Даже думать не вздумай!

— Выпусти его, пожалуйста, — попросила Анна.

Алексей скрежетнул зубами. Красный сменился зеленым. Власов надавил на газ, дернул руль, повернул за угол и вырулил машину к бордюру. Остановился. Посмотрел на нее.

— Ты понимаешь, о чем ты сейчас просишь? Ты понимаешь, что он знает, что это ты его посадила? Понимаешь или нет? Мне тебя потом в Неве искать? Или он еще что-нибудь подожжет?

— Не говори глупостей! Сейчас все по-другому.

— Как по-другому? Что по-другому? В чем по-другому? Он сожрет тебя и не подавится. Ты же умная девка. Мозги включи! Что он там тебе такое в постели показывал, что ты

херней страдаешь?

— Тебе точно не покажет.

— Я не настолько извращенец, чтобы трахаться с убийцей моих родителей, прости господи, — усмехнулся Власов.

— Ну это дааа, — улыбнулась Анна. — Значит, не отпустишь?

— Эта твоя... Танька точно показания даст?

— Даст!

Власов улыбнулся и почесал подбородок, рассматривая ее.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что сейчас подкладываешь мне жирную вонючую свинью? — поинтересовался он. — Вместо разоблачения влиятельного политика — уголовщина.

— Не нагнетай. Я прошу тебя всего лишь выпустить его под залог. Дальше делай, что хочешь. Найдешь другой рычаг, ты тоже не дурак.

— А что дальше будешь делать ты?

— Напишу автобиографический роман, — рассмеялась Анна.

— Про меня не пиши. Получится Марти Сью. За что она его грохнула?

— Он ее на ночь купил. И заставил с кобелем трахаться. Она и озверела.

Власов замолчал. Они не заговаривали о ее «профессии». Он прожил все эти годы, даже не подозревая... Все открылось после ее слов «Я с ним живу». Она давала показания. Говорила, где познакомились. При каких обстоятельствах. Он сперва не верил, потом понял, что правда. Он знал ее десять лет. Из них последние годы, как ему казалось, особенно хорошо. И одновременно не знал о ней ничего. Это грязное и мерзкое, что налипло, он не замечал. Для него она оставалась Аней Протасовой, которую он спас. И это было лучшим, что он когда бы то ни было совершил.

Они не заговаривали. Он молчал.

Теперь она сказала.

— Ты когда-нибудь зверела? — спросил он негромко.

— Наверно тогда... И все это время. Вряд ли все это по-человечески.

— Надо было его убить и все. Тебе было бы проще. Сейчас уже поздно.

— Спасибо тебе, подружка, на добром слове, — криво улыбнулась Анна.

— Не за что, — усмехнулся он. — Только учти, за Ольховского ты мне должна.

— Тогда и ты учти, что все свои долги я отдаю только натурой, — она протянула руку и запустила пальцы в его волосы, царапнув ногтями кожу шеи.

— Отправлю на спецзадание, когда мне нужен будет крючок, — хохотнул Власов, отстранившись, но улыбка с его лица тут же стерлась, и он сказал серьезным голосом: — Почему ты не позволила мне быть рядом?

Анна помолчала. На него не смотрела, но он и не пытался поймать ее взгляд. Обдумывала ответ. В том, что скажет правду, он даже не сомневался. И все же хотел услышать.

— Да по разным причинам, — наконец, проговорила она. — Но в основном потому, что у тебя все слишком. Сначала ты был слишком рано, и тебя было слишком много. Я была не готова ни к каким проявлениям ни своих, ни чужих эмоций. Потом... потом понимала, что ты отнесешься к этому слишком серьезно. И я должна буду этому соответствовать. Ну а уж теперь я совсем не вписываюсь в цвет твоего... периода.

Власов рассмеялся. И снова уставился на нее. Ее глаза всегда казались ему обещанием

чего-то важного. И всегда оказывалось, что это обещание не ему. Он любил ее? Нет. Наверное, не любил. Мог бы любить.

— Все по полочкам. Мне бы так научиться.

— Не уверена, что тебе понравился бы курс обучения.

— Ладно, проехали. Обедать-то будем?

— Обязательно.

— Тогда погнали.

Он завел машину и вырулил обратно на дорогу.

Они обедали долго и обстоятельно, много о чем еще говорили. По делу и о бестолковом. За разговорами можно было не думать о том, зачем она вообще приперлась к Власову просить за Закса. Потому что когда Анна задавала сама себе на этот вопрос, ответ на него ее не устраивал.

Задавалась она и другим вопросом. Если Закса выпустят, придет ли он к ней? Анна не хотела этого так же, как и хотела. Она все сильнее чувствовала себя ненормальной. Но разве она была нормальной? Хоть день своей жизни не под своим именем — была?

С ненормальностью давно смирилась. После всего, что случилось, и что она совершала сознательно, нормального в ее жизни быть не могло. Пользуясь этим, она сначала уверяла Власова, что это Закс убил Андрея, а потом именно в ее квартиру заявила Веревкина чтобы рассказать бредовую историю. И вот она снова мчится к Алексею под видом наивной жажды справедливости.

Никакая это не сказка.

Это театр черной комедии.

Театр, продолжившийся звонком незнакомца, представившегося адвокатом Виктора.

Это было на следующий день после того, как она переговорила с Власовым, и после того, как встретила с Бенкендорфом. Операцию назначили на конец недели. Донора нашли через все того же Константина Христофоровича. Стоило это целого состояния, но на счету по-прежнему были деньги из «Надежды».

Время снова потянулось ожиданием. Ждать было хуже всего. Она это знала — она ждала десять лет. И теперь с трудом понимала, для чего.

Адвокат позвонил неожиданно и предложил встретиться по просьбе своего клиента — тот желал передать ей какой-то важный пакет документов.

Он не хотел ее видеть — просто передать пакет.

Имела ли она право отказаться? Нет, ни минуты.

Кажется, тогда ее накрыло в первый раз. Нет, не сердце дрогнуло. Накрыло.

«Я не хочу, чтобы ты думала, что это попытка оправдаться, обелить себя или получить прощение. Оправдываться я не умею. Обелять себя не вижу смысла. Прощение — чушь для идиотов, которые думают, что это что-то решит. Просто хочу, чтобы ты знала, за что мы отдали свои жизни».

Среди бумаг оказались документы на чугунолитейный завод, судя по которым он целиком принадлежал отцу. Нотариально заверенное заявление Ивана Закса о выходе из компании. И его личное письмо Петру Горину. В нем он обвинял старого друга в воровстве завода. Еще были копии протоколов о гибели Закса-старшего.

Анна долго вчитывалась в каждую букву. Но даже не будь их — не знала ли она в глубине души, за что? Причина не так уж важна. Она могла быть. Ее могло не быть. Это многое объясняло, но ничего не меняло. Каждый из них прошел свой путь до сегодняшней

отметки.

У нее оставалось еще два дела: дотащить Таньку до ментовки и дождаться результатов операции Насти. И тогда она будет свободна. Впервые за многие годы она будет, наконец, свободна. И тогда станет делать то, чего действительно хочет.

Глава 20. Поцелуй

Некоторое время спустя

Анна прикрыла глаза и издала тихий, болезненный стон, вырвавшийся из глубины ее существа, где нарастало мучительное, острое, неутоленное желание. Она прижалась к горячему мужскому телу, от чего стало еще больнее, и снова со стоном выдохнула.

Он не спешил. Ему нравилось пробуждать в ней страсть и видеть, как она сама мучится от этого. Что еще ему оставалось? Все прочее было не про них. Это единственное. Чувствовать, как ее сердце колотится где-то рядом с его. Проводить языком по ее губам, по ее зубам, прикасаться к ее языку, превращать это движение в немислимый танец. То ли тел, то ли душ.

Ему нравился ее вкус. Понравился однажды — и оказался жизненно необходим. Без него все прочие вкусы переставали существовать. Он и чувствовал-то лишь тогда, когда она была рядом.

Сминал шелк платья на узкой спине и одновременно гладил кожу под ним. Поцелуя не прекращал. Углублял его. Соскучился по губам. Она отвечала страстно и жадно, изгибалась в его руках и обнимала своими. Оплетала шею, лохматила волосы, расстегивала рубашку, опалая его кожу тонкими ладонями. И он сходил с ума.

Иллюзия, что кто-то в чьей-то власти. Иллюзия, что кто-то кому-то принадлежит. Иллюзия, кто кто-то от кого-то зависит. Есть лишь мгновения обоюдного обладания. Когда просто перестаешь быть кем-то другим, становясь собой. И настоящий, ты тянешься к единственному, что может утолить голод и жажду. Все имеет истоки в первобытном. Нельзя приукрашивать любовь. Всякое приукрашивание — шаг в ловушку, которая может захлопнуться при любом неосторожном шаге.

Его счастье было в том, что шаг уже сделан. Он давно угодил в эту ловушку. И пути из нее не искал.

Он нашел застежку платья и медленно потянул вниз. Оно упало к ее ногам — соскользнуло с гладкого тела. И в который уже раз он приник губами к ее шее, ключицам, груди. Превращать тело в культ — тоже то немногое, на что он имел еще право, которое она за ним безоговорочно признавала.

Теперь она сама сбрасывала с себя белье, раздевала его, стремясь почувствовать его обнаженную кожу грудью. Прикасалась к нему жаркими губами, продолжая вздыхать жалобными стонами. Поцелуи ее становились укусами, а пальцы теперь больно царапали спину. Она мелко задрожала и опустилась перед ним на колени, одновременно дернув вниз брюки. Подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Аня, — прошептал он.

Его рука легла на ее затылок, зарылась в волосы. Он стащил с себя брюки и заставил ее подняться. Подхватил на руки. Унес на постель. И снова стал исследовать ее тело, как делал это раз за разом — губами, пальцами, заставляя ее трепетать от прикосновений. И понимая, что сам едва сдерживает себя.

От его рук, губ, пальцев она попадала в другую реальность, где не было ни прошлого, ни будущего. Где она могла существовать лишь для того, чтобы почувствовать, наконец, его в себе, вздрагивая от удовольствия при каждом его толчке.

Анна рвано дышала, пропуская вдохи и хрипло выдыхая. Она всегда сдавалась первой, когда сил ждать не оставалось. Оттолкнула, перекатилась ему на грудь, прилепилась голодным ртом к его губам. То быстро, то медленно скользила горячей влажной плотью по его возбужденному члену.

— Я хочу тебя, — попросила она, — пожалуйста.

Он с облегчением выдохнул сквозь сжатые зубы и насадил ее на себя. И сам, придерживая ее бедра, направлял движения, определяя ей границы дозволенного. Хотя бы сейчас.

Была в том невыразимая горечь, от которой он в эти минуты испытывал счастье. Счастье ведь тоже иллюзия.

Не отрывая глаз, он рассматривал ее лицо. И видел на нем только глаза, невыносимая синева которых делала его слабым и сильным одновременно.

А потом отпускал ее, позволяя ей все.

Она довольно выдыхала. Не отводила от него взгляда. Он теплел, наполнялся нежностью. Она забывала себя, а на губах появлялась улыбка. Детская, счастливая. Она прижималась этой улыбкой к его губам и обессилено ложилась ему на грудь. Он снова подхватывал ее. Она оказывалась под ним. Продолжал ласкать ее тело — его он знал лучше, чем ее. И признавался ей в любви так, как если бы это было впервые. И снова ждал, когда она не выдержит.

Она сердито ворчала, не в силах отлепиться от него. Исступленно извивалась, не чувствуя тяжести, широко раскрывалась ему навстречу в мучительном ожидании.

— Я хочу только тебя, — хрипела Анна чужим голосом.

Он это знал. То, что она хотела только его, он знал. Всего лишь хотела.

Но и это оказывало на него действие — он чувствовал, как дрожат его руки от возбуждения, искавшего выход. И начинал резко врезаться в ее тело, выдыхая глухие стоны. А она начинала жить, будто он наполнял ее своими силами. Двигалась также резко, сильно, больно, вторя его стонам. До тех пор, пока не наступала разрядка. И не превращала их обоих в два солнца, чья гибель стала самой яркой их вспышкой. И на месте сияния оставались глубокие черные провалы, в которые заглянуть нельзя — страшно.

Они так и лежали, сплетясь телами. Время проходило, минуя их. Анна не желала обращать внимания на время. Она лежала, не двигаясь, закрыв глаза. И никогда не знала, чем дышит. Воздухом или им.

А потом он неизменно произносил то, что заставляло обоих очнуться:

— Я не могу без тебя.

— Я знаю. И приду скоро.

— Останься.

Она больше не говорила ни слова. Вставала, одевалась, не смотрела на него. Он теперь молчал тоже. Знал, что она выжила только для того, чтобы сменить его прежний ад этим, новым. И быть с ним в аду. Сколько уже тянулось? Когда она прекратит? Будто нарочно, оттягивала мясо от кости и вдалбливалась в него. Как тот, третий... До конца дней ему суждено слышать ее голос в день, когда она призналась, кто она. Теперь ему снился тот день и ее голос.

И все же она хотела только его. Искалеченного, изуродованного, жалкого. И лишь в те минуты, когда была рядом, ему казалось, что она снова вдыхает в него жизнь.

Когда она уже выходила из комнаты, он негромко сказал, глядя ей в спину:

— Я выбрал Кетчикан. Семь тысяч человек. Горы. Туманные фьорды. Как только все закончится, я уеду туда.

Она остановилась и резко развернулась к нему. Криво улыбнулась.

— Наверно, там хорошо.

— Не знаю. Наверное.

— Открытку пришлешь?

— Нет. Ты все равно приедешь ко мне, сама увидишь.

— Я не стану бегать за тобой, — зло сказала она и хлопнула за собой дверью.

Он пожал плечами и откинулся на подушку. В этой игре он все-таки выиграет. Или она приедет к нему, или он сдохнет, как обещал. И первое, и второе подходило ему одинаково.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net